

Учебный год начался. Дети пришли на занятия в школу.

Фото Д. Бальтерманца.

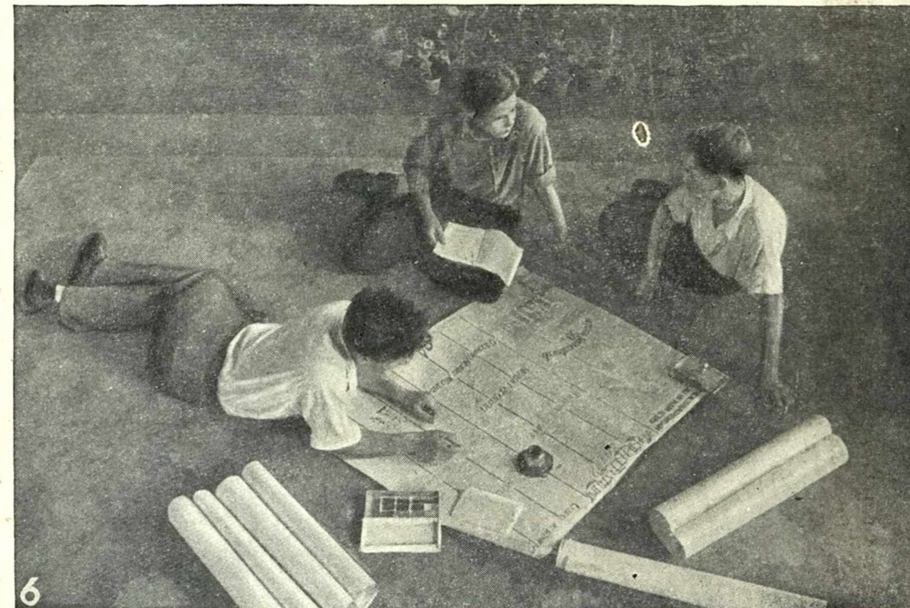








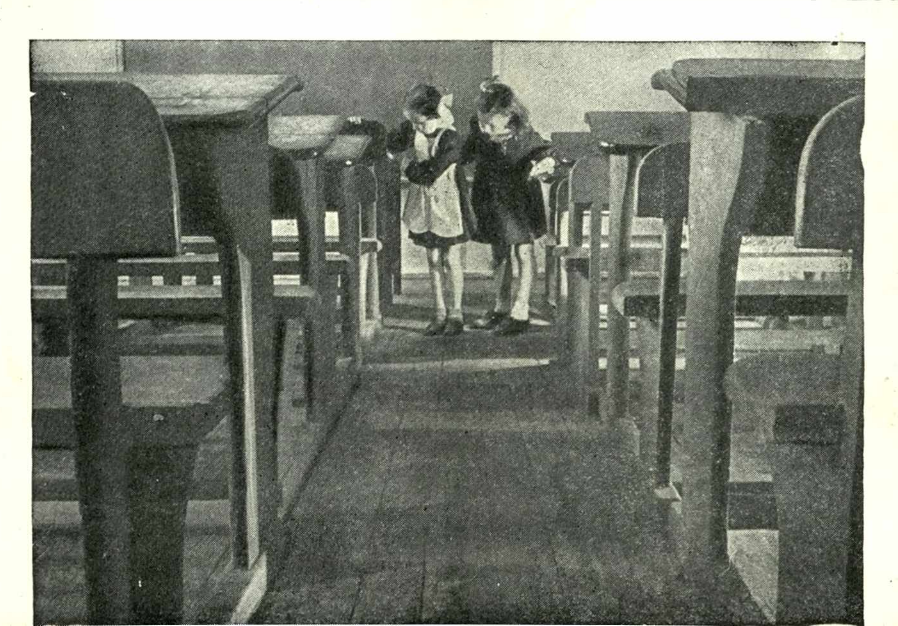




ПЕРЕД НАЧАЛОМ УЧЕБНОГО ГОДА

Фотоочерк О. Кнорринга и А. Узляна

1 сентября отдохнувшие и поправившиеся за лето ребята вернулись в школы. Вместе с ними впервые сели за парту новички-первоклассники. Наши фотокорреспонденты посетили 635-ю женскую и 636-ю мужскую средние школы Свердловского района Москвы.



НА СНИМКАХ:

1. Председатель родительского комитета А. Г. Шторм проверяет, как произведен ремонт школы.
2. К началу занятий классы украсились цветами.
3. Учительница М. Ф. Кузьмина посетила на дому свою ученицу, первоклассницу Таню Тапалер.
4. Скоро начнутся уроки географии.
5. В жизни Иры Ереминой и Зои Петровой произошло важное событие — покупка первого портфеля.
6. К началу учебного года выпускается стенная газета.
7. «Здесь мы будем учиться».

0-39

ОГОНЁК № 36 (1109) 5 СЕНТЯБРЯ 1948

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

26-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

От Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и Совета Министров Союза ССР

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и Совет Министров Союза ССР с великим прискорбием извещают партию и всех трудящихся Советского Союза, что 31 августа в 3 часа 55 минут дня после тяжелой болезни скончался выдающийся деятель нашей партии и Советского государства, член Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР, генерал-полковник товарищ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЖДАНОВ.

Смерть товарища А. А. ЖДАНОВА, верного сына партии Ленина — Сталина, посвятившего всю свою жизнь служению ... ма, является тяг... ии и всего совет-

В лице товарища ЖДАНОВА партия лишилась выдающегося марксистского теоретика, талантливейшего пропагандиста великих идей Ленина—Сталина, одного из виднейших строителей партии и Советского государства.

Верный ученик и соратник великого Сталина товарищ ЖДАНОВ своей кипучей деятельностью на благо советского отечества, своей беззаветной преданностью делу партии Ленина — Сталина снискал горячую любовь партии и всех трудящихся нашей Родины.

Жизнь товарища АНДРЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЖДАНОВА, отдавшего всю свою пламенную энергию делу строительства коммунизма, будет служить примером для трудящихся нашей великой Советской Родины.

...ЫЙ КОМИТЕТ
...ОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
...ольшевиков)

СОВЕТ
МИНИСТРОВ
СОЮЗА ССР

Андрей Александрович Жданов

31 августа после тяжелой болезни скончался один из выдающихся строителей и деятелей коммунистической партии и Советского государства, член Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР, генерал-полковник товарищ Андрей Александрович ЖДАНОВ.

Андрей Александрович ЖДАНОВ родился 26 (14) февраля 1896 года в гор. Мариуполе в семье инспектора народных училищ. Шестнадцатилетним юношей (в 1912 году) А. А. ЖДАНОВ после переезда его отца в Тверь вступает в революционное движение, принимает участие в социал-демократических кружках учащейся молодежи гор. Твери (ныне гор. Калинина).

В ряды большевистской партии А. А. ЖДАНОВ вступает в 1915 году. Он ведет активную партийную работу в рабочем районе гор. Твери. Товарищ ЖДАНОВ вскоре становится партийным работником. В период первой мировой войны, будучи мобилизованным в армию, он ведет большевистскую пропаганду среди солдат, принимает участие в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции на Урале. В годы гражданской войны товарищ ЖДАНОВ занимается политическим просвещением в частях Красной Армии, ведет партийную и советскую работу на Урале и в Твери. С 1922 года тов. ЖДАНОВ председатель Тверского губисполкома. В 1924—1934 г.г. он на руководящей партийной работе в Горьковском крае: секретарь Горьковского губкома, секретарь Горьковского крайкома ВКП(б).

На XIV съезде ВКП(б) А. А. ЖДАНОВ избирается кандидатом в члены ЦК ВКП(б), на XVI съезде членом ЦК ВКП(б), а после XVII съезда он избирается секретарем ЦК ВКП(б), кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Товарищ ЖДАНОВ ведет большую партийную и государственную работу. Он уделяет много внимания вопросам идеологии и марксистско-ленинской теории. Его выступление на первом съезде Союза Советских писателей наметило важнейшие задачи в развитии советской литературы.

В декабре 1934 года, после злодейского убийства С. М. Кирова, партия посылает товарища А. А. ЖДАНОВА на работу в ленинградскую партийную организацию, которую он возглавляет в период с 1934 по 1944 год включительно.

Выполняя волю партии, А. А. ЖДАНОВ со свойственной ему большевистской страстностью воодушевляет и мобилизует ленинградскую партийную организацию на разгром и выкорчевывание троцкистско-зиновьевских двурушников и предателей, еще теснее сплачивает ленинградских большевиков вокруг ЦК ВКП(б) и товарища Сталина.

Накануне XVIII съезда ЦК ВКП(б) поручает тов. А. А. ЖДАНОВУ руководство агитационно-пропагандистской работой партии. Он выступает также на XVIII съезде партии с докладом по вопросам партийного строительства. Любое поручение партии А. А. ЖДАНОВ выполнял, отдаваясь ему всей душой. После XVIII съезда партии т. ЖДАНОВ избирается членом Политбюро ЦК ВКП(б).

В годы Великой Отечественной войны партия и правительство поручают товарищу А. А. ЖДАНОВУ организацию дела обороны Ленинграда. Осуществляя указания ЦК ВКП(б) и товарища Сталина, ленинградские большевики, возглавляемые товарищем ЖДАНОВЫМ, явились душой героической обороны города Ленина. За работу на Ленинградском фронте тов. ЖДАНОВУ присваивается сначала звание генерал-лейтенанта, а потом звание генерал-полковника.

За свою выдающуюся партийную и военную работу т. ЖДАНОВ был награжден двумя орденами Ленина, орденом «Красное Знамя», орденом Суворова 1 степени, орденом Кутузова 1 степени, орденом Трудового Красного Знамени.

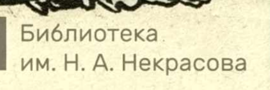
После победы в Великой Отечественной войне, когда партия и народ перешли к мирному строительству, видное место в жизни партии и страны заняли вопросы идеологической работы. Являясь выдающимся марксистским теоретиком и талантливейшим пропагандистом великих идей Ленина — Сталина, товарищ ЖДАНОВ выступает с рядом блестящих докладов по вопросам литературы, искусства, философии, по вопросам международного положения.

А. А. ЖДАНОВ находился в первых рядах руководящих деятелей международного рабочего движения. Его выступления широко известны трудящимся всех стран.

Верный ученик и соратник великого Сталина товарищ ЖДАНОВ с пламенной энергией боролся за дело коммунизма, никогда не щадил своих сил и здоровья. Его кипучая жизнь и деятельность — пример самоотверженного служения партии и народу. Горячую любовь партии и всех трудящихся он заслужил своей беззаветной преданностью великому делу Ленина — Сталина, своей глубокой принципиальностью, не допускающей какое-либо отклонение от генеральной линии партии.

Прощай, наш дорогой друг и боевой товарищ!

А. АНДРЕЕВ
Л. БЕРИЯ
Н. БУЛГАНИН
Н. ВОЗНЕСЕНСКИЙ
К. ВОРОШИЛОВ
Л. КАГАНОВИЧ
А. КОСЫГИН
А. КУЗНЕЦОВ
Г. МАЛЕНКОВ
А. МИКОЯН
В. МОЛОТОВ
П. ПОНОМАРЕНКО
Г. ПОПОВ
И. СТАЛИН
М. СУСЛОВ
Н. ХРУЩЕВ
Н. ШВЕРНИК
М. ШКИРЯТОВ





АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЖДАНОВ

1896 — 1948

ВЕРНЫЙ СЫН БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ

Тяжесть неожиданной, невосполнимой утраты мешает сосредоточить мысли, заставить себя писать.

Умер Жданов... Как эта весть, облетевшая на волнах радио всю страну, не вяжется с образом человека, основной чертой личности которого была кипучая жизнедеятельность,— человека, в котором аккумулировалась такая неисчерпаемая, вечно рвущаяся к действию моральная сила!

Листаю страницы своей памяти и из тысяч встреч выделяю одну — встречу начала тридцатых годов. Это было в Нижнем Новгороде, нынешнем городе Горьком. Мы, москвичи, участники совещания нижегородских литераторов, вместе с нашими радушными хозяевами пошли в старинный Кремль, в комитет партии, чтобы побеседовать по местным литературным делам с руководителем нижегородских большевиков Андреем Александровичем Ждановым.

В просто обставленном кабинете, из окон которого виднелись широкий волжский плес и просторная, уходящая к серому горизонту заречная низменность, навстречу нам поднялся из-за стола человек, одетый в полувоенный костюм. Крепко пожимая руки и вглядываясь в каждого, он радушно пригласил всех сесть к столу и начать беседу.

Это были напряженные дни нашей первой пятилетки. По всей стране, в том числе и в Нижегородском крае, рушился старый, тысячелетний уклад жизни. В жестокой борьбе с судорожно сопротивлявшимся кулачеством крестьянство объединялось в колхозах, меняя дедовскую соху на трактор. Рабочие люди в городах закладывали фундаменты новых промышленных гигантов, превративших нашу страну в одну из сильнейших индустриальных стран мира. Огромную тяжесть труда, полного беспокойства и бессонных ночей, несли в эти дни на своих плечах такие люди, как Андрей Жданов, которым народ и партия доверили руководство этим небывалым в истории человечества преобразованием всего уклада жизни страны.

Мы знали, что мысли нашего хозяина сейчас там, на правом берегу Волги, где должен был вырасти один из первенцев пятилетки — Горьковский автомобильный завод, в цехах старой пролетарской цитадели Нижнего — Сормовского завода, на осенних полях крестьянского Поволжья и Заволжья. Наш хозяин смотрел на нас весело поблескивающими, умными глазами. Но по чуть заметной паутине морщинок вокруг этих молодых глаз, по припухлости век явственно прочитывалась подавляемая сильной и настойчивой волей изнурительная усталость бесконечных недоспанных ночей, беспокойной, хлопотной «жизни на колесах».

И нам было неловко, что мы вторглись в железный календарь деятельности этого человека со своими литераторскими делами и нуждами.

Но стоило только Жданову заговорить о том, для чего мы пришли, как чувство неловкости исчезло и мы с головой погрузились в стремительный поток беседы, из которой стало ясно, что наше литературное дело стоит в одном ряду с самыми большими делами нашего времени.

Наш хозяин немногословно, энергично, убеждающе развернул перед нами захватывающую дух перспективу завтрашнего дня этого старинного, коренного русского края, динамику стремительного преображения городов, сел, человеческих душ и судеб. Он раскрыл перед нами арсенал оружия, при помощи которого может быть и должна быть перестроена личность человека, дерзнувшего пойти впереди человечества, его чувства, его мысли, его привычки и характер. И среди многих орудий воздействия на пересоздающего себя в борьбе современника он выделил наше орудие — литературу. И нам без подсказок, без напоминаний стало ясно, где наше место в борьбе и в жизни, какова наша ответственность перед народом и историей за то, что мы делаем.

В этой короткой беседе образ Жданова предстал перед нами как образ человека большого исторического и политического кругозора, человека, мысль которого рождает действие и вызывается живой неутомимой деятельностью. Эта мысль с железной последовательностью ставила все частное в общий строй великих дел, совершаемых в стране, и в мельчайших проявлениях повседневности разгадывала жизнесозидающий потенциал будущего.

И когда мы, уже в ранних сумерках, выходили из нижегородского Кремля, кто-то из товарищей, взволнованный только что закончившейся беседой, и для себя и для товарищей подытожил впечатления от этой встречи:

— Вот это человек!.. Настоящий это большевик... настоящий!

Годы, которые прошли с того дня, показали, насколько были верны эти слова литератора-нижегородца.

На виду у всего народа, на виду у всего мира Андрей Александрович Жданов за эти годы рос и сформировался как крупнейший государственный и политический деятель советского государства, как один из выдающихся соратников великого Сталина.

На посту секретаря Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), на посту руководителя Ленинградской большевистской организации, на славном посту вдохновителя и организатора ленинградской обороны против немецко-фашистских полчищ и вновь на высоком посту в Центральном Комитете партии товарищ Жданов отдал служению делу социализма все неисчерпаемые силы своей разносторонне одаренной личности.

В образе Жданова нашли яркое воплощение характерные черты личности государственного деятеля нового типа, выдающегося партийного работника сталинской школы. Для Андрея Александровича были равно близки и понятны все стороны идейно-воспитательной и творчески созидательной деятельности, осуществляемой в нашем молодом социалистическом обществе. Он предстает перед нами как на редкость чуткий, вооруженный всей силой творческого познания учения Ленина—Сталина воспитатель большевистских партийных кадров.

С людьми промышленности и сельского хозяйства он, великолепно знающий характер и природу новой советской экономики, государственный деятель и руководитель. С людьми науки, искусства, литературы он чуткий к специфике каждой из этих областей духовной деятельности, компетентный руководитель и советчик.

В труднейшие годы героической обороны Ленинграда он сочетает свои выдающиеся качества большевика, идейного вдохновителя и организатора народных масс с ярким талантом военного деятеля сталинской школы.

Нет в нашей стране ни одного работника любой из отраслей административной, хозяйственной, военной деятельности, людей культуры, науки, искусства, литературы, которые, хотя бы однажды соприкоснувшись в своей работе с товарищем Ждановым, не сохранили бы на всю жизнь в своей памяти обаяние его личности, силу его творческой мысли, ясность его взгляда на жизнь и почерпнутое в многолетнем общении с великим Сталиным уменье сразу увидеть за частностями общее и государственно важное.

Каждый, кому привелось в жизни слушать товарища Жданова, встречаться, беседовать с ним, не мог не отметить для себя сочетание в нем высочайшей большевистской идейной и деловой принципиальности и непримиримости с огромным тактом, человеческой обаятельностью и подкупающей простотой в общении с людьми.

На какие бы самые трудные и ответственные участки борьбы и работы партия ни посылала товарища Жданова, всегда и везде он был беззаветно преданным делу Ленина—Сталина борцом за генеральную линию партии, верным и преданным учеником и соратником Сталина.

Смерть остановила сердце товарища Жданова на самом высоком взлете его творческих возможностей. С юношеских лет связав свою судьбу с большевистской партией, сквозь годы борьбы в революционном подполье, на фронтах гражданской войны, в буднях кипучего мирного труда, в жестоких испытаниях лет Великой Отечественной войны и ныне, в годы великих работ по осуществлению великого сталинского плана послевоенной пятилетки, Андрей Александрович был всегда на боевом посту, всегда в первом ряду героической армии советских людей, созидающих коммунизм. И умер он, как солдат, до последнего дыхания отдавая себя делу, которому посвятил всю свою жизнь.

И в скорбные часы всенародного прощания все советские люди вместе с великим Сталиным, вместе с большевистской партией глубоко и остро переживают боль невосполнимой утраты, склоняют красные знамена, овеянные славой ратных и трудовых подвигов, перед светлой памятью одного из славнейших сынов Советской Отчизны, верного соратника Сталина, товарища Жданова.

Прощай, дорогой Андрей Александрович! У древней кремлевской стены — усыпальницы славных — шумят боевые красные знамена — символ бессмертия того дела, которому ты отдал свою жизнь. И в несмолкающем гуле станков на заводах, в стальной поступи тракторов на колхозных полях, в слитном биении сердца двухсотмиллионного народа ты останешься в строю живых, живой, устремленный к коммунизму, не подвластный тленью и забвению.

Ал. СУРКОВ

ШКОЛА НА БЛАГОДАТНОМ

М. АБРАМОВ

Фото Д. Трахтенберга



Снимок сделан около Благодатного переулка в дни блокады Ленинграда.

В то памятное воскресенье они не знали друг друга, и трудно было предполагать, что их пути когда-нибудь сойдутся...

1

Иван Васильевич Березников договорился накануне со штукатурами, что завтра, в выходной, они будут работать. Хотелось быстрее сдать здание на Невском: оставалось незаконченным одно крыло фасада.

— Сделаем! — сказал бригадир.— А ты, прораб, надо думать, не обидишь нас, дашь потом отгулять...

Можно было положиться на штукатуров — ребята трудились на совесть — и не приходить в это утро на стройку. Но Березникову не сиделось дома. Жене, упрекнувшей его, что вот-де он и в воскресенье не может побыть с семьей, обещал вернуться через час, не позже. И он действительно не имел намерения задерживаться: «Взгляну и обратно». Но как было удержаться от соблазна, если люлька, когда он пришел, находилась еще на тротуаре? Ну, конечно, он забрался в нее, чтобы подняться на пару минут и поглядеть только, хорошо ли ложится штукатурка.

Взял в руки «сокол», набросил раствор разок, набросил другой и увлекся. Увлекся так, что не сразу ощутил, как трясет его за рукав бригадир и, встревоженный, показывает вниз. Там, на углу, стояла толпа и внимала репродуктору. Прораб облокотился на перила люльки, свесил голову и прислушался. Говорил Молотов.

...Евстигней Алексеевич Петров в субботу послал в роно объемистую папку с итоговыми материалами за год, медленно обошел с завхозом все школьные этажи, отмечая в блокноте, где и какой необходим летом ремонт, подписал ведомость на покупку наглядных пособий и учебников. Вечером он уехал с женой на пристань, где стоял, поджидая пассажиров, теплоход «Андрей Жданов». Учителя Московского района отправлялись на экскурсию в Выборг.

Люди обычно степенные, сдержанные, очутившись одни, без учеников, они вели себя весьма непринужденно, искренне радуясь, что вот остались позади и уроки, и проверки диктантов, и заседания предметных комиссий, и экзамены. Пусть уже через какую-нибудь неделю—две каждый из них нестерпимо заскучает по всему этому, но сейчас — сейчас, товарищи, никаких разговоров о школьных делах, понимаете, никаких! Даже штраф установлен: нарушитель уговора платит рубль в фонд экскурсии. Когда теплоход приближался на рассвете к порту, все увидели вдруг самолеты, которые делали круги в ясном, спокойном небе.

— Ого, с каким почетом встречают нас! — пошутил кто-то, и тут же осекся: их слишком много было, истребителей, барражировавших над городом.

Возвращение оказалось долгим и тягостным. Теплоход то и дело стопорил машины, пропуская военные корабли. Все огни и на заливе и на берегу были загашены...

Что касается третьего героя нашего очерка, то вряд ли Вячеславу Леонидовичу Омельченко памятны события 22 июня 1941 года, ибо он в этот день... родился.

2

Березников и Петров ушли на войну.

Для Ивана Васильевича это была третья война, солдатом которой он становился. В гражданскую — Перекоп. В финскую кампанию — Карельский перешеек, «линия Маннергейма»: он числился наводчиком противотанкового орудия, и в бою, в день прорыва, один уцелел у пушки и стрелял до тех пор, пока хватило боеприпасов, и орден Красного знамени был ему наградой за подвиг.

В Отечественную войну Березникову не довелось сделать ни единого выстрела, хотя он участвовал с первого до последнего часа в сражении, которое длилось, не утихая, 900 дней подряд. И он не должен был стрелять: он командовал аварийно-восстановительным взводом. Полем боя были площади, улицы, переулки Ленинграда; оружием — лопата, кирка, шланг с водой, а позже — топор, пила, рубанок. Кто из ленинградцев, переживших блокаду, не помнит этих тружеников войны в выцветших на солнце, потертых гимнастерках! Они всегда поспевали первыми туда, где только что грохнула бомба или разорвался снаряд...

Петров, передав школу начальнику госпиталя, записался в народное ополчение.

Военные дороги Евстигнея Алексеевича пролегли далеко, за тысячи верст от родного города. Пол-Европы, через пять ее стран, прошел он в наступающих войсках и иногда шутил в кругу товарищей, что для него, преподавателя географии, лучшей практики и не пожелаешь.

Однажды, в румынском городке Араде, Петрова пригласили в местную гимназию. Он сидел на уроке, слушал скрипучую, монотонную речь учителя, на чьем лице застыло, кажется, навсегда, навечно выражение отчужденности от всего, что творится вокруг; видел столь же равнодушных, нахохлившихся, будто воробьи на морозе, гимназистов. Вернувшись из гимназии, вынул из планшета свернутый вчетверо листок бумаги и перечитал — в который раз! — отчеркнутые красным карандашом строки:

«Случайно узнали Ваш полевой адрес и решили черкнуть Вам на фронт пару строк. Пишем мы, собственно, тоже с фронта. От нас, если подняться на крышу, видны немецкие позиции. Немцы бьют сюда прямой наводкой. Мы пережили ужасную зиму. Она еще так близка, что вспоминать о ней — бередить заживающую рану. Словом, выжили. И живем. И ребят учим! Теперь в районе целых четыре школы.

Поначалу дети были так слабы, что боязно было вызывать их к доске: еле двигались. И вот, когда мальчуганы из четвертого класса затеяли возню и разбили невзначай чернильницу, — это было для нас радостным событием. О, это значило, что крепнут ребятишки, что возвращаются к ним прежние силенки... Мимо нашей школы проходят на передовую солдаты. Нет-нет, и заглянут «на огонек», побродят по коридору, приласкают малышей и непременно поделятся скудным своим пайком: не взять — смертельно обидеть. И идут дальше, к Пулкову».

Так писали ему осенью 1942 года. А как там сейчас? Хоть бы одним глазком взглянуть...

О событиях, которые происходили во время войны с товарищем Омельченко, можно сказать очень коротко: он подрастал.

Отец его тоже был солдат, воевавший на Пулковских высотах, в пяти километрах от своего дома. А побывать в нем пришлось ему только раз, когда его послали с донесением в штаб армии. Он подошел к воротам и понял, что вряд ли застанет своих: дом стоял слепой, все стекла выбиты. Но все-таки поднялся, постучал к себе — никто не отворил, к соседям — никого, постучал и в остальные квартиры — пусто. Внизу встретил коменданта.

— Ты чего расстучался? — сказал тот.— Нет жильцов. Перевезли всех в «тыл», на Петроградскую сторону. И твоих тоже.

На Петроградскую солдат не попал, да и там уже не было семьи: жену и сына эвакуировали через Ладожское озеро на Большую землю.

3

Вот мы, пожалуй, и подходим к тому периоду в жизни наших героев, когда их пути начинают сближаться и, не ведая того, все трое идут навстречу друг другу.

Не сняв еще погонов, Березников возвращается к мирной своей профессии. Этот переход он совершает неприметно для себя. Вчера разбирали очередной завал после взрыва бомбы, сегодня повели кирпичную кладку. И так же естественно, просто: вчера — старшина, сегодня — прораб. И можно вытащить из сундука на свет божий старенькую, потрепанную записную книжицу и занести в нее первый послевоенный адресок: «Чугунная, 2» — и рядом поставить: «капитальное восстановление». Два этих словца не раз еще появятся в заветном блокноте, пока не сменит их жирными черточками обведенное, долгожданное слово «новостройка». И восклицательный знак сбоку. Да, новостройка!

— Будете строить школу, Иван Васильевич, — сказали в тресте.

Он ясно слышал: «строить». Но вслух усомнился:

— Восстанавливать?

Ему повторили, и он удовлетворенно прищурился и провел ладонью по небритому подбород-

ку, как делал это всегда в хорошем настроении.

— Где?

— На Благодатном.

— Благодатный переулок!

Жителю блокадного Ленинграда о многом говорило это название. Его не произносили вслух, но знали: там — армия, ее руководство.

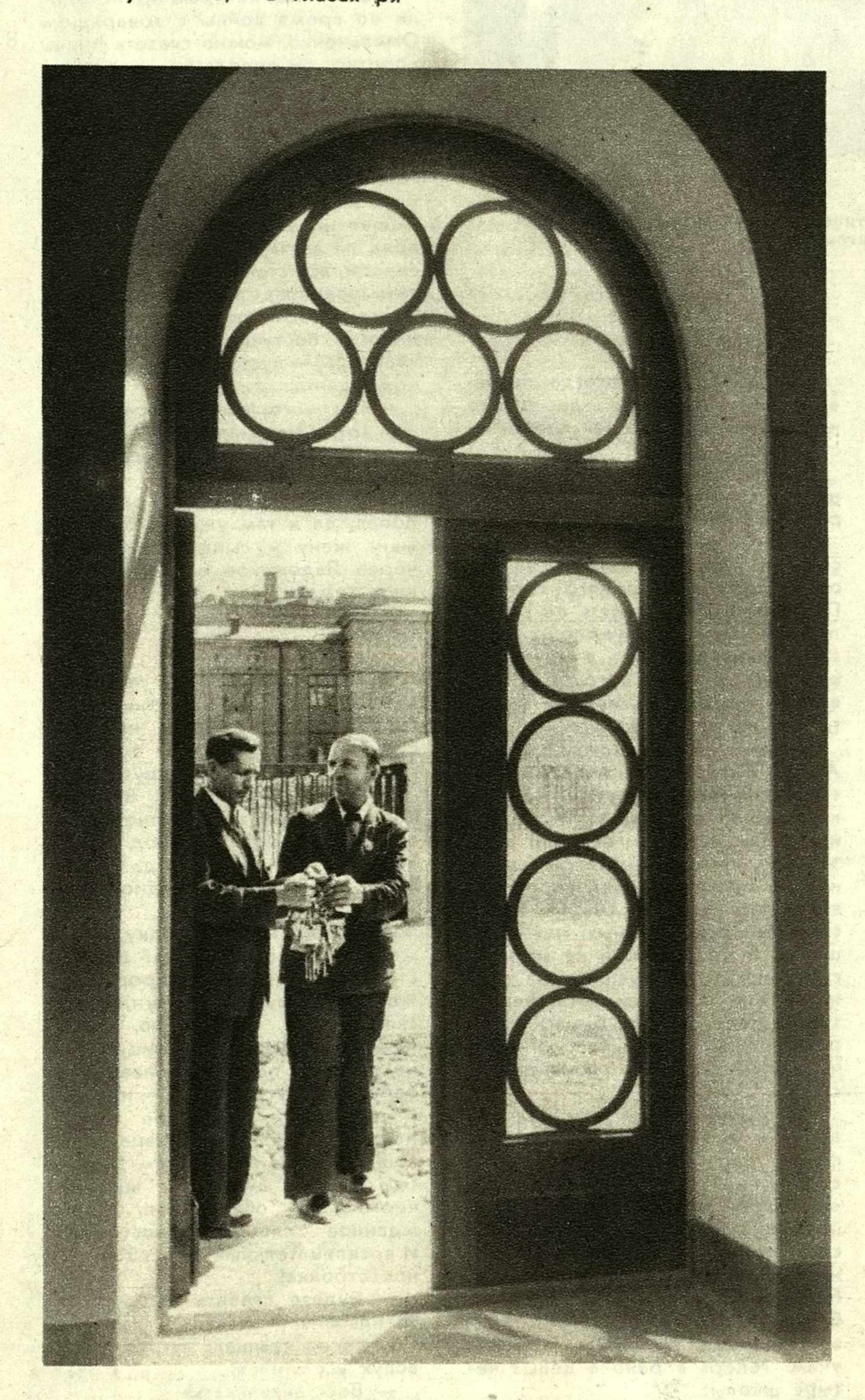
Трудно сказать, почему этот далекий, окраинный переулок назвали когда-то столь поэтично. Но в утро прорыва блокады он упрочился в этом своем наименовании. Он заслужил его, ибо действительно стал благодатным. Он принес счастье ленинградцам. Отсюда, из массивного, выложенного красным кирпичом здания, шли и сюда сходились нити великого наступления. Здесь ковалась победа!

Так вот он где будет строить: на Благодатном!

Перед Березниковым лежал проект здания — скупые, строгие линии чертежа, — лежала объяснительная записка: площадь участка 150 × 120, кубатура — 20 408, этажей — 4, классов — 27, лабораторий — 4, помещение рассчитано на 1008 учеников, — в глазах рябит от цифр. А он за чертежом, за цифрами видит ее, будущую школу, в мелочах, в деталях — большую, светлую, просторную. Она уже имеет свой номер: 355-я, мужская! 355? Такой же номер носила и та, в которой учился Вася, сын его, погибший в оккупации на Псковщине... Хорошо, красиво надо построить! И потому мастеров себе он подобрал на славу. Тут «классики кирпичной кладки» Александр Царев и Петр Погудин. Тут «два Ивана», неразлучные друзья-штукатуры Карпов и Корнеев. Тут бывший боец его взвода Федор Иванов, «специалист по народному образованию», как справедливо он себя величает, ибо нет, кажется, в Ленинграде школы, на отделке которой не работал бы этот столяр.



Ученики 355-й средней мужской школы Алексей Гущин, Роберт Сутырин, Анатолий Снежков у новой школы в Благодатном переулке.



И. В. Березников передает директору школы Е. А. Петрову ключи от вновь выстроенного здания.

Здание только заложили, а школа № 355 уже существовала. Был у нее директор — Евстигней Алексеевич Петров, вернувшийся после демобилизации из Вены. Были ученики, которых временно приютила во вторую смену соседняя десятилетка.

Березников и его люди чувствовали себя под неусыпным контролем этих ребятишек. Все утро, до начала занятий, они пропадали на стройке. И всё видят. Мешали строителям кусты акаций, хотели выкорчевать, но вмешалась «школьная общественность» — и пришлось пересадить. А на одном из деревьев, тут же во дворе, прибили пионеры скворечню и поселили там ученого, говорящего скворца. Он твердил безустали: «Я тут, я тут, я тут», — и его тоже можно было считать наблюдателем.

4

Растет, как в сказке, не по дням и даже не по часам, а по минутам жилой дом из крупных блоков. Величаво ходит стрела подъемного крана, медленно пронося и бережно опуская в гнездо этажу многопудовую кирпичину...

А вон там, на той стороне, уже гордо высится, подставляя нежно-розовый фасад солнцу, сверкая всеми своими промытыми стеклами, поблескивая глобусом на фронтоне, красавица-школа, первая ленинградская послевоенная школа-новостройка. И Благодатный радушно принимает ее в свои владения.

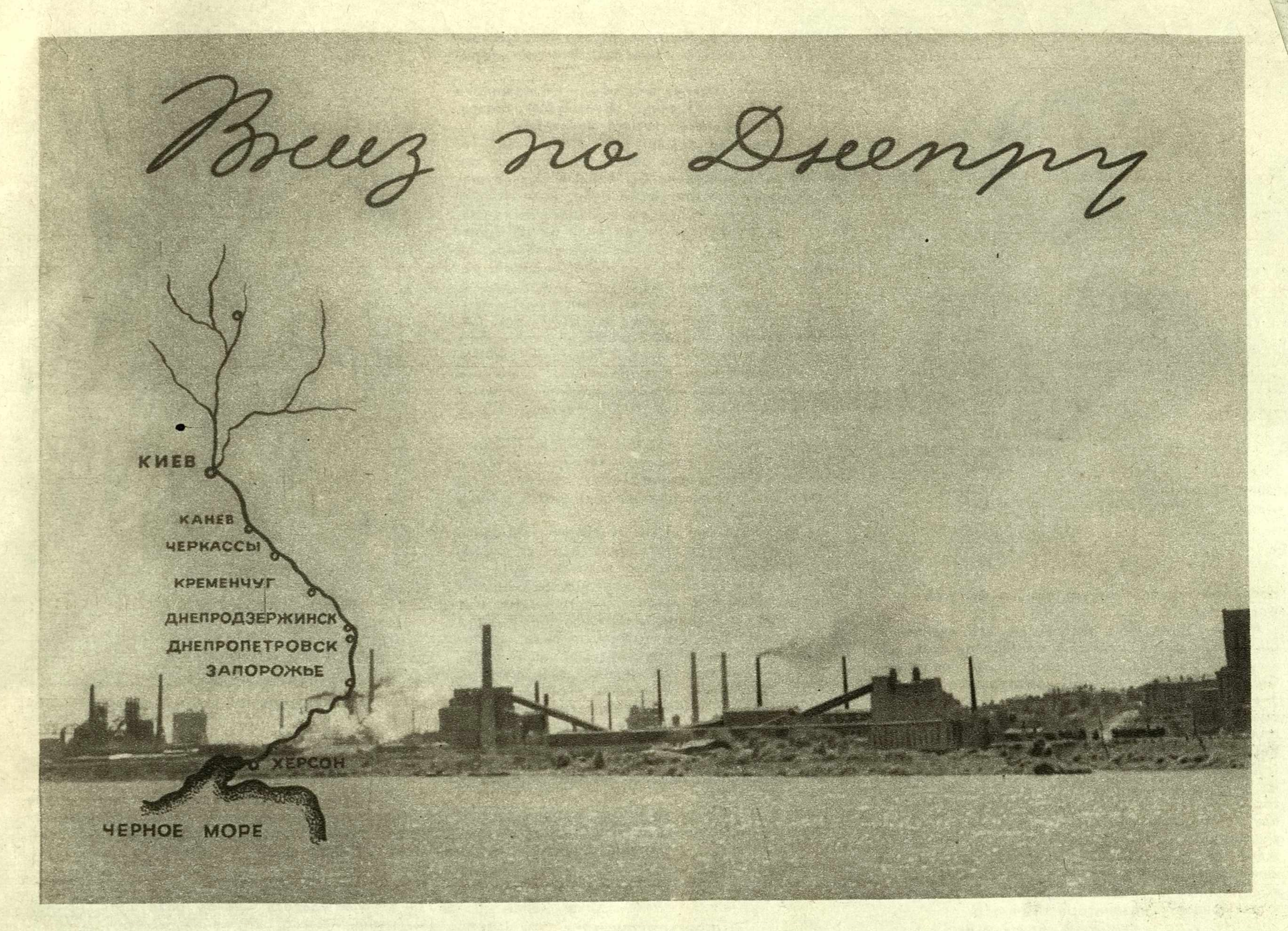
Поспешим, читатель, туда, чтобы не опоздать к торжественному акту: Иван Васильевич Березников вручит сейчас три связки ключей Евстигнею Алексеевичу Петрову, и власть в этом доме перейдет от прораба к директору школы.

Поспешим, чтобы увидеть нашего третьего и самого главного героя. Он стоит у крыльца, крепко ухватившись за отцовскую руку, крошечный, веснушчатый, курносый. Вот и повстречался Вячеслав Леонидович Омельченко с двумя взрослыми своими соотечественниками, которых он прежде никогда не видел, но которые жили, воевали и строили ради его счастья.

И разве не ради этого же его счастья вон в том доме напротив, в окнах которого мирно полощутся теперь кружевные занавески, еще так недавно склонялись над боевой картой командующий и его офицеры? Они готовили последний, довершающий удар по врагу, для того чтобы этот маленький человек, рожденный в первый день Великой Отечественной войны, и его сверстники Вова Степанов, Юрик Павлов, Леша Птицын и еще 84 малыша-первоклассника могли придти в новую школу на Благодатном. И для того, чтобы их старшие товарищи, те самые, которых, бледных и истощенных, боязно было в блокадный год вызывать к доске, ожили, поднялись, окрепли и теперь бы учились в той же новой школе за Московской заставой.

Скажем же спасибо армии, спасшей счастливое детство советских детей.

И пожелаем дорогим нашим маленьким школьникам с Благодатного доброго, светлого пути.



Днепродзержинск. Металлургический завод имени Дзержинского.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Фото С. Фридлянда

ТО ЧТО БУДЕТ

После Черкасс горы правого берега постепенно снижаются. Начинают попадаться выглядывающие из реки небольшие, облизанные водой камни. Чаще торчат заградительные знаки. Перекаты здесь опасны. Вода словно закипает на них. Это значит, что каменная порожистая гряда протянулась от берега. Такие гряды называют «заборами»...

Показывается Кременчуг. До революции это был довольно оживленный, но ничем особенно не интересный торговый город. Была большая хлебная пристань на правом берегу Днепра — слобода Крюков, где выделывалась знаменитая на всю Украину махорка. После революции в Кременчуге стала развиваться промышленность, город приобретал культурный облик, озеленился...

Немецко-фашистское нашествие прошлось по Кременчугу разрушительным, диким вихрем. Город почти полностью уничтожен. Жизнь перенеслась в Крюков, где уже работают все фабрики.

Конечно, вскоре оживет и Кременчуг. Его ожидает в недалеком будущем блестящий расцвет: он будет одним из крупнейших промышленных центров Приднепровья.

На этих, пока еще низменных, берегах у Кременчуга будет воздвигнута высокая плотина и дамба. Такой вы никогда не видали. Она протянется на 13 километров. И там, где сейчас струятся, вскипая на камнях, воды Днепра, разольется необозримая гладь озера, более обширного, чем Московское или Рыбинское море.

Все это не только проекты. Это реальные планы «Большого Днепра». Это подступы к грандиозному строительству грядущей пятилетки. Плотина у Кременчуга образует вторую ступень в титанической лестнице, которая обратит весь Днепр с его притоками в полноводную на всем протяжении, могучую артерию с гидроэлектростанциями на каждой ступени.

В ГОСТЯХ У МАРКА ОЗЕРНОГО

За Кременчугом правый берег снова становится холмистым. Но вид уж не тот. Огромными валами пошли к Черному морю бескрайние степи. Крутыми обрывами они скатываются к Днепру.

Камни чаще и крупнее. И вот это уже не камни, а скалы. Они и по берегам и — островками — в Днепре. От них у реки вид стал суровый. Она не течет теперь беспечно и лениво среди мирных песков, а грозно бурлит и пенится на «заборах». Но это — все, что пока еще остается от знаменитых днепровских порогов. Главнейшие ушли глубоко под воду, и та же участь ожидает нынешнюю каменную мелочь.

Прибрежные склоны голы. Зелень только в многочисленных балках, и где балка — там деревенька. Недавно еще волновались вокруг них хлеба. Но теперь поля щетинятся стерней, а кое-где чернеют, вспаханные под озимь. На горизонте, куда ни глянешь, скирды. Начались поля Днепропетровщины, поля Лиховского района, того самого, с которым соревнуется Черкасский район.

Наш катер «Огонек» делает крутой поворот и подходит к помосту, заменяющему причал. Это пристань Мишурина Рога, большого села, где живет Марк Остапович Озерный.

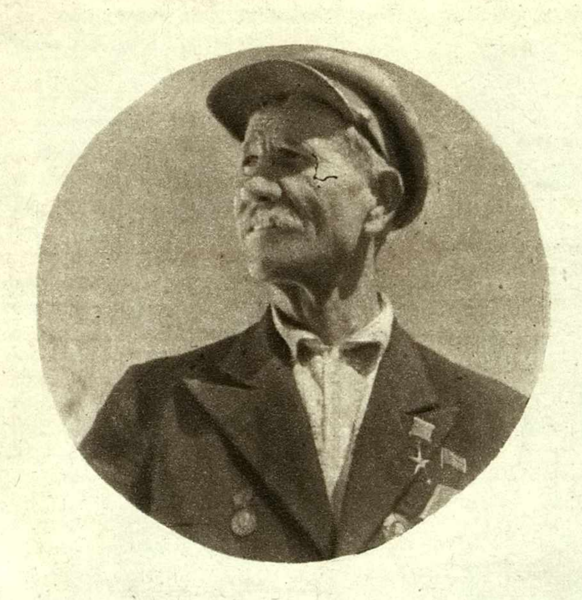
Мы прибыли сюда в воскресенье. На этот день Днепропетровский обком партии пригласил для участия в хлебо-перевозках промышленные предприятия. Заводы обычно не очень-то любят давать, хотя бы и на выходной день, свои грузовые машины. Но мы уж говорили: энтузиазм уборки богатого урожая охватил всех, и не приходилось нажимать, убеждать, взывать к большевистской сознательности. Все откликнулись охотно.

На приемочном пункте в Мишурином Рогу мы наблюдаем замечательную картину: конвейер грузовых машин. Вся дорога в клубах пыли. Машины мчатся, убранные цветами. У приемщиков озабоченные лица: склады забиты хлебом. Засыпаны все помещения в колхозах, приспособленные временно под склады. А зерно идет и идет, опережая намеченные сроки. На берегу желтеют груды у транспортера. Такого интенсивного поступления хлеба еще не бывало.

...За нами пришла машина. Ныряя из одного клуба пыли в другой, мы едем прямо на «ланок» (звеньевой участок) Марка Озерного.

Мы сомневались, застанем ли его. Нам говорили, что он редко бывает в родном селе, а все разъезжает и читает лекции... Вообще, подтвердилось лишний раз, что слухам нельзя верить. О Марке Озерном говорили, что он одиночка в своем колхозе, что он только рекордсмен кукурузы, не имеющий учеников и

См. «Огонек» №№ 33, 34, 35.



Герой Социалистического Труда, звеньевой колхоза «Червоный партизан» Марк Озерный.

последователей. И откуда только берутся эти россказни!

Марка Остаповича застаем на его «ланке». Он никуда не уезжал, да и вообще он совсем не такой непоседливый человек, как говорят. Со своим селом, со своим колхозом, со своим участком он настолько связан, что только одно общественно-должностное звание соединил с положением звеньевого — звание депутата Верховного Совета УССР.

Он выходит нам навстречу из кукурузы, как из лесу. Мы сравниваем это поле с тем, которое мы видели в Черкассах. Случай ставит нас в положение арбитров соревнования. Колхозницы расселись кружком под деревом. Они ждут нашего суждения, и мы видим, что в каждой горит благородный спортивно-производственный огонек. Все сдержанны и стараются показать незаинтересованность.

— Ну, у кого лучше: у них чи у нас?

Мы отвечаем дипломатически:

— У вас куда выше. Такой кукурузы мы и не видывали. Но у них гуще. Шапку брось — не упадет.

Возражают даже с некоторой запальчивостью:

— Гуще! Это не хитро, что гуще. Зато кочан меньше. Наши кочаны видели?

Кочаны, действительно, замечательные. Их по четыре—пять на стебле, который превышает три метра. Картина такая, что чувствуешь себя где-то в джунглях! Это уж сверхкукуруза.

У Марка Остаповича вид обычного пожилого украинского крестьянина. В голубых глазах, ясных и доверчивых, играет лукавинка.

Мы сидим на земле, он рассказывает то, что рассказывал сотни раз, а все слушают так внимательно, как если бы первый раз слушали. Озерный говорит не о себе, и не только о своем звене, а о всем колхозе. Рассказывает, как начали, как перевалили за 100 центнеров с гектара, потом за 150, а теперь он хочет перейти за 200 и побить мировой рекорд, поставленный каким-то американцем.

Но рекорд, по сути, уже побит, побит именно тем, что у американцев это был агрономический фокус, который больше не повторялся да никому и не был нужен, был даже неуместен и неудобен по соображениям рыночных цен. А у нас это — агротехническое достижение, которое уже стало достоянием многих колхозов.

Марк Озерный — подлинный ученый, одержимый страстью научного эксперимента. Он и педагог. Его ученики могут обогнать его, так как нет производственных секретов у Марка Озерного.

Он работает не один. Институт зернового хозяйства в Днепропетровске изучает, обобщает, пропагандирует его опыт. Научный работник этого института тов. Филев написал несколько работ о Марке Озерном. Институт помог ему созданием гибрида, коему дано имя «успех». Он произошел от вида с иностранным именем «броункапти» и нашей «грушевки». «Успех» — название заслуженное. Колхоз «Червоный партизан» ожидает среднего урожая в 75 центнеров с гектара.

Возвращались мы на катер поздно вечером, усталые от степного ветра, с сознанием, что побывали в одном из замечательных мест Украины и видели одного из интереснейших ее людей.

Мы отваливали от пристани, сердечно прощаясь с новыми знакомыми. Темнота окутывала и берега и реку. Но без перерыва скользили по берегу светляки фар: по конвейеру грузовых машин шло зерно на ссыпной пункт.



Прополка кукурузы на участке Марка Озерного.

ДНЕПРОДЗЕРЖИНСК

Начинается Днепр металлургический. Зарево Днепродзержинска освещает нам путь от Мишуриного Рога. Потом полыхает на юге зарево Днепропетровска, потом Запорожья. Домны становятся неотъемлемым признаком приднепровского пейзажа.

Днепродзержинск — город интересный. Он только на советской карте появился как город, а раньше, до революции, был селом Каменкой. Некое польско-французское акционерное общество избрало это село для сооружения здесь Южно-Русского металлургического завода, иностранного завода на украинской земле.

Немцы хотели возродить эту быль. Не вышло. Им удалось многое разрушить, но под угрозой нашего окружения гитлеровцы бежали столь поспешно, что не все успели сжечь и взорвать. В частности, уцелела пристань, единственная пристань на Днепре.

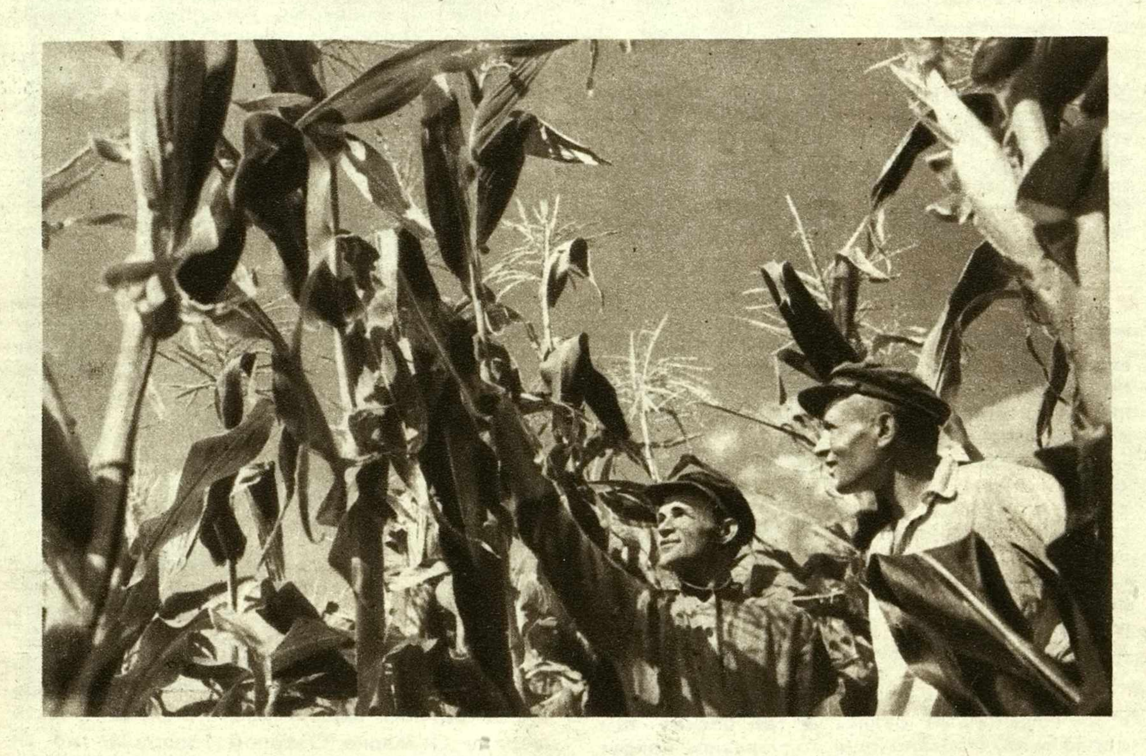
Город залечивает раны, нанесенные войной, и быстро развивается. У него есть все данные для того, чтобы стать образцовым социалистическим городом.

Мощные заводы дают возможность теплофикации и газификации жилых домов. Через самое короткое время Днепродзержинск, тонущий в зелени, может стать самым благоустроенным городом на Украине. Об этом не мечтают, а строят реальные планы руководители партийных и советских организаций. Они с гордостью показывают свой новый парк культуры и отдыха, превосходный Дом ребенка, здание летнего театра.

Мы побывали на заводах имени Дзержинского — металлургическом и имени газеты «Правда» — вагоностроительном. Заводы передовые. «Дзержинка» дает рекорды выплавки чугуна. Коэфициент использования объема достигает на отдельных печах 0,73 при среднем по заводу 0,83. А некоторые мастера, виртуозы своего дела, добиваются еще лучших результатов. Замечательно, что успехи эти принадлежат не только старым доменщикам, но и молодежи, только что вышедшей из ремесленных училищ.

Завод имени «Правды» седьмой месяц держит знамя Совета Министров СССР. Производственный план перевыполняется. Завод широко применяет электросварку, не только используя аппараты Патона, но и изыскивая свои оригинальные приемы.

Мы видели рабочих этих заводов на производстве, за станками. Руководители высоко оценивали их работу, говорили о сознательном, большевистском отношении к делу. Большинство рабочих — молодежь, пришедшая на заводы во время войны и после войны. Они восстанавливали заводы из руин и теперь работают, повышая производительность труда и свою квалификацию, работают и учатся.



Знатные звеньевые, ученики Озерного, Я. Ф. Хейлик и С. И. Вовк. Они обязались собрать в этом году по 75 центнеров кукурузы с гектара.

ДНЕПРОДЗЕРЖИНСК

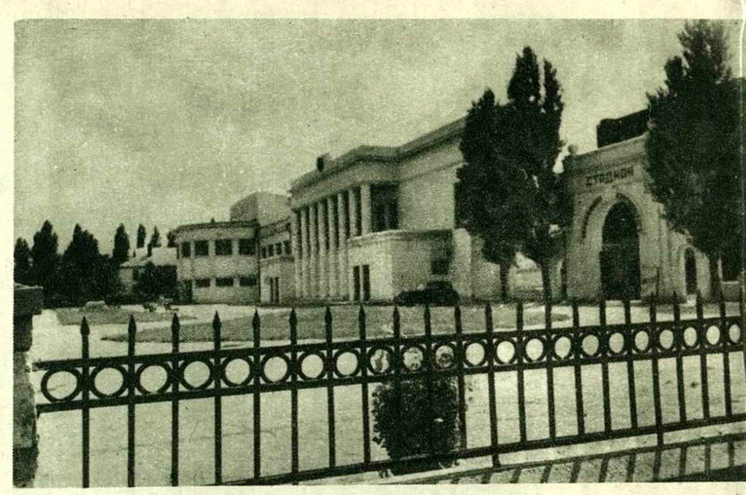
Фото С. Фридлянда



Сборочный цех вагоностроительного завода имени «Правды». Сварка рам гондолы методом ультракороткой дуги.

Металлургический завод имени Дзержинского. Справа: разливка стали в изложницы. Внизу: прокатный стан.

Металлургический завод имени Дзержинского. Заканчивается восстановление 8-й домны.



Новое здание Дворца культуры завода имени Дзержинского.



Для рабочих Коксохимического завода строится 64-квартирный дом.



В парке.

Самодеятельная капелла бандуристов.



СВЕРХПЛАНОВЫЙ ХЛЕБ — ГОСУДАРСТВУ!

В совхозах развернулся озимый сев колосовых

В нынешнем году среди работников совхозов страны с особой силой разгорелась борьба за выполнение и перевыполнение государственного плана хлебосдачи. В этом благородном, патриотическом соревновании передовые коллективы добились замечательных успехов.



Красный обоз с пшеницей направляется из колхоза имени Ленина (Каменский район, Молдавской ССР) на государственный заготовительный пункт.

Фото П. Либенкина (ТАСС)

Как сообщили корреспонденту «Огонька» в Министерстве совхозов СССР, на 25 августа совхозы многих краев, областей и республик уже завершили годовой план сдачи хлеба. В настоящее время зерно сверх плана уже засыпают в государственные закрома совхозы Украины, Белоруссии, Литвы, Таджикистана, Краснодарского края, Ростовской, Брянской и других областей. Причем только Украина, Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края отгрузили уже примерно на 40 миллионов пудов хлеба больше, чем за весь прошлый год. Ростовский зернотрест — один из крупнейших в системе министерства — обязался дать стране сверх плана 3 миллиона пудов зерна; сдал он уже 2,4 миллиона пудов.

По всему министерству к 25 августа совхозы сдали в два раза больше хлеба, чем за весь прошлый год.

Выполнив с честью свою первую заповедь, совхозы закладывают основы богатого урожая будущего года. Большинство из них уже развернуло сев озимых культур. Засеяны первые сотни тысяч гектаров. Алтайский край, Казахстан, Башкирия, Чувашия, Свердловская, Калининская, Рязанская, Ульяновская и другие области уже закончили сев, близки к его завершению Московская, Тульская, Омская, Челябинская, Ярославская области.



ПАВЕЛ СЕМЕНОВИЧ РЫБАЛКО

28 августа сего года после продолжительной и тяжелой болезни скончался верный сын нашей Родины, член партии большевиков, один из видных руководителей Советской Армии, командующий бронетанковыми и механизированными войсками Вооруженных Сил Союза ССР, Маршал бронетанковых войск Павел Семенович Рыбалко.

В годы Великой Отечественной войны тов. Рыбалко, как один из выдающихся полководцев сталинской школы, образцово выполняя приказы и задания Верховного Главнокомандования, с честью и славой провел руководимое им Гвардейское танковое соединение по боевому пути от Волги и Дона до Берлина и Праги.

Всю свою жизнь Павел Семенович Рыбалко посвятил служению нашей социалистической Родине, делу партии Ленина—Сталина.

В благодарной памяти советского народа навсегда сохранится светлый образ Павла Семеновича Рыбалко.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЗЕМЛИ

(Беседа с председателем исполнительного комитета областного Совета депутатов трудящихся Сахалинской области Д. Н. Крюковым)

Три года прошло с того дня, как южная половина Сахалина и Курильские острова — исстари принадлежавшие нам земли — воссоединились с Советской страной. Какие перемены произошли там за это время? Как живут и работают на отвоеванной у Японии в 1945 году русской земле наши люди? С этими вопросами редакция «Огонька» обратилась к председателю исполкома Сахалинского областного Совета Дмитрию Николаевичу Крюкову.

Южно-Сахалинск: — Многое познается в сравнении,— рассказывает тов. Крюков,— поэтому начну с того, что нам оставили хозяйничавшие японские захватчики.

Трудно даже представить себе, как жили и работали люди под игом японских капиталистов. Они ютились в фанерных, обшитых картоном и бумагой домиках. Во всех этих местах был всего один кирпичный дом. Лечебных и санитарных учреждений, в нашем понимании, не было и в помине. Обычно врач несколько комнат своей квартиры заставлял койками и сдавал их за солидную плату больным, причем последние обязаны были приносить собственную постель. Улицы городов были немощеные и неосвещенные.

Еще худшую картину застали мы на промышленных предприятиях и в деревнях. Эксплоатация леса велась хищнически. Безжалостно вырубались лучшие лесные массивы. Новые же взамен их не выращивались. На угольных шахтах не было и намека на механизацию. Горняки добывали топливо примитивным, устаревшим способом. Железнодорожный транспорт работал на износ. Зимой во время заносов железные дороги бездействовали.

В деревнях господствовали деревянные сохи и цепы. Земледельцы имели самое отдаленное понятие об агротехнике.

Безотрадно выглядели предприятия рыбной промышленности. Все морские корабли и главным образом рыболовецкий флот японцы угнали в Японию. К слову сказать, хозяйничали они из рук вон плохо. Половина выловленной рыбы сгнивала, перерабатывалась на тук, которым удобрялись поля.

Короче говоря, нашим взорам представилась картина большой разрухи и запустения.

Москва: — С чего, товарищ Крюков, началось переустройство воссоединенной земли на социалистический лад?

Южно-Сахалинск: — Огромное внимание было уделено жилищному строительству, благоустройству городов и сел. За три года население Сахалина и Курил значительно выросло.

Приехали вчерашние воины Советской Армии, орловские и курские колхозники, астраханские рыбаки, бакинские нефтяники, донецкие и кузнецкие шахтеры.

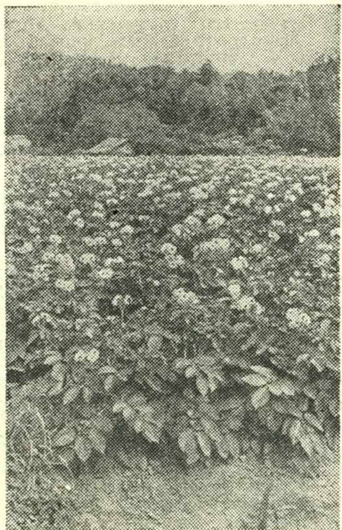
Понятно, что советских людей ни в коей мере не могли удовлетворить жилищные и бытовые условия времен японского хозяйничания. Поэтому с первых же дней установления на Южном Сахалине и Курильских островах советской власти развернулось большое жилищное строительство.

Повсюду — в Северо- и Южно-Курильске, особенно в центре Сахалинской области — Южно-Сахалинске, — воздвигнуты и строятся многочисленные здания. Просторные квартиры имеют электрический свет, водопровод, ванные, канализацию. Появились новые села и рабочие поселки с добротными домами, с электричеством и радио.

Население охотно идет навстречу всем начинаниям партийных и советских организаций области. Жители активно участвуют в благоустройстве и строительстве городов и деревень. Замощены городские улицы, бетонируются тротуары.

За три года построено много различных жилых и производственных зданий, открыто свыше шестисот магазинов и столовых. Работают пятьсот восемьдесят четыре школы и тридцать шесть интернатов. Два педагогических училища готовят новые кадры учителей. Шесть техникумов, восемь школ ФЗО и ремесленных училищ выпускают разных специалистов; имеется у нас база Академии наук СССР.

Открыты восемьдесят клубов, пятьдесят пять библиотек, семнадцать домов культуры, три театра, двадцать кинотеатров, два музея. Есть у нас планетарий и цирк.



Картофельное поле колхоза «Победа».

Москва: — Много ли построено новых предприятий?

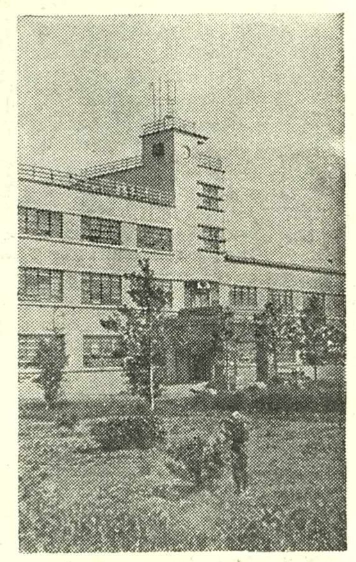
Южно-Сахалинск: — Много: предприятия рыбной промышленности, холодильник, лакобаночный комбинат, консервный завод и другие.

Большая работа проведена по строительству пекарен. Японцы этим делом не занимались и не потому, что не любили хлеба, просто его тут не было. Теперь потребность населения в хлебе и кондитерских изделиях полностью удовлетворяется. Улучшается железнодорожный транспорт. Восстановлены паровозный и вагонный парки.

Москва: — Каковы успехи сельскохозяйственного года?

Южно-Сахалинск:—Пока об этом еще говорить преждевременно. Урожай у нас убирают несколько позже, чем в других районах страны. Больше всего у нас выращиваются картофель и овощи. По всему видно, что урожай будет хороший.

Сахалинская база Академии наук СССР имеет опытный питомник, где в прошлом году получены были первые яблоки. Сейчас плодовые сады высаживаются в колхозах.



База Академии наук СССР в Южно-Сахалинске.

Советские люди уже многое сделали для превращения нашей области в передовую. Еще больше нам предстоит сделать.

Дневник «Огонька»

ОТКРЫТИЕ ВТОРОЙ ФИНСКОЙ ВЫСТАВКИ

28 августа в Москве, на территории Парка культуры и отдыха имени Горького, открылась вторая финская промышленная выставка, организованная финско-советской торговой палатой.

На открытии выставки выступил председатель Президиума Всесоюзной торговой палаты М. В. Нестеров. В своей речи он отметил большое значение промышленных выставок, организованных за последнее время в Хельсинки и в Москве. Две выставки советской промышленности в Хельсинки и выставки изделий финской промышленности в Москве способствуют укреплению торговых связей между Советским Союзом и Финляндией.

Затем выступил председатель финско-советской торговой палаты господин С. Харима который сказал:

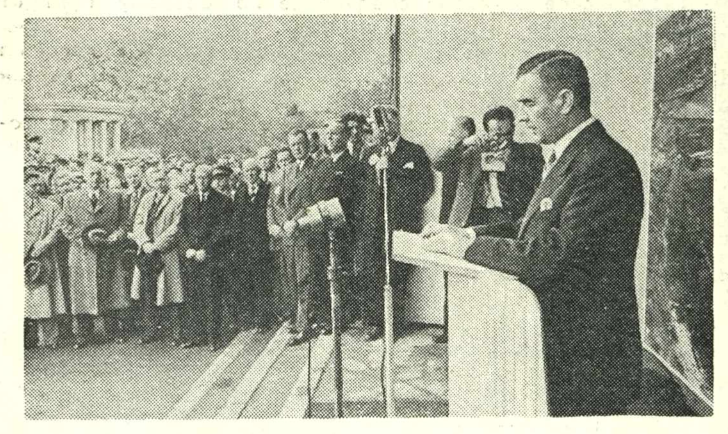
— Финский народ имел возможность познакомиться с гигантскими достижениями Советского Союза благодаря выставкам, организованным в Хельсинки. Теперь мы показываем вам здесь, в Москве, продукцию, изготовленную в нашей трудолюбивой стране.

В заключение выступил министр торговли и промышленности Финляндии господин У. Такки. Он отметил большую помощь, которую оказывает Советский Союз Финляндии. Удобрения, закупленные Финляндией в Советском Союзе, в значительной мере способствовали получению самого крупного урожая за последние годы. — «Дружественный акт Советского правительства, снизившего сумму рапарационных платежей, дал нам возможность, — говорит господин Такки, — значительно расширить товарооборот между двумя нашими странами. Надеемся, что выставка вызовет интерес советской общественности».

180 промышленных фирм Финляндии выставили около 10 тысяч экспонатов. Представлены продукция транспортного машиностроения, бумажной, лесной, деревообрабатывающей, текстильной промышленности, стеклянные, спортивные изделия и т. д.

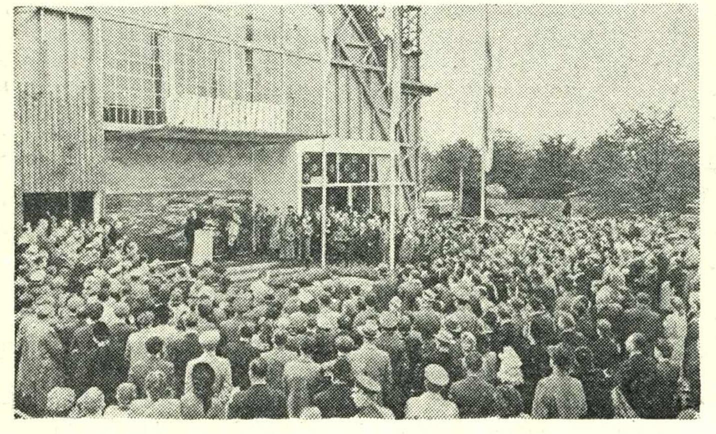
На открытии выставки с советской стороны присутствовали заместители министра внешней торговли СССР тт. М. А. Меньшиков и П. Н. Кумыкин, председатель Президиума Всесоюзной торговой палаты М. В. Нестеров, торговый представитель СССР в Финляндии М. К. Артемьев.

С финской стороны на открытии выставки были прибывшая в Москву делегация в составе депутатов сейма и представителей торгово-промышленных кругов Финляндии во главе с министром торговли и промышленности г-ном У. Такки, члены президиума финско-советской торговой палаты во главе с председателем г-ном С. Харима, чрезвычайный посланник и полномочный министр Финляндии в СССР г-н К. Сундстрем, директор финляндского банка г-н С. Туомиоя, начальник торгово-политического отдела министерства иностранных дел Финляндии г-н И. Ньюкопп и другие.



На открытии выставки с речью выступил министр торговли и промышленности Финляндии господин У. Такки.

Фото Дм. Бальтерманца



11 ЛЕТ В СТРАНЕ СОЦИАЛИЗМА

Мы помним их маленькими. Мальчики и девочки—худые, бледные, еще не оправившиеся от ужасов фашистских бомбежек,— были привезены на советскую землю. Наша страна приютила у себя детей, эвакуированных из Испании, где их родители вели с фашистами борьбу за свободу и независимость своего народа.

С тех пор прошло 11 лет. У входа на выставку «11 лет в стране социализма», показывающую жизнь детей республиканской Испании в СССР, нас встречают жизнерадостные юноши и девушки.

Сегодня дежурит на выставке Хоакин Идигорас и Кармен Пинедо. Они дают объяснения многочисленным посетителям, рассказывают о задачах выставки, о том, как готовились экспонаты. Все, что мы видим, сделано руками юных испанцев. Кроме Хоакина и Кармен экскурсоводами на выставке работают студентки медицинских институтов: сестры Эстер и Луиза Суарес, Аурина Альен, работница завода «Шарикоподшипник» имени Л. М. Кагановича Тереза Алонсо и другие.

Выставка украшена государственными флагами СССР и республиканской Испании. На стене портрет товарища Сталина. По бокам портреты Хосе Диаса и Долорес Ибаррури.

В витринах и на столах плоды трудов молодых испанцев — скульптура, художественная лепка, всевозможные вышивки, макеты, картины, слесарные изделия. Особый интерес представляют фотостенды, рассказывающие об учебе испанцев в советских школах, училищах, высших учебных заведениях, об их жизни в детских домах, о работе на фабриках и заводах. Больше половины приехавших из Испании ребят сейчас учатся, остальные работают.

Расскажем о знакомой нам уже Кармен Пинедо. Она родилась в 1924 году в семье рабочего города Бильбао. Маленькой девочкой Кармен поступила там в ателье мод, где выполняла различные мелкие поручения. Кармен совмещала работу с учебой в начальной школе. О дальнейшем образовании она мечтать не могла: родители ее не имели для этого средств.

— Только здесь, в Советском Союзе, с помощью советского народа я получила возможность выйти на широкую дорогу жизни, стать культурным, образованным человеком,— говорит Кармен.

Член компартии Испании Кармен Пинедо закончила 5-й курс Московского энергетического института имени Молотова. Сейчас она готовит дипломный проект, будет инженером-энергетиком.

Вместе с Кармен оканчивают Московский энергетический институт ее друзья студенты-дипломники Куэрво Аладино, Льянос Вирхилио, Делгадо Висенте. Марта Гонзалес, дочь военного, погибшего в борьбе за республиканскую Испанию, учится в Московском педагогическом институте. Инженером-связистом будет Аугустин Гомес. Теперь он защищает спортивную честь советской футбольной команды «Торпедо».

А те, кто уже окончили учебные заведения, имеют возможность применять свои знания. Инженером-экономистом работает Фернандо Пенья. В одном из колхозов Калининской области можно встретить дочь испанского рабочего-металлурга Анну Дель-Боске, получившую высшее образование в Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Ее брат стал в СССР преподавателем-скульптором, а младшая сестра — геологом.

Вместе со всеми советскими рабочими борются за досрочное выполнение послевоенной сталинской пятилетки и токарь Тарруда Маурисио, слесарь Перес Анхель, техник Наварро Франциско. Тарруда выполняет норму на 175—200 процентов и уже сейчас дает продукцию в счет 1949 года. Так же хорошо работает и Перес.

В дни Великой Отечественной войны некоторые молодые испанцы сражались в рядах Советской Армии. Офицеры Мануэль Эгидасу, Альберто Рехас, Тэсидерио Гонсалес награждены орденами. Мануэль Эгидасу участвовал в штурме Берлина. Бывшая медицинская сестра Элоина Рапп — теперь студентка исторического факультета Московского университета.

Никогда не забудутся имена сынов испанского народа, отдавших жизнь в борьбе за независимость страны социализма: Хусто Родригеса, погибшего при выполнении задания в тылу врага, Луиса Ларраньяга, участника обороны Ленинграда, защитника Сталинграда Рубена Руиса Ибаррури, сына Долорес Ибаррури.

Испанские дети обрели в СССР вторую родину. Чувство благодарности к Советской стране, к советским людям, воспитавшим их, они выражают в любовно сделанных подарках товарищу Сталину, в письме к вождю. Обращаясь к Иосифу Виссарионовичу Сталину, молодые испанцы пишут:

«То, кем мы являемся, все, что мы знаем, все, что мы имеем,— все это дал нам советский народ. Мы благодарим его не только за то, что получили образование и специальность, но и за то, что в наших сердцах теперь горит пламя нового человека—человека советской эпохи».

Л. Б.



На выставке «11 лет в стране социализма».

Фото А. Гаранина

КОРОТКО

СЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ ВОЛЖСКОЙ ВОЕННОЙ ФЛОТИЛИИ отметили трудящиеся города Горького. Созданная летом 1918 года, флотилия своими боевыми операциями на Волге, Каме и Каспии сыграла большую роль в разгроме белогвардейщины и интервентов. Горьковский областной краеведческий музей организует специальную выставку, которая отразит историю и героические дела флотилии, руководящую роль большевиков во всех ее действиях. Комиссару флотилии Н. Г. Маркину воздвигается памятник.

ИСПОЛНИЛОСЬ 120 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. М. БУТЛЕРОВА — великого русского химика. Государственный музей Татарии проводит научную конференцию, посвященную памяти ученого. В историческом отделе музея экспонируются новые материалы и документы о его жизни и деятельности. Делегация научной общественности республики выезжает на родину А. М. Бутлерова — в село Бутлеровку близ Чистополя (Татария) — и возложит венок на его могилу.

СТАРЕЙШЕЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ БЕЛОРУССИИ—Горецкий сельскохозяйственный институт — вступает в новый учебный год. Основанный еще в 1840 году, институт подлинного расцвета достиг лишь при советской власти. Немецко-фашистские варвары причинили вузу огромный ущерб. Восстановление его началось с первых же дней освобождения Горок. Теперь в институте жизнь снова бьет ключом. На шести его факультетах учатся 850 студентов — будущих борцов за мичуринскую науку. В нынешнем году в институт принимается около 300 человек.

ЛИТЕРАТУРНО - ИСТОРИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ МУЗЕЯ «ДОМИК ЛЕРМОНТОВА» открылось в Пятигорске, в доме, где в 1841 году произошла ссора поэта с Мартыновым. В залах филиала размещены библиотека, рукописные фонды (в фотокопиях), портреты, иллюстрации.

ВЫШЕЛ В СВЕТ ПЕРВЫМ ИЗДАНИЕМ РУССКО-КАРАКАЛПАКСКИЙ СЛОВАРЬ. Он составлен коллективом научных работников Каракалпакского научно-исследовательского института истории языка и литературы и Московского отделения Института языка и мышления Академии наук СССР. Выпуск словаря — большое событие в культурной жизни советской Кара-Калпакии.

ЦВЕТНУЮ ВИДОВУЮ КАРТИНУ «УРАЛ» снимает Московская студия научно-популярных фильмов. Картина покажет природу Урала, преобразованную советскими людьми, его богатый индустриальный пейзаж, отразит также историю техники на Урале, деятельность замечательных русских изобретателей — Ползунова, Черепановых и других.

СЛЕТ ЮНЫХ МИЧУРИНЦЕВ



В саду Центральной генетической лаборатории. Научный сотрудник И. А. Толмачев рассказывает ребятам о крупно-плодовой форме боярышника, который можно культивировать и на севере.

Фото Ф. Карышева (ТАСС)

20 августа на площади Ленина в городе Мичуринске был поднят флаг Второго всесоюзного слета юных садоводов.

Со всей страны съехались сюда 257 делегатов — представителей пятимиллионной армии юных натуралистов, последователей великого преобразователя природы И. В. Мичурина.

После торжественной линейки делегаты направились в большой зеленый сквер, к могиле Ивана Владимировича. Они возложили венок на могилу великого русского ученого.

На первом заседании слета с докладом об итогах работы юных садоводов и их задачах выступил редактор «Пионерской правды» В. И. Семенов.

Огромное количество плодовых деревьев и ягодников высадили на школьных участках юннаты Московской, Смоленской, Ростовской и других областей. В одной только Ярославской области создано 42 школьных питомника на 100 тысяч саженцев.

Но наибольших успехов добились юннаты — земляки И. В. Мичурина. Они завоевали переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ на первом слете, они удержали его и ныне.

Не только юннаты, но и ученые-мичуринцы академик П. Н. Яковлев, профессор Г. Р. Эйтинген, директор Центральной генетической лаборатории И. С. Горшков с большим интересом прослушали сообщения делегатов Галины Моргуновой (Северо-Осетинская АССР), Зинаиды Анайте (Латвия), Жужаны Гоголаури (Грузия), Галины Павлик (Украина) и других об их достижениях.

Делегаты и гости слета внимательно осмотрели выставку плодов, выращенных юными натуралистами.

21 августа на территории мичуринского питомника был зажжен пионерский костер. Сюда собралось около 5 тысяч детей и взрослых горожан.

Два дня юные садоводы провели в садах, созданных И. В. Мичуриным, побывали в лаборатории, в домике-музее.

С воодушевлением участники слета послали письмо товарищу Сталину.

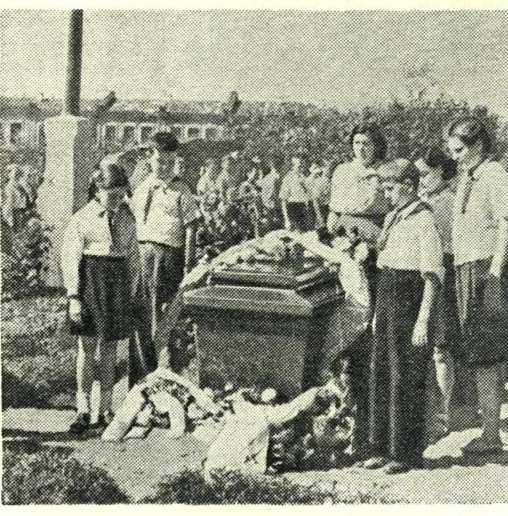
Вечером 22 августа флаг слета был спущен. В тот же день все делегаты выехали в Москву.

Две самые интересные встречи в Москве произошли 24 августа. Одна группа юннатов побывала в этот день в ЦК ВЛКСМ, другая — была на приеме у Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР И. А. Власова. Выслушав юных мичуринцев, тов. Власов спросил их:

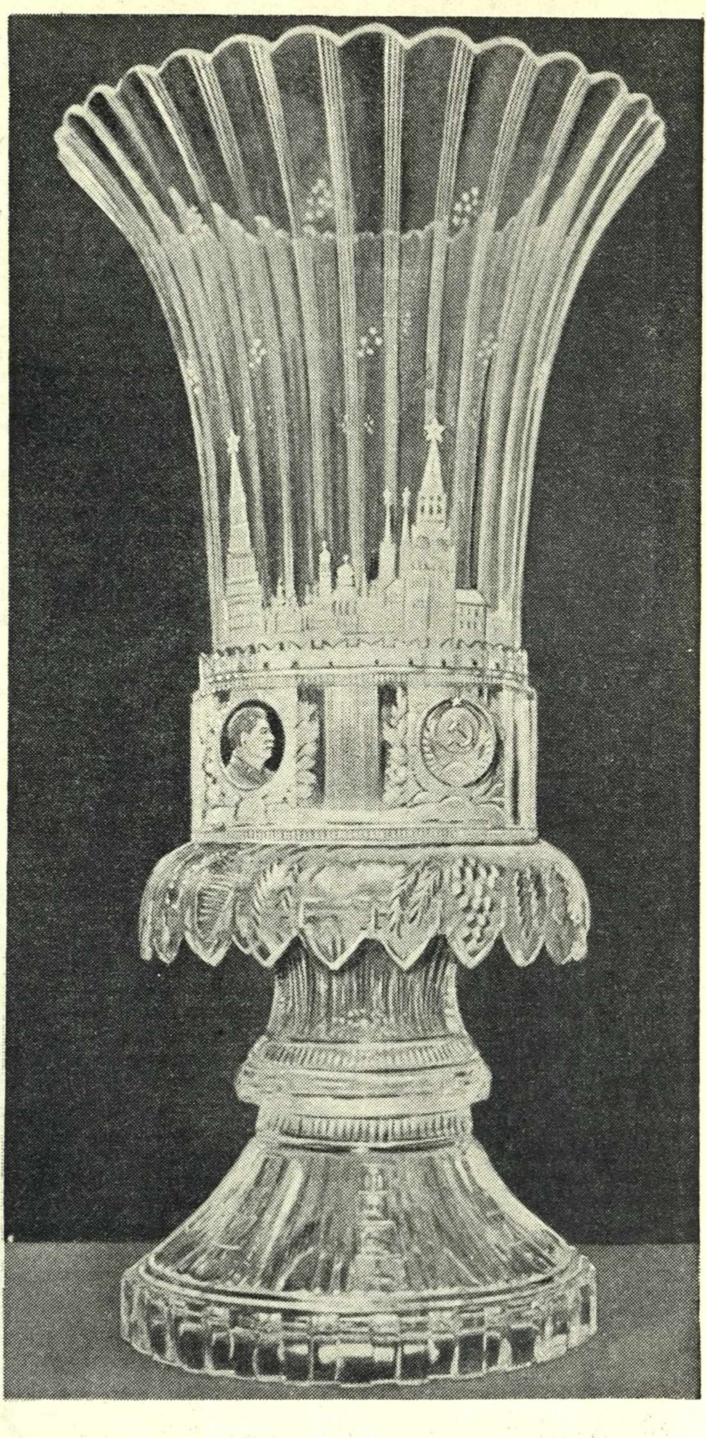
— А как вы учитесь в школе?

Он напомнил ребятам, что мичуринец — это прежде всего всесторонне образованный человек; рассказал об огромном государственном значении развития садоводства; поставил перед юннатами задачу — организовать сбор семян от дикорастущих яблонь и культурных плодовых морозостойких деревьев, организовать уход и обеспечить охрану садов и ягодников.

На прощание тов. Власов каждому из своих юных гостей подарил книги и набор садовых инструментов.



Делегаты слета возлагают венки на могилу И. В. Мичурина.



ПОДАРОК ТОВАРИЩУ И. В. СТАЛИНУ

Рабочие, инженеры, техники и служащие завода № 354 Министерства вооружений СССР вместе с художниками, рабочими и служащими Живописно-выставочного комбината Московского отделения Художественного фонда СССР преподнесли товарищу И. В. Сталину подарок — хрустальную вазу.

Вместе с подарком создатели вазы направили любимому вождю адрес. Они пишут:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Просим Вас принять наш скромный подарок — результат совместного труда художников и производственников — хрустальную вазу, которую мы посвятили Торжеству Советской Власти и лично Вам, в знак нашей глубокой благодарности за Ваше мудрое, отеческое руководство всей жизнью нашего народа и организацию всех его великих побед.

Желаем Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, здравствовать многие и многие годы на счастье трудящихся нашей страны и всего мира».

Хрустальная ваза, сделанная по проекту художника А. А. Липской, — тончайшее высокохудожественное произведение. Ее высота — 130 сантиметров. В верхней части выгравированы по хрусталю изображения кремлевских дворцов и башен. Силуэтные портреты В. И. Ленина и И. В. Сталина обрамлены листьями. Рядом ювелирно инкрустированные изображения Государственного герба СССР и орденов Отечественной войны и Победы.

По распоряжению И. В. Сталина ваза выставлена для всеобщего обозрения в Третьяковской галлерее.

РУССКИЙ ЧАЙ

Наряду с грузинским и азербайджанским чаем за последние годы широкую известность приобрел русский, краснодарский чай. Этот чай обладает мягким, приятным ароматом, напоминающим запах розы, и дает высокий процент выхода высших сортов.

Сейчас в Краснодарском крае в разгаре сбор чайного листа. Двадцать три колхоза, три совхоза и Сочинская опытная станция субтропических культур, выращивающие на своих плантациях чайные кусты, соберут в этом году 125 тонн чайного листа. 37 тонн сдал один только колхоз «Красный путиловец», Лазаревского района.

Корреспондент «Огонька» попросил главного агронома отдела чайной промышленности Министерства вкусовой промышленности РСФСР Я. К. Шахова рассказать о культивировании чая в Российской Федерации.

— Первый массовый урожай чайного листа в РСФСР,— сказал тов Шахов,— сняли колхозники «Красного путиловца» в 1939 году. С тех пор эта культура получила распространение и во многих других хозяйствах.

Основные чайные плантации РСФСР находятся в Лазаревском и Адлерском районах, Краснодарского края. Больших успехов в разведении чайного куста добились Верхне-Мацестинский, Верхне-Хостинский, Адлерский и Дагомысский совхозы.

— Каковы перспективы дальнейшего расширения чайных плантаций в РСФСР?

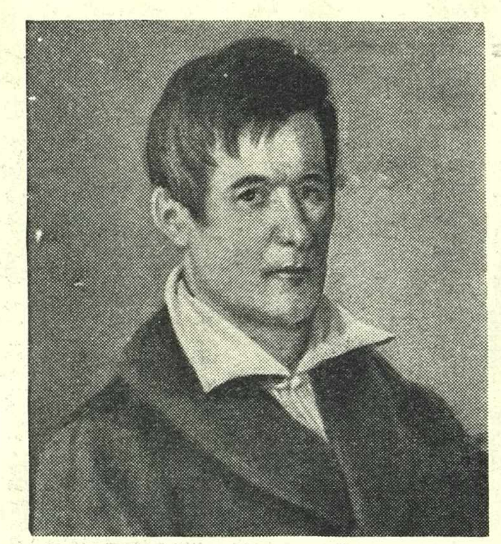
— Возможности для этого в Лазаревском, Адлерском, а также в Туапсинском районах значительны. Сейчас Черноморская комплексная экспедиция Академии наук СССР занимается изысканием новых мест для чайных плантаций. К концу пятилетки общая площадь этих плантаций в Краснодарском крае увеличится в пять раз, а в совхозах треста «Краснодарчай» — в восемь раз.

По сообщению из Краснодара, на Московскую чайную фабрику отгружено два вагона чайного листа. Скоро жители столицы получат краснодарский чай нового урожая.

Б. Л.

ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ ЗОДЧИЙ

К столетию со дня смерти В. П. Стасова



В. П. Стасов. Портрет работы Варнека.

5 сентября 1948 года исполняется сто лет со дня смерти русского зодчего Василия Петровича Стасова. Талантливый ученик Баженова и Казакова, В. П. Стасов создал немало замечательных произведений архитектуры.

К сожалению, не все то, что было воздвигнуто выдающимся зодчим, сохранилось до наших дней. Известно, что в Москве Стасов построил у семи главных входов на бульвары четырнадцать двухэтажных гостиниц. В списке московских строений значится также несколько особняков, сооруженных Стасовым, семь школьных корпусов и т. д. Но из всех этих зданий, как подтверждают последние исследования, сохранились лишь немногие. Есть предположение, например, что дом у Покровских ворот, выходящий фасадом на Чистопрудный бульвар, построен Стасовым, но он сильно искажен последующими переделками.

Материалы исследования, проведенного недавно старшим научным сотрудником Академии архитектуры СССР архитектором А. И. Каплуном, говорят о том, что именно В. П. Стасов является автором проекта замечательного памятника архитектуры «Провиантских складов» в Москве, на Крымской площади. До сего времени полагали, что эти склады построены по проекту Жилярди и Григорьева.

Непосредственное осуществление проекта «Провиантских складов» было возложено на известного в то время московского архитектора академика Шестакова.

Богато насыщен петербургский период творчества Стасова: он перестраивал Царскосельский лицей, сооружал многие дворцовые строения, в том числе дворцовую оранжерею в Царском селе, создал ансамбль в Грузино, Новгородской губернии, ворота-портик «Любезным сослуживцам» (памятник в Царском селе в честь героев 1812 года). Он строил также Конюшенный двор, Павловские казармы на Марсовом поле. К числу творений зодчего принадлежат Спасо-Преображенский и Троицкий соборы, Триумфальные ворота у Московской заставы в Петербурге.

Архитектурная общественность Москвы, Ленинграда и других городов Советской страны широко отмечает столетие со дня смерти талантливого русского зодчего. На лучших зданиях, созданных Стасовым, устанавливаются мемориальные доски.



Триумфальные ворота у Московской заставы в Петербурге, построенные Стасовым.

Горячо взялись трудящиеся города Клайпеды (Литовская ССР) за возрождение родного города. Они обязались отработать в этом году по 100 часов на благоустройство. И вот уже поднялись из развалин целые кварталы жилых домов, школы и учреждения. Массовый выход патриотов города на общественные работы стал обычным явлением.

На снимке: трудящиеся города Клайпеды на очистке городской площади.

Фото М. Пойченко

«ДОН-КИХОТ» НА УЗБЕКСКОЙ СЦЕНЕ

Государственный узбекский театр оперы и балета имени Навои в Ташкенте показал свою новую работу — балет Л. Минкуса «Дон-Кихот». «Дон-Кихот» — один из самых ярких и трудных балетов классического репертуара. По содержанию он далек от одноименного романа Сервантеса.



Китри — Галия Измайлова, Базилио — Б. Завьялов.
Фото М. Розенкранца

Центральные роли этого балета — дочь трактирщика Китри и ее возлюбленный цырюльник Базилио. Эти партии всегда привлекали внимание лучших танцовщиков. В узбекском театре их исполняют Галия Измайлова (Китри) и Б. Завьялов (Базилио).

Измайлова удостоена звания лауреата Всесоюзного конкурса артистов эстрады. На международном фестивале молодежи в Праге летом 1947 года ее выступления пользовались неизменным успехом.

В остальных ролях балета занята преимущественно молодежь театра, воспитанная в его стенах. В темпераментных, жизнерадостных плясках пестро разодетой толпы чувствуется большая работа постановщика спектакля балетмейстера П. Йоркина, видны плоды длительной, настойчивой учебы молодых артистов.



Сцена из балета «Дон-Кихот» в Государственном узбекском театре оперы и балета имени Навои.

ИЗ УРОЖАЯ 1948 ГОДА

Среди покупок, приобретенных сегодня в магазине Анной Петровной Воронковой, работницей московской швейной фабрики, была небольшая банка овощных консервов. На этикетке надпись: «Комбинат имени Микояна, ст. Крымская, Краснодарский край, 1948 г.».

В магазинах Москвы, Ленинграда и других городов страны появилась продукция консервной промышленности из урожая нынешнего года: овощные консервы из Херсона, компоты из Мелитополя, варенье из Армении и Узбекистана, зеленый горошек из Ярославля.

Обильный урожай фруктов и овощей в нынешнем году обеспечивает весьма благоприятные условия для работы консервных заводов.

В Министерстве пищевой промышленности СССР корреспонденту «Огонька» сообщили, что в этом году консервная промышленность полностью восстанавливает довоенный ассортимент. Выпускаются десятки наименований овощных консервов, разнообразнее становится ассортимент варенья, компотов, джемов, фруктовых соусов. Заводы изготовляют по особым рецептам специальные консервы для детей, налажен выпуск консервов для диабетиков.

Сейчас на консервных заводах началась страдная пора — массовая переработка фруктов и овощей. Уже выпущено большое количество консервированных кабачков, перца, баклажанов. Томатного сока будет приготовлено в четыре раза больше, чем в прошлом году.

Значительно увеличивается выпуск свежезамороженных овощных смесей, зеленого горошка, кукурузы. Как известно, в свежезамороженных овощах сохраняются витамины, и эти консервы пользуются большим спросом у населения. Кроме овощей, на консервных заводах замораживают ягоды, сливы, цитрусы.

Армения собирает обильный урожай персиков и абрикосов. Консервные заводы республики дадут в полтора раза больше варенья и в три с половиной раза больше компотов, нежели в прошлом году. В республиках Средней Азии, в Грузии и Армении развернулись заготовки сухих фруктов. Осенью, когда начнется сбор цитрусовых, значительно увеличится выработка соков из мандаринов и апельсинов.

Совхозы Министерства пищевой промышленности СССР начали отправлять в крупнейшие города лучшие столовые сорта яблок. В этом году хороший урожай яблок в Крыму и Азербайджане.

197 сахарных заводов приступают к переработке свеклы нового урожая; 14 из них только в этом году вступают в строй. Многие предприятия оснащены новым оборудованием.

Коллективы сахарных заводов страны обязались выработать сахара на 50 миллионов пудов больше прошлогоднего.

Муку из нового зерна уже получают наши хлебозаводы и пекарни, макаронные фабрики, пищевые комбинаты. Предприятия, выпускающие различные крупы, также начали перерабатывать зерно урожая 1948 года.

Великие Лучки



З. ХИРЕН

Фото В. Евграфова

— Мария, Мария, — слышу я сквозь сон, — не колоти так, разве ж ты не видишь, что люди спят?

Я открываю глаза. Справа от меня, на широкой деревенской кровати, утопая в пуховых перинах, спит сын хозяина Дмитро. Вчера вечером, когда все ложились, его еще дома не было. Отец сказал, что «Дмитро мусить быть в кино, так как ни одной любезной картины не пропускает, а дочке нравятся только такие картины, где война, и кроме того про Зою».

Мне хотелось спросить, какие картины называются «любезными». Но старик меня опередил:

— Где любятся и целуются, говорит наш сынок...

Крепко спит Дмитро и того не знает, что напротив его дома, на улице, звонко смеются девчата, да так, как ни в одном кинофильме. Одна из них — это, наверное, и есть сама Мария — стучит пальцами по стеклу, пока из-за занавески не мелькнет чье-то лицо. В ту минуту на крыльцо выходит еще одна девушка, в таком же светлом платочке, как и все остальные.

— Да я уже давно встала, — пробует она оправдаться перед подругами, — честное комсомольское, Калинушка, два раза на ганок выбегала, тебя все глядела.

— А у самой очи в меду, — замечает одна, и все дружно хохочут.

Девушки быстро удаляются в сторону колхозного поля, и на сельской улице наступает тишина.

Окаймленные садами, тянутся вдоль реки Латорицы дома. Если подняться в солнечное утро на колокольню, то подумаешь, что под тобой красное озеро, — столько новой черепицы увидишь. Бросятся в глаза и дома вовсе без крыш. Обязательно подойдите к ним поближе. Большое удовольствие получите. Там вас встретят люди, правда, занятые, но очень веселые. Эти люди строят себе новые дома.

Что за стройка происходит сейчас в селе Великие Лучки! Сколько черепицы везут сюда, а все мало! Сегодня по дороге никто еще не проезжал, а что здесь было вчера! Еще и теперь вся земля в отпечатках автомобильных шин. До поздней ночи мчались грузовики с кирпичом и черепицей. Отчего такая стройка? Случилось вот что: люди всю жизнь скитались по белому свету, а теперь впервые почувствовали себя дома, на Родине. Вот и строят себе хоромы — с террасами, с портиками, со всякими украшениями, а прежде жилье селянина называлось в Закарпатье просто хижей.

В городе Мукачеве мне сказали, что в Великих Лучках собралась «вся Америка» и, если я хорошенько поищу, то найду там Аргентину, Канаду и даже Бразилию. И вот Василий Юрьевич Попович, маленький, не по возрасту подвижной старик с седым ежиком на голове, взялся, как он выразился, на практике показать мне, где эта самая «Америка» квартирует в Великих Лучках.

Кое-что о Василии Поповиче я уже слышал. Он был сенатором в чехословацком парламенте от компартии. Когда пришли оккупанты, его запрятали в тюрьму. После присоединения Закарпатья к Советской Украине он вместе с другими товарищами организовал в селе Великие Лучки колхоз имени Ленина. Теперь Василий Юрьевич — председатель ревизионной комиссии колхоза и всю свою нехитрую канцелярию — рахунки, наряды, расписки — складывает в сохранившуюся у него кожаную обложку парламентского мандата. Попович строит колхозные конюшни, хлев, сушилку, часто бывает в городе: достает лес, кирпич, гвозди для колхоза. Работа хлопотная, но рассказывает он о ней не без юмора. У Василия Юрьевича манера: о ком бы он ни говорил, всех обязательно представляет в лицах. Мимикой, жестами он изображает городских служащих, которые задерживают вагоны для перевозки леса в колхоз.



Василий Юрьевич Попович беседует с агрономом Константином Михайловичем Руденко.

Мы ходили с Василием Юрьевичем по Великим Лучкам, и он то и дело останавливался возле домов, называя имена, фамилии людей, искавших когда-то счастья в чужих краях. Были здесь и Иван Голод, Юрко Полтина, Василь Цап и несколько Федоков, Козарей, Цифр.

— Начнем хоть с меня, — сказал он, — запишите: Попович Василий Юрьевич. Да, да, то правда, я тоже за долларами в молодости погнался, а получил... — и он сложил три пальца. — А то у нас живет один вдовый, — продолжал бывший сенатор, — так он, знаете, в гуцульском лайбике в Великие Лучки прибежал из самого Масса Чудес (так ради смеха Попович переименовал штат Массачузетс), а жене его в ту пору понравилось жить американкой в Лауэлле, или дьявол ее знает как. Что же вы думаете, теперь хоть нанимай на почту еще посыльных. Не успевают почтальоны относить письма нашему вдовому. Жена бомбардирует Великие Лучки, пропасть денег истратила, марки наклеивает на обе стороны конвертов: пустите ее в Великие Лучки.

Мы с Поповичем обошли более семидесяти домов, а он все называл новые и новые фамилии «американцев».

...То было вчера, а сейчас я стою у окна и жду, когда на дороге покажется звено Анны Ладань. Я знаю, что Анна всегда выходит на работу вслед за Калиной. Девушки, которые только что шумели возле моего дома, — это и есть звено Калины Попович — дочери Василия Юрьевича. Она сама придумала по утрам заходить к подругам. Ее дом стоит у дороги, на краю села и ей по пути. Обычно каждая девушка ждет Калину на крыльце. Но все равно она встает раньше их всех. Дома отец подшучивает над дочкой:

— Опять, Калина, проспала!

Но нет, такого еще не было.

Пусть ненько не тревожится: Калина никогда не проспит. Даже вот история с золой, которую тут называют: «пепель». Агроном сказал, что пепель понадобится для подкормки картофеля. Слушали все, но не все сделали вывод. А Калина вывод сделала вот какой: она пошла к мельнику Дмитро. Да, да, к тому самому Дмитро, который нежится сейчас передо мной на пуховиках. Она сказала ему:

— Дмитро, ты комсомолец и должен все понимать. Собирай пепель из-под паровика, да так, чтобы ни одна пылинка не пропала, — такая задача. И помни, что это для меня.

Дмитро так и не понял, зачем этой красивой, светловолосой девушке понадобилась зола. Но слово дал, и надо было сдержать его. Золу собирал он с самой зимы и складывал в одно потайное местечко.



...Ей всего семнадцать лет, но нет более дисциплинированного звена, чем ее.

ках. Расписывают их в яркие, веселые цвета, пейзажи подбирают самые удивительные. Анна с мужем тоже строит свой новый дом. Уже подвезли черепицу, кирпич.

Когда начали создавать колхоз, кулаки язвили:

— Так разве вы потребны державе? Что за польза от вас... от голытьбы! Вам только давай и давай... Без богатых ни одна держава еще не обходилась и сейчас не обойдется!

— А советская власть обойдется, — отвечали колхозники. — Мы ее опора, а не вы, лодащие!

Теперь кулаки уже помалкивают по поводу того, какие люди больше нужны державе. Такого богатства, каким располагает колхоз, они и в жизни не видели. Я спрашиваю у колхозников:

— А если урожай этого года оказался бы плохим, хватило бы у вас хлеба?

Люди весело смеются:

— Только одного прошлогоднего урожая свободно на три года хватит.

Кулаки робко, но все же стараются колхозников уязвить:

— Москва — она особые дожди посылает в колхоз и прочее такое.

Что же, доля правды в их словах есть. Дождей, правда, Москва колхозу не присылает, но в Великих Лучках в полной мере использован опыт самой передовой в мире сельскохозяйственной науки. Советские агрономы пришли на помощь закарпатским колхозникам, прежде не знавшим даже слова такого — «агроном».

Как-то, еще в первый день приезда в Великие Лучки, я познакомился с очень неразговорчивым и, как мне показалось, застенчивым человеком. Он привел меня на птицеферму и показал 700 колхозных цыплят. Я почему-то подумал тогда: не мужское это дело цыплятами увлекаться. Потом мне сказали, что человек этот — секретарь первичной партийной организации колхоза Иван Васильевич Газий.

Знакомясь с жизнью колхоза, я узнал, что Иван Васильевич и есть то лицо, вокруг которого группируется все лучшее, все передовое, что есть в селе Великие Лучки. Услышал я и речь тов. Газия в Ужгороде, на областном партийном совещании:

— Наш колхоз в срок с соблюдением всех агротехнических правил провел прополку, рыхление, окучивание, искусственное опыление. На поля мы внесли 122 центнера одних минеральных удобрений. Такого наша великолучская земля никогда не получала. В самом деле, разве могли раньше бедняки, да и середняки мечтать о машинной обработке земли, об агрономах — обо всем, что стало теперь у нас в колхозе обычным, будничным?!

«О, агрономы-филантропы, — вспоминал я слова Тараса Шевченко, слушая секретаря первичной организации. — Выдумайте вы вместо серпа какую-нибудь другую машину. Вы этим окажете величайшую услугу обреченному на тяжкий труд человечеству».

Прошло более ста лет, как Тарас Шевченко написал эти слова. Давно уже в нашей стране появились и тракторы и комбайны, но в закарпатской деревне народ увидел их лишь сейчас, лишь с приходом советской власти.

Как-то Калина забежала к нему и спрашивает:

— Дмитро, где пепель?

Парень состроил невинную мину:

— Калинушка, я не пойму, о чем ты толкуешь?

— Не поймешь?! — рассвирепела Калина.

Дмитро сразу сдал:

— Я же шуткую, дурочка, — и показал Калине спрятанную для нее золу.

— Так ты же смотри, Дмитро, тут будут другие приходить, ты смотри!

А в нужный момент Калина раздобыла у бригадира подводу и вместе со своими девчатами приехала на мельницу. Золу посыпали по рядкам картофельного поля, как и велел агроном. А потом любовались:

— Какая картошка!

Просто удивительно, сколько здоровой деловитости и страсти в работе у этой девушки! Ей всего семнадцать лет, но нет более дисциплинированного звена, чем ее. Мне говорили, что это все потому, что у Калины собрались одни комсомолки. И правда, когда я впервые пришел на участок, где работает звено Калины, мне показалось, что тут одна молодежь. Звонкие песни были слышны издалека. Девушки даже сочинили одну песенку специально для Калины; пели они ее в темпе марша, неизменно повторяя припев:

«Ведь с нами Калина — первая звеньевая...»

Однако я убедился, что в звене у Калины не только молодежь: обнаружил я там и старика лет за пятьдесят, пожилую женщину и еще кое-кого совсем не комсомольского возраста. Между прочим, старика этого, по имени Иван Кираль, Калина сама в колхоз вовлекла. Сперва дочки его, Анна и Мария, вступили, затем — жена Анна, а Иван все упирался:

— Не пойду, пусть другие.

Калина пришла к нему и стала расхваливать дочек, какие они хорошие работницы.

— Иван Кираль, приходите, ей же богу, не бойтесь, — сказала она ему ласково на прощанье.

И что же, старик пришел, подал заявление, только выставил свое условие:

— Меня, будьте ласковы, в ланок Калины.

Как-то Калина вернулась домой поздно ночью. Она была на областном совещании в Ужгороде. В доме все уже спали. И вот Калина наклонилась над постелью своей младшей сестренки Елизаветы, тоже работающей в ее звене:

— Елизавета, слухай, вставай, я тебе из Ужгорода конфеты привезла.

Сестренка проснулась.

— Елизавета, миленькая, расскажи мне: сколько вы успели за сегодня сделать на картофельном поле?

И только выслушав «доклад» Елизаветы, Калина легла спать. А гостинцы она действительно из Ужгорода привезла — пряники и конфеты, — только не одной Елизавете, а всему звену.

Калина вся настораживается, как только услышит из чьих-нибудь уст фамилии своих девушек. Они очень близки ее сердцу — эти девушки ее звена. Обычно Калина спокойна, но однажды я видел ее очень гневной. Олена Попадинец — тоже комсомолка и тоже звеньевая — сильно запустила свою кукурузу. Калина собрала своих девушек и предложила помочь Олене. В воскресенье всем звеном отправились на участок Попадинец. А та вместо благодарности накинулась на них:

— Уходите вы отсюда, я без вас справлюсь, нашлись тоже помощницы!

— Нет, — сказала Калина, — мы не уйдем. Твой участок, Олена, наш, как все в колхозе наше. Уговаривать ее, девушки, нет смысла. Возьмемся-ка за работу.

...Хозяйский сын Дмитро проснулся, и я спрашиваю у него, какую картину он вчера видел в кино.

— «Маскарад».

— Любезная?

Дмитро смущенно улыбается.

— А знаешь ты, Дмитро, что Калина к тебе недавно приходила и поклон передавала? Говорит, что ей пепель нужен.

Мельник смотрит на меня с удивлением: он не ожидал, что мне известна история с золой.

Как я и знал, вслед за звеном Калины на улице показалось звено Анны Ладань. Анна живет в самом центре села, и не она к членам звена ходит, а они собираются утром к ее дому и уже тогда вместе уходят в поле.

Анна старше Калины раза в два. Совсем крошечная женщина с выпуклым лбом и черными, как уголь, глазами. Одета она, как и все замужние женщины в этих местах, во все черное. В звене у Анны народ более пожилой, многие еще недавно служили в наймичках, в батрачках. Анну стоит поглядеть в поле, возле ее могучих подсолнухов. Ее голова, повязанная черным платочком, еле достигает середины стебля подсолнуха.

Однажды я услышал, как кто-то, обращаясь к ее мужу — колхозному кладовщику, — в сердцах сказал:

— Михайло, то неправда, что говорят, баба з возу — спицам легче. Учись у своей жинки работать, вот что я тебе скажу.

Михайло Ладань не обиделся. Он и сам знает, что у него в кладовой порядка меньше, чем в поле у его жены.

А Анна — жаль, что у каждого стебля нет имени, — а то слушаешь, и, точно мать о своих детях, говорит она о подсолнухах.

Красивые дома строят сейчас в Великих Луч-

...В воскресенье я захожу в гости к Василию Юрьевичу Поповичу и застаю у него за столом звено Калины в полном составе. Бывший сенатор осторожно разливает в крошечные рюмочки красное вино. Подняв затем рюмку, он держит речь.

Я узнаю, что за этим столом девушки Калины собираются каждое воскресенье и подводят итог работы за неделю.

— Ничего дурного не будет, — сказал однажды отец дочке, — если твои девчата привыкнут к здоровой самокритике, как того требует партия.

Одними советами сенатор не ограничивался. Так уж заведено, что теперь он председательствует на всех воскресных встречах.

— Ты где свой первый шаг сделала? — обращается старик к чернявой девушке, зажавшей в пальцах правой руки огрызок карандаша, и отвечает сам за нее: — На колхозной ниве. Значит, ты коренная колхозница. Как же ты допустила на грядке сорнячок?.. Земля ведь колхозная, а не какая-нибудь единоличная.

Я хорошо знаю, как много дел у старика в колхозе, и тем более я взволнован увиденным.

ДЕТСТВО ХАДЖИ-МУРАТА

ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ РУКОПИСЯМ Л. Н. ТОЛСТОГО

Иллюстрации Е. Лансере

В повести «Хаджи-Мурат» Толстой первоначально намеревался описать не только предсмертную борьбу героя, но и всю его жизнь, начиная от рождения. Впоследствии Толстой от этого отказался. Сохранилось множество черновых рукописей, в которых сделана эта попытка. Подробнее всего Толстой останавливался на детстве героя. Исторических данных об этой поре жизни Хаджи-Мурата не имеется. Толстому было только известно из книг А. Зиссермана «Двадцать пять лет на Кавказе» и др., что Хаджи-Мурат являлся молочным братом сыновей хана Аварии, т. е. что мать Хаджи-Мурата была кормилицей одного из них. На основании этого факта Толстой создал ряд картин. Некоторые подробности им заимствованы из общих этнографических материалов «Сборника сведений о кавказских горцах».

Соединяя имеющиеся в неопубликованных рукописях места с несколькими упоминаниями о детстве Хаджи-Мурата в окончательной редакции повести, получаем цельную картину детства героя, как она рисовалась художественному воображению великого писателя.

Для связности рассказа нам пришлось кое-что передать своими словами и сделать 3—4 необходимых дополнения. Подлинный текст Толстого приводится в кавычках.

А. СЕРГЕЕНКО

Родился Хаджи-Мурат в 1812 году на Кавказе, в горной стране Аварии, недалеко от селения Хунзах, «в небольшом, с ослиную голову ауле» Цельмес. Здесь он и провел свое детство. Правителем Аварии был хан, живший в Хунзахе.

Отец Хаджи-Мурата был бедный горец Абдулл, мать — Патимат. Патимат была красавица, «сильная, высокая, стройная, большеглазая, величественная». Хаджи-Мурат был ее третьим ребенком. Второй ее сын умер. Произошло это страшное для Патимат горе от того, что «Патимат в одно время кормила своего сына и сына ханши», которая по болезни не могла сама кормить своего ребенка. У Патимат нехватало молока на двоих, «но ханского ребенка она хорошо выкормила, а ее собственный зачах и умер, не дожив года».

«Когда Патимат родила третьего сына, Хаджи-Мурата, и ханша, у которой в то же время родился второй сын, потребовала опять Патимат к себе в кормилицы, Патимат не согласилась идти к ней в кормилицы и сказала своему мужу, посылавшему ее во дворец к ханше, что она не пойдет, хотя бы он и убил ее».

Тогда «в дом» родителей Хаджи-Мурата «приехали послы от аварского хана Омара».

«— Не хочу другой кормилицы,— сказала ханша послам,— Патимат самая красивая, сильная и кроткая женщина во всем Дагестане. Я люблю ее, как сестру, и отдам ей все, что дорого моему сердцу, только бы она пришла ко мне».

«— Делайте со мной, что хотите,—отвечала Патимат на слова няньки ханши,— а не могу я оставить моей несравненной жемчужины. Я люблю ханшу и благодарю ее за награды, но она не отдаст никому свое дитя, так и я не отдам свое. Хаджи-Мурат мой—это звезда спала мне с неба. Это свет глаз моих, не отдам я черноглазого Хаджи-Мурата чужим людям, скорее кинжалом отрежу себе груди, чем пойду кормить чужое дитя».

«И сколько ни уговаривали жену муж и посланница ханская, обещая ей и наряды и золотые вещи, Патимат осталась при своем и не согласилась идти в кормилицы».

Тогда муж сказал посланному хана:

«— Она упряма, как осел, и не отступит от своего, но я знаю, что сделаю. Я увезу мальчика к деду и бабке, когда она уйдет за водой, и тогда мы уговорим ее».

«Так они и сделали. Как только перед вечерней молитвой Патимат уложила своего сына в люльку, а сама с кувшинами на плече пошла к фонтану», муж с нукером (телохранителем) ханским и нянькой ханши взяли мальчика и понесли на двор. Но не успели они уложить его в корзину за седлом, как Патимат вернулась без кувшинов. Когда она подошла к фонтану, ей пришла мысль, как бы без нее не увезли мальчика, и когда только пришла ей эта мысль, она оставила кувшины у фонтана и быстрыми ногами побежала вверх к своей сакле.

«— Беги, Патимат, беги! — крикнула ей с крыши соседка.— Увозят твоего сына.

Патимат сбежала в саклю, схватила со стены кинжал и бросилась во двор. Не успел опомниться нукер, как мать ударила его по руке кинжалом, схватила дитя и убежала в дом.

— Убью, кто подойдет ко мне,—сказала она, одной рукой прижимая к себе ребенка, а другой махая кинжалом».

«Рана нукера была легкая, ее перевязали».

Как ни уговаривал Абдулл, «Патимат отвечала:

— Опять заморю своего, не пойду».

Абдулл вырвал у нее из рук Хаджи-Мурата. Она схватила кинжал и закричала, что «если он не оставит ребенка, то она убьет и ребенка и себя». Абдулл «знал и силу и упрямство своей жены и должен был покориться».

Хан прогневался на Патимат, но сказал, что если она образумится, то он простит ее «и подарит ей две коровы, лошадь и кусок красной ткани». Но ничто не поколебало «упорной Патимат». Тогда «горячий, вспыльчивый и самовластный Абдулл, взбесившись, хотел убить ее и ранил ее кинжалом, и убил бы жену, если бы ему в этом не помешали».

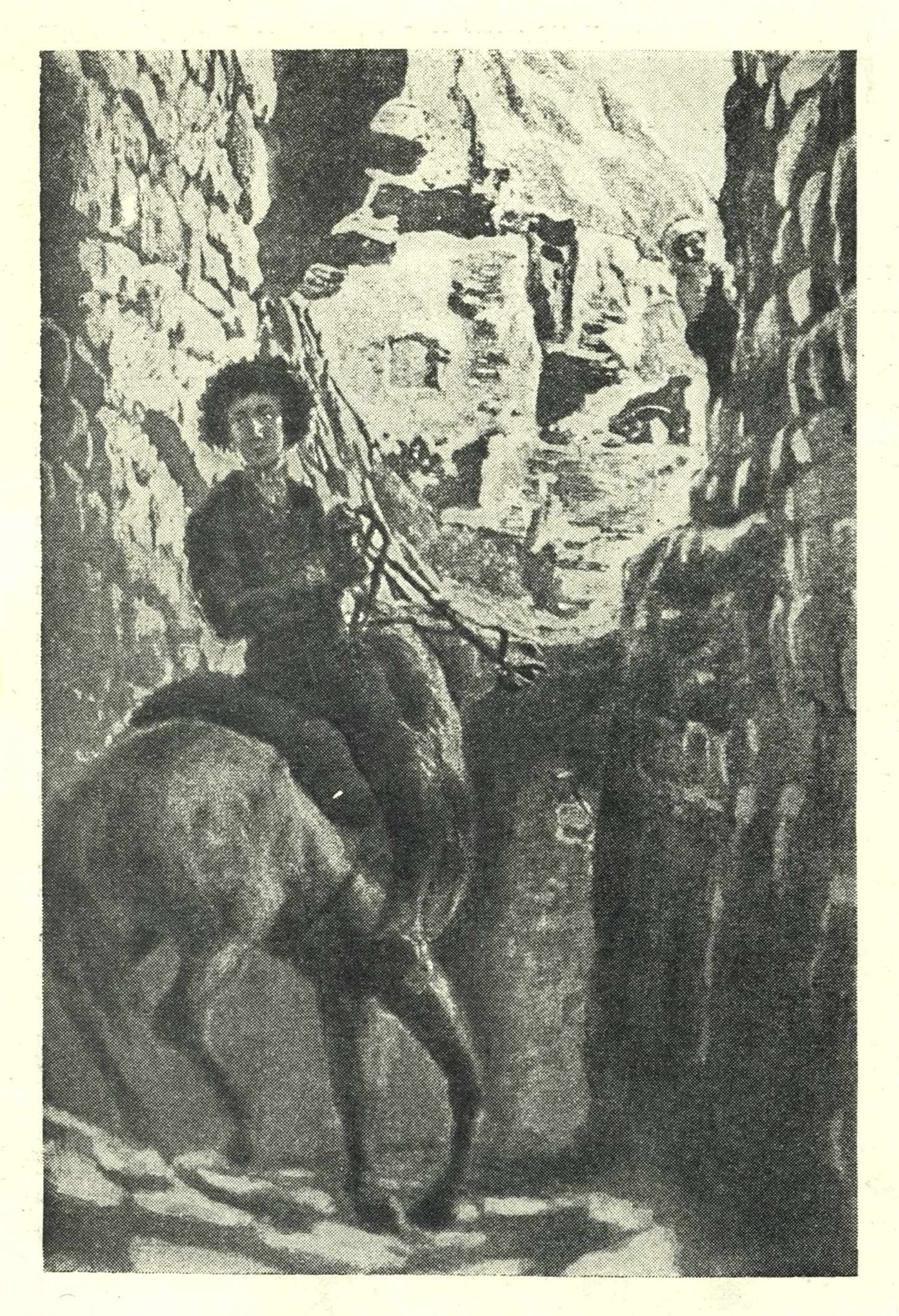
«На шум прибежавший народ остановил Абдулла. Раненая же в бок Патимат прижала младенца к своей ране, обливая его своей горячей кровью и, как раненый зверь, своими большими глазами смотрела на мужа, готовясь умереть, но не отдать ребенка».

Боясь мужа, Патимат завернула маленького Хаджи-Мурата в тряпье и «убежала ночью к своему отцу-старику», жившему в дальнем горном ауле. Отец ее был серебрянник, чеканщик оружия и пчеловод. Поселившись у него со своим ребенком, Патимат «все лето работала на старика и не возвращалась к мужу». Когда же ее рана зажила, а ребенок окреп, она вернулась домой. Абдулл за это время успокоился и больше не собирался посылать ее в ханский дворец. Но он не принял ее к себе как жену и хозяйку дома, а только как работницу, потому что пока она жила у своего отца, взял себе другую жену. Положение Патимат в доме стало очень тяжелое. Вторая жена Абдулла обижала ее. Но Патимат терпеливо все переносила ради Хаджи-Мурата. И часто, укачивая его, пела «сложенную ею самой песню о том, как звали ее кормить ханского ребенка и как она не отдала своего сына, и не взяла дорогих подарков ханских, и как бил ее муж, а она все-таки не отдала сына».

Когда Хаджи-Мурат подрос, Патимат в первый раз наголо обрила ему голову, по горскому обычаю. И Хаджи-Мурат «с удивлением увидел в блестяще начищенном медном тазу, висевшем на стене, свою безволосую головенку». Иногда Патимат «надевала на него



Хаджи-Мурат.



Уличка в ауле Цельмес.

шелковую рубаху и бешмет или белую черкеску и перешитую из отцовской папаху» и носила его в корзине за спиной через горы к своему отцу. Хаджи-Мурат был ребенок тяжелый. Но сильная Патимат несла его по узким горным тропам легко и все время пела песни. Одна песня была про него, и он часто просил ее петь. Эту песню Патимат пела так: «Одно солнце светит в небе, одна радость в сердце Патимат: это черноглазый Хаджи-Мурат. Хотят тучи отнять у народа солнце. Но солнце разгоняет их и посылает дождь на землю. Хаджи-Мурат обливается кровью на груди матери, но грудь эта кормит Хаджи-Мурата, а не чужого щенка, и не заходит солнце за горы в сердце Патимат».

Путешествие через скалы к деду Хаджи-Мурат очень любил и, сидя у матери за спиной, «он от радости, взвизгивая в корзине, вскакивал, обхватывал ее крепкую шею ручонками и душил ее, и она нежно палец за пальцем отдирала ему руки от своей шеи и, закинув назад длинную, загорелую, обнаженную из широкого рукава, сильную руку, захватывала его за затылок и прижимала к себе».

Мать нередко укладывала Хаджи-Мурата спать с собой рядом под шубой на плоской крыше сакли. Ночи на Кавказе холодные, но под шубой Хаджи-Мурату было тепло и приятно. И, лежа на крыше сакли под темным небом с яркими звездами, Хаджи-Мурат всякий раз радовался и нередко просил мать дать ему пощупать «то место на боку, где остался след от раны, и просил, чтоб ему она напела песню про то, как она не хотела идти в кормилицы к ханше».

Эта песня, сочиненная самим Толстым и могущая являться образцом подлинного кавказского фольклора, в окончательной редакции излагается так: «Булатный кинжал прорвал мою белую грудь, а я приложила к ней мое солнышко, моего мальчика, и омыла его своей горячей кровью, и рана зажила без трав и кореньев. Не боялась я смерти, не будет бояться и мальчик-джигит».

Патимат называла «джигитом» маленького Хаджи-Мурата потому, что всякая горянка мечтала о том, чтобы ее сын впоследствии сделался джигитом — смелым наездником. Да и Хаджи-Мурат с детских лет мечтал об этом. Хотя его отец Абдулл «не любил его и не ласкал, но Хаджи-Мурат всегда восхищался ловкостью и силой своего отца», особенно когда Абдулл «в оружии на своей седогривой гнедой лошади выезжал с народом в набег или на ханскую охоту».

Иногда Хаджи-Мурат ездил со своей матерью через горы к деду «на старом осле, страшно кричавшем и при этом дергавшемся всем телом».

«Хаджи-Мурат с благоговением относился к своему старому, морщинистому, загорелому деду, сидящему или за чеканно-серебряной работой или копающемуся на пчельнике». И дед «особенно нежно любил этого мальчика, из-за которого чуть не убита была его дочь, и кормил его сладким, липким медом, и дарил ему и овчины и сукно. Дед вызывал в мальчике смешанное чувство любопытства, восхищения и любовной преданности».

Да и все восхищало Хаджи-Мурата в раннюю пору его жизни: и мать, и отец, и дед, и старший брат Осман, «и Уляшин, красная, худая дворная собака, которая спала с ним на крыше, и, ощетинившись, лаяла на выходивший из-за горы месяц и лизала его в губы и нос, когда он подзывал ее». Восхищал его и отцовский гнедой мерин, которого он водил на водопой. Хаджи-Мурат был очень привязан к своей матери.

«Мальчик всегда был с матерью. Шла ли она печь лепешки в общую пекарню, он не отставал от нее; собирала ли она коровий навоз и сушила его, он вертелся около ее ног и мешал ей; сидела ли она под коровой, когда доила ее, она отгоняла его из-под ног коровы. Она брала его с собою на пашню, где вскапывала киркой землю под кукурузу, и носила в лес, где собирала сучья для топлива и где с вечера начинали плакать шакалы. Она кормила его пирожками и с пустым кувшином на голове водила его за руку к фонтану и там быстро и много говорила с другими женщинами, потом с полным чистой, холодной водой кувшином тихими шагами возвращалась назад и уже не держала его за руку, а он сам хватался за ее штаны, когда они проходили мимо сакли Ахмета с страшной собакой».

«Он никогда не думал и не знал, что она его любила так же, как он сам любил себя, и потому, когда ему надо было пожалеть себя, он шел к ней.

Так же, как он не мог вообразить себе жизни без своего тела, так же он не мог вообразить себе жизнь без своей матери».

Он был красивый мальчик, «с черными, как мокрые вишни, глазами, живой, быстрый, как порох, сильный и ловкий. Все товарищи любили и боялись его».

Когда Хаджи-Мурату пошел десятый год, «дед стал учить мальчика и турецкой и арабской грамоте, и корану. Он был памятливый, учился прилежно, делал большие успехи, и однажды дед за хорошее учение подарил ему кинжал в серебряной оправе и винтовку».

После этого Хаджи-Мурат был отдан в школу. На этом закончилось его детство.

Впоследствии, вспоминая свое детство, Хаджи-Мурат считал, что это было лучшее время его жизни. «Оно представлялось ему таким чудным, прекрасным, что он спрашивал себя: неужели в самом деле это был он, который переживал все это. Особенно радостно всегда было вспоминать ему свою мать молодой, сильной, красивой, веселой».

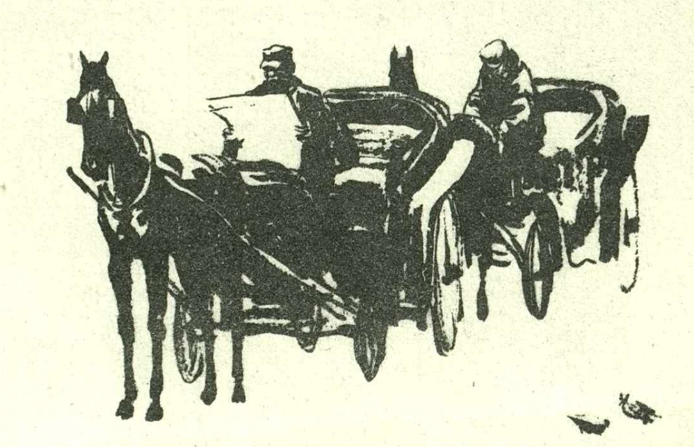
Толстой тоже очень любил вспоминать свое детство и также любил думать о своей матери, умершей, когда ему было полтора года, так что он не помнил ее, но он ясно представлял ее себе по рассказам других. Благоговейно относясь к его памяти, Толстой наделил и Хаджи-Мурата таким же чувством к его матери.



Мюриды Хаджи-Мурата.

Сквер перед Оперным театром.

Извозчики.

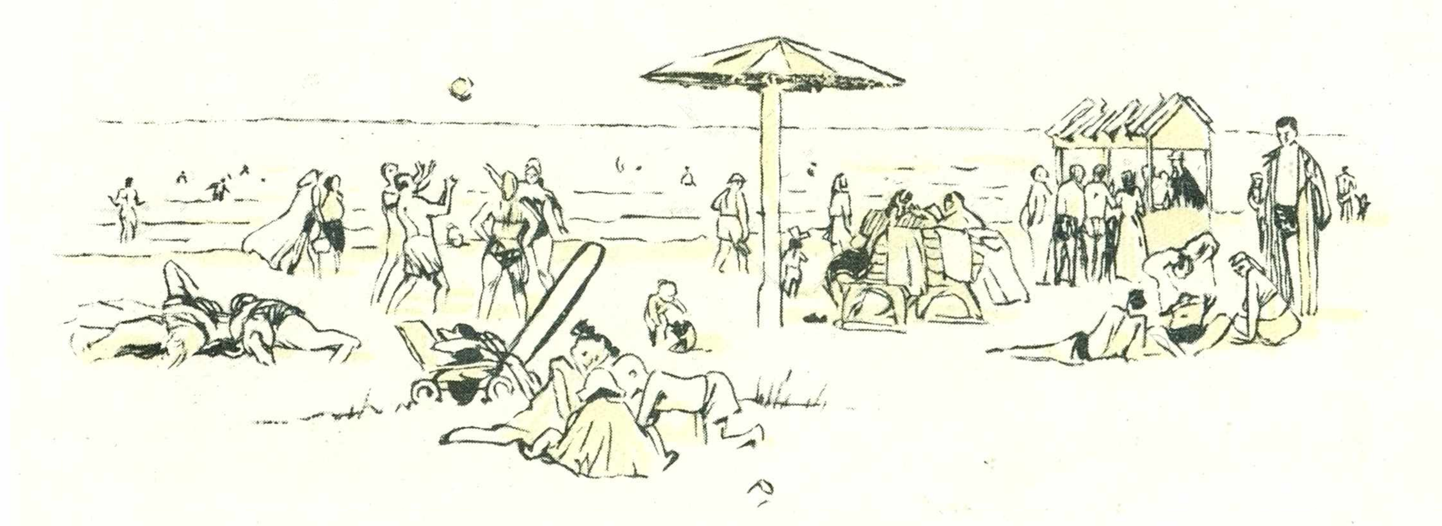


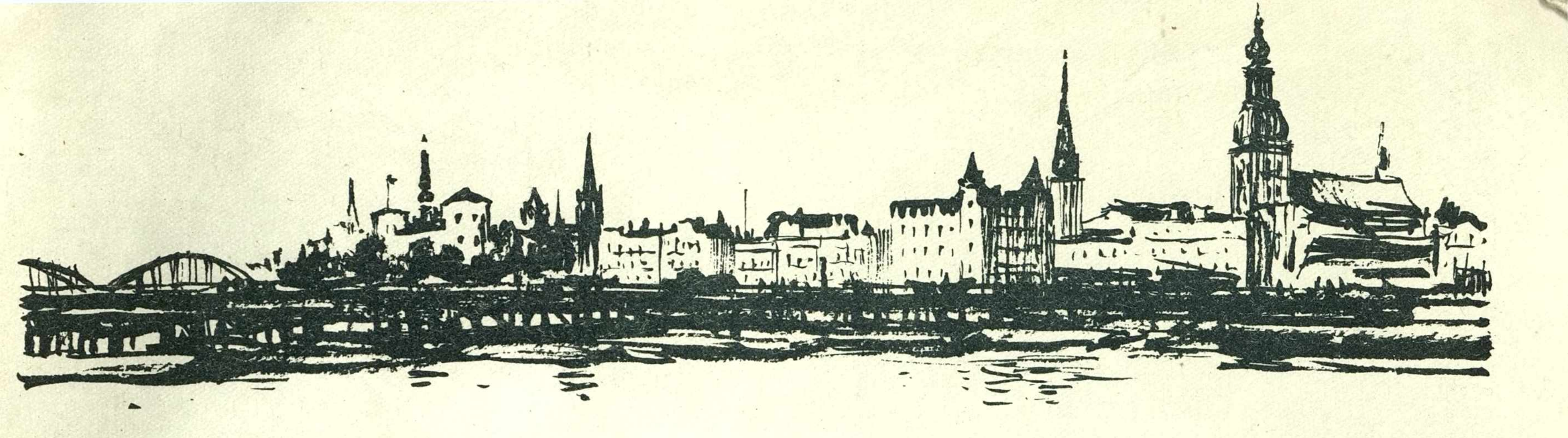
ИЗ РИЖСКОГО АЛЬБОМА

Рисунки художника О. Верейского

Рыбаки на взморье.

Пляж в Дзинтари.







Уличные зарисовки.



В старом городе.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ



П О В Е С Т Ь   О   Л Е С А Х

Константин **ПАУСТОВСКИЙ**

Рисунки В. Климашина

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО

Перед войной ленинградский писатель Леонтьев направился собирать материалы для своей книги в заповедные леса средней полосы России. В пути он познакомился с ученицей московской театральной школы Анфисой, невестой студента ленинградского лесного института Коли Евсеева, а в лесничестве — с лаборанткой Марией Трофимовной, дочерью тверской крестьянки Аграфены Тихоновны, знавшей в юности Чайковского.

Война прервала работу Леонтьева над книгой. Писатель ушел в армию. Вместе с советскими частями он проходил через деревню, где жила Аграфена Тихоновна. Здесь он узнал, что ее застрелил немецкий офицер. Леонтьев увез с собой серьги, подаренные Чайковским Аграфене Тихоновне, чтобы передать их ее дочери.

В это время Мария Трофимовна работала медицинской сестрой в госпитале, ухаживала за тяжело раненным на фронте Колей Евсеевым. Когда здоровье Коли Евсеева уже шло на поправку, она простудилась и вскоре умерла. Леонтьев узнал о ее смерти от Коли после войны.

Из госпиталя Коля уехал к своей матери Нине Порфирьевне и Анфисе в Ленинград; они прожили здесь всю блокаду. В пути он видел изуродованные немцами, сожженные леса под Любанью и окончательно решил посвятить всю свою жизнь восстановлению лесов.

Этим же делом озабочен и его учитель, ленинградский профессор Петр Максимович Багалей. Он приезжает в Москву, чтобы доложить в Кремле о своем проекте восстановления лесов. По его проекту в одном из лесничеств начинаются напряженные работы, и в них участвует Коля Евсеев.

15. КИПРЕЙ

Так прошли весна и лето. В начале августа в лесничество приехала Анфиса с Женей Горбачевым.

Коля поехал встречать их в городок на большой реке — туда подходила ветка железной дороги.

Машины все были заняты, и Коле дали телегу и лошадь. Коля даже обрадовался: поездка в телеге была приятнее, чем тряска в машине по сосновым корням.

Городок был маленький, наполовину сгоревший во время войны. Улицы были густо засыпаны сенной трухой. От складов с пенькой тянуло сухим приятным запахом, напоминавшим запах вощины. В городском саду над рекой сварливо кричали и дрались на деревьях галки. Сад зарос чистотелом, крапивой. На круглой деревянной тумбе у входа была наклеена афиша о том, что в кино «Аврора» идет «Машенька». Коля усмехнулся: подходящее название для кино в таком городке — «Аврора»! Богиня утренней зари!

Поезд должен был придти только на следующее утро, и Коля переночевал в Доме колхозника. Там уже густо храпели, несмотря на ранний час, немногочисленные постояльцы.

Проснулся Коля на рассвете. Он вышел во двор умыться. Густая роса лежала на траве. Вокруг колодца ходил, гогоча, заспанный, недовольный гусь.

Дом колхозника стоял на юру над рекой. Коля, вытираясь, видел, как в тумане, в свежести, еще оставшейся от ночи, всходило за рекой солнце. Розовые лучи протянулись в вышину, где еще висел месяц, усталый и побледневший от ночного скитания по огромному небу. «Действительно,— подумал Коля,— розовоперстая Аврора!» Где-то на околице играл на рожке пастух.

Вокзала в городке не было. Он сгорел. Вместо вокзала стоял пока товарный вагон.

Поезд подходил медленно и остановился далеко от товарного вагона. Коля побежал к нему навстречу, но опоздал: Анфиса уже спрыгнула на насыпь, а Женя вытаскивал из вагона и подавал ей чемодан и кошелку.

Анфиса крепко поцеловала Колю и сказала:

— Как все-таки мы много путешествуем, Коля!

— Никогда я не был в таких глубинных местах,— сказал, оглядываясь, Женя.— Очень все интересно.

Женя удивился телеге и серому мерину. Мерин все время скалился, дергал головой и отмахивался от мух. Еще больше Женя удивился, когда узнал, что никакого возницы нет, а повезет их Коля.

— Доедем,— успокоил его Коля.— Садитесь. По дороге завернем в чайную на берегу около пристани. Выпьем чаю, закусим.

В чайной было тепло, чисто. Девочка в красном ситцевом платье домывала полы. Сели за дощатый стол. Анфиса достала из кошелки хлеб, масло. Коля выложил на стол огурцы, он купил их около вокзала. Девочка внесла маленький самовар.

И Анфисе, и Коле, и даже Жене это утро в чайной представлялось удивительным. Казалось, что они стали участниками неторопливого романа, действие которого происходит в безвестном городке; романа с чайными, с заглохшими садами, молодой любовью, дружбой; романа, занесенного из столиц в глубину страны, в лесные края, на проселочные дороги.

Было слышно, как по сырым оврагам тихонько выбормативали родники. Женщины спускались к ним с ведрами и коромыслами, и ведра звякали в тишине.

Долго ехали лугами. В балках застоялись лужицы воды, заросшие по краям незабудками. Потом пошли гари с одинокими тонкими соснами. Гари сплошь были покрыты красным кипреем.

Солнце палило нещадно. Тучами налетали слепни, и мерин часто останавливался, чтобы, наконец, отмахаться от них головой и хвостом.

Когда гари окончились и телега въехала в большой лес, решили переждать жару.

Коля распряг мерина, завел его в гущу орешника. Мерин довольно фыркал и срывал листья серыми замшевыми губами. Слепни исчезли.

Очень хотелось пить. Анфиса и ее спутники напились из круглой ямки во мху, где вода стояла в уровень с землей и была холодная и чистая. Если приглядеться, то была видна тихая струйка воды, бившая откуда-то снизу, из мха. Она покачивала утонувшую в этой криничке высохшую ветку брусники.

Женя лежал на земле около старого пня и рассматривал его. Кора кое-где отвалилась. Виднелись запутанные ходы, проточенные лубоедом. По этим ходам бежали муравьи и тащили в хранилища внутри пня разные зернышки и сухую хвою. Сбоку на пне вырос древесный гриб, желтый, как сера. Потом прилетел бархатный шмель, черный, с золотой полоской на брюшке, сел на цветы кипрея и деловито загудел.

— Как здорово! — промолвил Женя.— Такой пень можно рассматривать без конца.

— Этот старый, перегнивший пень,— сказал Коля,— при умелье можно прочесть, как книгу. Он весь в иероглифах.

— Как это? Какую книгу?

— О круговороте жизни в природе. И еще о многом. Вот, смотрите, около пня растет кипрей. Но только около пня. На полянке его уже нет. Кипрей любит землю, богатую азотом, а такая почва всегда образуется около муравейников. Редкий цветок! Помните на гарях целые поля кипрея? Он очень смягчает жару и не дает солнцу на гарях сжигать молодые побеги деревьев. Нигде, как на гарях, земля так сильно не раскаляется от солнца. И кроме того кипрей по ночам не подпускает к побегам холодный воздух. Бывает так, что все верхушки кипрея обмерзнут, но он не даст погибнуть всходам. Самоотверженный цветок! Но этого еще мало: кипрей влияет не только на температуру воздуха вблизи земли, но и на температуру почвы. Он охраняет не только побеги, но и их слабые корни.

— Слушай, Коля,— сказала Анфиса,—это похоже на какую-то сказку. Цветок-нянька. На месте Леонтьева я только бы и писала, что об этих травах и деревьях. Хватило бы на целую жизнь. Какую бы книгу он мог написать, если бы не ленился! Надо его растормошить.

— Каждый может это знать,— ответил Коля,— но передать по-настоящему может, конечно, только поэт.

Шмель торопливо вылез из цветка кипрея, почистил лапки, взлетел и сразу же набрал высоту.

— Вот Петр Максимович,— сказал, помолчав, Коля,— говорит, что в будущих лесах должно быть много пасек. Пчелы будут опылять деревья и кустарники. И, кстати, в лесах будут жить хорошие люди — пасечники. Пожалуй, нигде занятие так сильно не сказывается на человеке, как здесь. Пчелы не любят неряшливых и шумных людей.

Жара начала спадать. Небо медленно заволоклось тучами, по лесу прошел ветер.

Коля запряг мерина, и они поехали дальше. Дорога заросла высоким папоротником. Он хлестал мерина по ногам и оставлял на них оранжевую пыльцу.

В лесу стало очень тихо. Потом в кустах послышался едва заметный шорох.

— Дождь! — сказала Анфиса и вытянула руку.

Тотчас ей на ладонь упали две теплые капли дождя. Потом, помедлив, упала третья.

Зашевелились от ударов капель листья, запахло прибитой пылью. Где-то далеко даже прогремел ленивый гром.

Окончание. Начало см. в №№ 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35.

Потом вдруг дождь припустил и начал часто сыпаться с неба быстрыми тонкими струями. Чащи весело и торопливо зашумели, листва покрылась мокрым блеском, а от спины мерина повалил пар. Стащили с сена на телеге грубое полосатое рядно и накрылись им, как палаткой.

Дождь усиливался, песок промок, потемнел, кое-где в колеях уже налились лужицы, и капли, ударяя по ним, оставляли пузыри.

Коля свернул лошадь с большака на дорогу между сосен.

— Ты куда? — спросила Анфиса.

— Тут лесная сторожка. Рядом. Надо переждать.

Около лесной сторожки их облаял взлохмаченный пес со смеющимися глазами. Лаял он, как потом выяснилось, от досады, что ему нельзя сразу же положить Анфисе лапы на плечи и лизнуть ее в лицо. Но он это сделал, как только Анфиса соскочила с телеги.

На крыльцо вышел худой лесник.

— Назад! — крикнул он на пса, но тот уже прыгал на Женю и в конце концов ухитрился лизнуть в лицо и его.

— Дождиком прихватило? — спросил лесник.— Похоже, обкладывает. Пожалуйте в избу.

Вошли в избу. В ней никого не было.

— Хозяйки у меня нету,— сказал лесник.— Померла еще до войны. Так один и верчусь. Сейчас я самоварчик поставлю. Молоко есть в подполе. Выпейте.

— А кто же у вас корову доит? — спросила Анфиса.

— Самому приходится,— неохотно ответил лесник.

Лесник делал все медленно, достал чашки, деревянную солонку с темной солью, поставил самовар, потом полез в подпол.

Пока он возился в подполе, Анфиса заметила за ситцевой занавеской на русской печке два серых испуганных глаза. Они смотрели на нее, не мигая. Когда лесник вылез из подпола, Анфиса спросила:

— Кто это у вас там?

— Где? — встревоженно спросил лесник.

— На печке.

Лесник оглянулся на занавеску, ничего не ответил и начал раздувать самовар. Было видно, что вопрос Анфисы застал его врасплох и он этим недоволен. Все молчали.

Лесник сел на лавку около Анфисы, начал скручивать цыгарку и, помолчав, сказал вполголоса:

— Дочка там у меня. Маша. Хворая.

— А что с ней? — также тихо спросила Анфиса.

— Душевная у нее болезнь. Дикая она, пугливая, людей боится. Ране я на людном кордоне служил, да вот перевелся сюда, в самый глушняк. Тут потише. Прохожие люди ее не беспокоят.

— С чего же это она? — спросил Коля.

— Да-а,— сказал, не расслышав его вопроса, лесник,— была девочка звонкая. Бывало, как выбежит в лес по грибы, никаких тебе малиновок не надо! Как пришли немцы, мы с ними, понятно, бились здесь, в своем лесу. Партизанили. Маша, понятно, при мне, куда ей деваться? Быстроногая она у меня. Вот и была она вроде как разведчицей. Им, ребятам, способнее, чем нам, все выведать-высмотреть. Пошла она как-то на Покров в соседнее село, а вернулась она уже не в себе. Вся черная, заикается, ко мне жмется. А там, видишь, какое дело,— немцы при ней человека повесили. Значит, не все детский глаз видеть может. Не все! Не выдержала. С тех пор так и пошло: от людей хоронится, как зверек какой-нибудь лесной. Так что вы не обижайтесь, ежели я неласково вас встретил. Все опасаюсь, как бы ей хуже от людей не было. Но, замечаю, теперь ей полегче. Ежели с ней тихо, ласково, она не боится.

Лесник обернулся к печке, сказал:

— Маша! А Маша! Ты выйди. Это люди хорошие. Они с добром к нам приехали.

— Здравствуйте,— сказала шопотом из-за занавески девочка.

— Здравствуй, Маша,— ответила Анфиса.— Слезай, иди к нам. Будем чай пить вместе. У меня гостинцы для тебя есть.

— Я босая,—ответила девочка.

— Ну что ж, что босая. Я тоже разуться могу.

Девочка шире раздвинула занавеску и долго смотрела на Анфису.

— Вы ее больше не кличьте,— сказал лесник.— А то опять напугается. Она, может, сама придет.

Девочка действительно незаметно слезла с печки, подошла к столу, долго смотрела на Анфису жадными глазами, потом подошла к ней, тронула пальцем часики на руке у Анфисы и сказала:

— Там старичок сидит. Чего-то весь день пилит и пилит. Такой неспокойный. Только ваш старичок махонький, а наш большой.

— Какой ваш?

— А вон тот! — девочка показала на старые ходики на стене.— Наш старичок — кузнец. Он ножик кует. Как выкует, всех зарежет.

— Ты брось, дурочка, выдумывать! — строго сказал лесник.— Ни к чему это все!

Губы у девочки задрожали. Она с испугом посмотрела на отца, сжала лицо ладонями и заплакала. Анфиса притянула девочку к себе, погладила ее плечи, растрепанные косицы. Девочка уткнулась горячим мокрым лицом в грудь Анфисы и все плакала, никак не могла остановиться.

— Ну, чего ты? — сказала Анфиса.— Он совсем не ножи кует, а стучит молотком, тачает себе сапоги на зиму. Он добрый дед, глухой. Зачем же его обижать?

Девочка перестала плакать, судорожно вздохнула, искоса посмотрела на Анфису, обняла ее за шею худыми руками и еще теснее прижалась к Анфисе.

— Отошла,— сказал лесник.— А со мной бы нипочем! Вот беда!

— Лаской ее можно вылечить,— заметил леснику Коля.

— Оно, конечно, так. Да на ласку, милый человек, времени много нужно. А где его взять? Я цельный день в лесу, а она тут одна. Вот и выдумывает бог знает что.

— Я за ней дня через три приеду,— сказала Анфиса.— Возьму ее к себе в лесничество. Может быть, там у нее все и пройдет. Поедешь со мной, Маша?

— Поеду,— едва слышно ответила девочка и еще крепче прижалась к Анфисе, к ее платью, от которого дивно пахло нето травами, нето цветами.

— Да,— сказал лесник.— Незнамо как и благодарить!.. Женское сердце — оно все одолеет. Это уж истинно!

Дождь прошел только к ночи. Туча ушла куда-то за леса, и низко, касаясь верхушек деревьев, взошла луна. Свет ее блестел в лужах. Лесник запряг мерина, навалил на телегу сухого сена.

Анфиса задремала в телеге от усталости. Изредка она открывала глаза и видела все то же: лес и лес и блеск лунного света на дуге. Она слышала отрывистые разговоры Коли и Жени, снова начинала дремать, и ей казалось, что этому лесу не будет конца.

16. СТАРЫЕ СЕРЬГИ

Леонтьев подрядился в городке с веснушчатым шофером, что тот доставит на машине его вещи в лесничество к Петру Максимовичу, а сам пошел пешком.

Леонтьев ожидал, что шофер удивится этому, но шофер отнесся к решению Леонтьева совершенно равнодушно, и это, в свою очередь, удивило и почему-то даже немного обидело Леонтьева. Так они и расстались, условившись назавтра встретиться в лесничестве.

Освободившись от вещей, Леонтьев прошел через городок к реке. На наплавном мосту человек в гимнастерке с медалями за Сталинград и Берлин удил рыбу. Он покосился на Леонтьева и спросил:

— Огонька нету? Я свой коробок подмочил.

Леонтьев дал ему закурить и присел рядом на бревно. Когда позади проезжала телега, Леонтьева встряхивало.

— Головли, — сказал человек с медалями. — Нету клева. Шут их разберет, какая им насадка нужна! Подойдут, понюхают и уйдут.

— Хорошо здесь у вас!

— Да,— согласился человек с медалями.— Это точно, хорошо. Далеко идете?

— В лесничество.

— Ну и развернулись там наши ученые! — с гордостью сказал человек с медалями.— Леса сажают по всей округе. Да как! Через двадцать лет тут будет рай. Это точно!

Он наклонился, схватил воткнутое между бревен удилище и резко подсек. Леска натянулась и быстро пошла к берегу.

— Шутишь! — сказал человек с медалями и потащил из воды бьющуюся серебряную рыбу.

Он ловко выбросил ее на настил моста. Рыба запрыгала, сверкая на солнце.

Женщина, ехавшая в телеге, остановила лошадь и сказала:

— Вот тебе, голубчик, и добыча. Хочешь меняться?

— На что?

— Сметанка у меня есть.

— Езжай! — сказал человек. — Привыкли меняться. Может, еще и кобылу выменяешь?

— Что ты! — ответила женщина.— Говоришь как несообразно. Кобыла колхозная. А мне ушицы охота попробовать. Я очень обожаю.

Женщина зачмокала, задергала вожжами и проехала. Леонтьев попрощался с человеком с медалями и пошел дальше.

Кончался август. В лугах облепляла лицо паутина, но летали те же бабочки, что и весной,— крапивницы и лимонницы.

Леса по горизонту тонули в сухом розовом тумане. В ощущении простора, раскинутого во все концы земли, было что-то и праздничное и грустное, как в коротком возвращении детства.

Леонтьев прошел мимо поемного озерца, заросшего по берегам шиповником, нарвал оранжевых ягод и попробовал. Их сухая сладковатая мякоть ему очень понравилась.

За лугами пошли новые лесные посадки. Леонтьев остановился и засвистел. Тысячи молодых сосенок зеленели в бороздах, поросших кипреем.

Вскоре начался нетронутый лес. Леонтьев лег на землю на его опушке около молодой сосны. Рядом с ним под черным осиновым листком прятался молочный и липкий маслюк. К нему прилипла какая-то зеленая мушка и тонко жужжала, пытаясь освободиться. На травинку села лимонница, сложила молитвенно крылышки и уснула. От земли потягивало теплом. И Леонтьев не заметил, как задремал.

Сквозь дремоту он думал о своей книге. Удалось ли ему передать в ней очарование этих просторов, весен, зим, этих полей и лесов? Кажется, удалось. Но, должно быть, трудно будет читать такую книгу. Человек стал тороплив, а такие книги надо читать медленно, стараясь увидеть внутренним взором все, что написано.

Он думал, что труд его, кажется, не пропал даром, что ему удалось передать читателям частицу своей любви к родной стране. Это его успокоило.

Он очнулся от ощущения, что на него кто-то пристально смотрит. На дороге стояла девочка лет десяти, русоволосая, немного растрепанная. Косицы ее были завязаны зелеными тесемками. В руке она держала кошелку с грибами.

— Тебя как звать? — спросил Леонтьев.— Феней?

— Нет. Я Настя Я по грибы ходила. А вы зачем на солнце спите? Голову нажжете.

— Ты откуда?

— Из лесничества. А почему вы меня Феней назвали?

— Похожа ты на Феню, потому и назвал.

— А откуда вы ее знаете, Феню?

— Знаю.

— Вот и неправда,— засмеялась девочка.— Феня гундосая. Она «сэхар» сказать не может. Говорит «шахар». И вовсе на меня не похожа.

— Да ну! — удивился Леонтьев.— Значит, это не та Феня.

— Одна у нас Феня. У нее нос рыжий. От веснушек.

— Ну, пойдем,— сказал Леонтьев и поднялся.— Мне тоже в лесничество. Далеко еще идти?

— Часа два,— ответила Настя.— Я быстро хожу.

И она проворно пошла по дороге, перебирая маленькими загорелыми ногами и немного наклонившись набок, чтобы легче было тащить тяжелую кошелку с грибами.

— У нас в лесничестве теперь новая девочка живет,— сказала Настя. — Маша, лесниковская дочка. Она с отцом жила на кордоне. А ему трудно. Она больная, Маша. Будто немного сумасшедшая. Тут приехала из Москвы одна молодая тетенька и забрала ее к себе в лесничество.

— Зачем?

— Чтобы, значит, вылечить ее.

— Ну и как?

— Ничего. Полегчало. Маша с нами теперь даже играет, а ране, бывало, как увидит кого из нас, так и бежит, бежит,— не догонишь.

— А кто же эта молодая тетенька?

— Артистка,— ответила с гордостью Настя. — Я вырасту, тоже пойду в артистки. Буду плясать.

«Анфиса,— подумал Леонтьев.— Конечно, она».

Вышли на порубку. Сосны были спилены высоко, на уровне человеческой груди. Местами завалы из стволов и высохших веток с рыжей хвоей казались непроходимыми. Из земли пробивалась березовая поросль.

Но во многих местах ветки и весь сушняк были собраны в большие кучи, а пни спилены под корень. В этих местах порубка не производила впечатления сплошного бурелома и хаоса.

— Здесь немцы лес валили,— сказала девочка. — Хотели наших остановить. Смотри, чего наломали! А нынче все это прибирают, и тут новый лес посадят из какого-то дерева, я забыла, как его зовут. Оно духовитое. Прелесть, какое дерево! И мы тоже лес сажаем.

— Кто это мы?

— Ребята. Мы старших иногда обгоняем.

Девочка шла все быстрее. Леонтьев за ней не поспевал. Да ему и не хотелось торопиться.

— Ты беги,— предложил он девочке. — Дорога прямая. Я сам дойду.

— Ладно. А то мне поскорее надо.

Она кивнула Леонтьеву и уже через минуту была далеко, а потом и совсем исчезла за густой порослью.



Леонтьев остановился. Среди поваленных сосновых стволов лежал на боку заржавленный танк с запыленным немецким крестом на башне.

Леонтьев подошел к нему. Башня была открыта. Из нее пахнуло жаром. Серая ящерица, заметив Леонтьева, быстро побежала по броне и юркнула внутрь танка. Там было пусто. Виднелись острые зубцы развороченного взрывом металла.

Со свойственным ему любопытством Леонтьев пошарил вокруг танка, поискал, но ничего не нашел, кроме втоптанной в землю кожаной немецкой рукавицы. Леонтьев хотел поднять ее, но сквозь рваную рукавицу пророс подорожник, и ее можно было оторвать от земли только вместе с ним. Леонтьев пожалел подорожник и не тронул рукавицы.

Он потрогал на танке выбоины от осколков, усмехнулся, подумал, что вот этот сеятель смерти стал игрушкой для наших деревенских ребят и что никакие танки и бомбы не остановят движения нашей жизни. Никогда, ни при каких обстоятельствах!

Он пошел дальше. День был на исходе. Мошкара толклась в теплом воздухе. На землю спускалась предвечерняя дымка.

Вдали на дороге показались люди. Они шли навстречу Леонтьеву. Он остановился, пригляделся. Шли двое — мужчина и женщина. Кажется, это были Анфиса и Коля. Леонтьев замахал рукой, крикнул: «Эге-гей!»

Ему ответил голос Анфисы. Она и Коля уже бежали ему навстречу. Леонтьев остановился, сделал судорожное глотательное движение, чтобы успокоиться, засмеялся, и в уголках его прищуренных глаз заблестели слезинки.

— Чорт знает что! — сказал он, когда они подбежали к нему.— Я сделался чувствительным, как старая дева. Стыд и срам!

Он расцеловался с Анфисой и Колей и, смеясь, потряс Колю за плечи.

Анфиса бранила его за то, что он ничего не написал, и если бы не Настя, что прибежала в лесничество полчаса назад, то они бы его и не встретили. Коля улыбался, глядя на Леонтьева преданными глазами.

Они сели на песчаный бугорок около дороги и никак не могли наговориться. Оказалось, что надо сейчас же рассказать друг другу очень много важного, но на это нехватит не то что часов, но целых дней, и потому все разговоры придется отложить.

Солнце уже село за порубкой. Оно обрушило на землю столько червонного золота, что все вокруг пылало.

— Пора идти,— сказал, вставая, Коля.— Тут кругом болота. Будет туман.

Они встали.

— Ну как? — спросил Леонтьев.— Вы поженились?

Анфиса и Коля переглянулись, потом Анфиса строго посмотрела в лицо Леонтьеву и молча кивнула.

Леонтьев достал из кармана пиджака маленький потертый футляр и раскрыл его. На выгоревшем бархате лежали две простые сережки.



Заходящее солнце бросило на них свой последний свет, и в каждой серьге загорелась яркая капля воды.

— Это что? — тихо спросила Анфиса.

— Помните, те серьги, что Чайковский подарил девочке Фене?

— Ну да, помню,— еще тише сказала Анфиса.

— Это они. Нагните голову.

Анфиса молча наклонила голову, и Леонтьев осторожно вдел серьги в мочки ее маленьких, зардевшихся от волнения ушей.

— Это вам,— сказал Леонтьев.— Не от меня. От Аграфены, от Марии Трофимовны. Потому что вы — одна из тех простых русских женщин, ради которых стоит делать всякие хорошие вещи.

Анфиса опустила голову. Румянец сошел с ее щек. Она была очень бледна. Потом она подняла на Леонтьева испуганные глаза, обняла его одной рукой за шею, другой рукой притянула к себе Колю, крепко прижалась к их лицам своим горячим лицом, отвернулась и быстро пошла по дороге.

Леонтьев и Коля пошли за ней следом. Оба молчали. Коля взял Леонтьева за локоть и крепко его пожал.

— Ничего,— сказал Леонтьев.— Успокоится.

Сумерки густели, и в этих сумерках белело только платье Анфисы. Наконец Анфиса остановилась, подождала Леонтьева и Колю, а когда они подошли, взяла их под руки, и они пошли рядом.

Вечерняя заря догорала на небе. Леонтьев думал, что вот прошел отрезок его жизни и как будто на первый взгляд ничего необыкновенного не произошло. Но на самом деле жизнь за это время так далеко ушла вперед, что трудно все осмыслить и оценить. Он чувствовал, что жизнь еще больше приблизилась к тем временам, ради которых работали тысячи и тысячи его соотечественников, ради которых жил и работал он сам.

И как за вечерней зарей неизбежно придет утренняя во всей своей ясности, бодрости и тишине, так и за его жизнью, клонящейся к своему концу, придет, как этот утренний свет, жизнь молодежи — и Анфисы, и Коли, и тысячи других девушек и юношей.

Ради них стоит работать, преодолевать и побеждать, чтобы оставить им в наследство эту любимую землю, великие леса, этот чистейший воздух, богатые поля и города, талантливые книги, разумный, привлекательный труд, звучание симфоний — все, что наполняет жизнь смыслом и радостью.

В их руки мы отдаем все свершения своей жизни, отдаем свое сердце. И наша самая высокая награда — в сознании, что эти руки бережно пронесут все, чего мы добились, что мы выстрадали ради высокой справедливости, к новым поколениям и к новым временам.

Испытатель

Сергей СМИРНОВ

Все небо, как петлицы у пилота.
Рассвет на крышах блещет, словно лед.
Из сборочного цеха за ворота
Выходит новой марки самолет.

Зеленый сверху,
Серебристый снизу,
Он смотрит ввысь, раскинув два крыла.
Не знающая скидок экспертиза
В нем никаких дефектов не нашла.

Но восхищаться все еще некстати.
Ревут моторы, стелется трава.
И вот
вступает летчик-испытатель
В действительно высокие права:

Он выше всех
наполнил небо
гудом;
Фигуры крутит, как на турнике.
Он метеором падает оттуда
И, сея страх, выходит из пике!

Ему земля дорожку стелет гладко.
Моторы песню кончили свою.
И тут — благополучная посадка.
Все ждут его, как главного судью.

Он приговор выносит самолету,
Как новичку, крещенному огнем:
Послушен ли,
Добротно ли сработан,
И есть ли что, чему не место в нем.

Он беспощаден в выводе-ответе..
И сам директор —
делу голова —
Старательно записывает эти,
Роняемые летчиком слова!

ХИРУРГИЯ ПЛЮС МАТЕМАТИКА

А. АЛЕКСАНДРОВ

В тяжелые и героические дни обороны Ленинграда профессор Александр Александрович Лимберг был старшим хирургом фронтового эвакогоспиталя. Было известно, что Лимберг — один из крупнейших в нашей стране мастеров пластической хирургии. Знал я также, что с фронта поступает значительное число раненных в голову, в лицо, в челюсть. И представлялось, что, отставив в сторону все, связанное с наукой и теорией, с кафедрой, которой он руководил в Институте усовершенствования врачей, Лимберг теперь весь в операционной, среди раненых, в жаркой схватке с обступающими его страданиями, несчастьями, смертью.

Но мне сказали: «Обязательно побывайте у Лимберга, познакомьтесь с его теоретическими исследованиями. То, что он делает у себя в госпитале, — новое слово науки...»

...За профессором пошли в палаты. На стене его кабинета я увидел коллекцию гипсовых слепков и понял, что это — отображение проделанных здесь операций. Маска лица с исковерканной, уродливо стянутой щекой. Рядом то же лицо нормального вида, с едва заметными следами восстановления. Маски, лишенные носов, с развороченными челюстями, с застывшей гримасой страдания. И тут же исправленные, хорошие, обыкновенные лица.

Гипс повествовал о человеческих страданиях и о победах человеческого мастерства. Вспомнились патетические слова Гете: «Хирургия есть божественное искусство, предмет которого — прекрасный и священный человеческий образ. Она должна заботиться о том, чтобы чудная соразмерность его форм, где-либо нарушенная или расстроенная, снова была восстановлена».

Но вот, повернувшись к другой стене, я увидел большие таблицы с геометрическими чертежами и алгебраическими формулами. Они странно контрастировали с белизной гипсовых изделий, с блеском медицинского инструментария в шкафу. В углу, на столе, лежал целый набор каких-то деталей из картона, дерева, жести. Эти были объемные многоугольники и треугольники, исчерченные сложными фигурами и цифрами. Все это явно имело какое-то отношение к стереометрии и тригонометрии, но зачем оно в кабинете хирурга?

— Вы, я вижу, удивлены,—сказал, входя, Александр Александрович Лимберг. — Ничего, вы быстро все поймете. После небольшой экскурсии в историю. И, конечно, — в операционную.

...На столе лежал человек, укрытый простыней. Лицо его было обложено марлей и ватой. Зиял и сочился кровью свежий разрез, рассекший надвое нижнюю губу, изуродованную старым рубцом. Молодая женщина в роговых очках нерешительно отодвинула ланцет. Она соображала: удлинить разрез или пора остановиться? Несколько лишних миллиметров облегчат решение хирургической задачи. Но форма губы не будет нормальной, возникнет неприятное утолщение. Конечно, это лучше, чем та уродливая, кривая щель, которая зияет на месте рта сейчас. Но ему, этому молодому бойцу, надо вернуть нормальный облик. Она вспомнила разговор с юношей перед операцией, выражение молящих о помощи глаз. Нет, здесь грешно ошибиться даже на миллиметр.

Лимберг подошел, внимательно всмотрелся в операционное поле.

— Не смущайтесь, — сказал он ассистентке. — Проверьте еще раз расчеты и продолжайте.

Ассистентка тонкой линейкой наметила длину разреза, рассчитала углы. Эта математическая пауза длилась несколько секунд. Затем операция возобновилась.

* * *

Легенда повествует: за три тысячи лет до нашей эры, в сражении, которое войска египтян вели с племенами Ливии, удар меча рассек лицо фараонова сына Сутаро, лишив его носа. Потеря наследником царственного облика угрожала авторитету династии. На помощь был призван ученый жрец. Храня величайшую тайну, укрывшись в храме, жрец отделил со лба Сутаро лоскут кожи и прирастил его к тому месту, где был нос. Впоследствии никто из подданных не мог догадаться об операции, сделанной сыну фараона.

Индийской книге «Познания жизни» тысяча лет. Но и в ней не только упоминается хирургическая операция пластики носа, но даже дается ее описание: из кожи щек, лба выкраивается лоскут в форме листа растения. В XV веке ринопластика и выросшая из нее хирургическая пластика всего лица применялись знаменитыми хирургами Европы, особенно Италии. В России в XIX столетии пластической хирургией занимались Пеликан, Дубовицкий, Караваев, Шимановский, Пирогов.

Но, несмотря на свою тысячелетнюю историю, пластическая хирургия почти до последних лет была и самой молодой и самой таинственной областью медицины. Освоенная отдельными виртуозами хирургической техники, она почти оставалась недоступной и непонятной тысячам рядовых хирургов.

Вот почему страшна была судьба раненных в лицо во время прежних войн. Тяжелое ранение любой части тела не казалось окружающим таким безнадежным, как кровавая маска лица, изуродованного разрывной пулей или осколком снаряда. Хирурги растерянно опускали руки перед обрывками мышц, сосудов и нервов на том месте, где привыкли видеть пусть искаженное страданием, но живое человеческое лицо. И, вылечившись, раненый зачастую не желал покидать больничных стен, возвращаться домой: свое исковерканное лицо он ощущал, как жгучее клеймо, навсегда лишавшее его радостей жизни.

...Свыше тридцати лет назад А. А. Лимберг окончил зубоврачебную школу. После Октябрьской революции он продолжил и завершил свое образование в Военно-медицинской академии. Лимберг стал отличным врачом-стоматологом. Но в госпиталь, где он работал, поступали раненые, которым нужна была помощь врача, сочетающего знание челюстно-лицевой и пластической хирургии. Лимберг штудировал учебники и монографии и видел: авторы их шли ощупью, не выработали общих правил, научиться у них трудно. Только Шимановский мечтал и пытался «из огромного количества произведенных доселе пластических операций вывести как бы простые формулы». Это было высказано еще в 1865 году, но этих «простых формул» до наших дней никто так и не создал.

Лимберг начал с пластики так называемыми «встречными треугольниками». Скрытый дефект кожи лица или рубец после огнестрельной травмы, стягивающий кожу, уродливо смещающий части лица, можно ликвидировать, вырезав на этом месте два треугольника кожных лоскутов и взаимно смещая их во встречных направлениях. Но этот метод трудно применять, пользуясь только глазомером. Необходимо точно определить углы и длину боковых разрезов. Косметический эффект операции тем лучше, чем точнее рассчитана ширина и длина встречных треугольников.

Хирург впервые сделал попытку математически проанализировать явления перемещения, растяжения и сокращения кожи на участках, подвергаемых операции. Этот анализ помог Лимбергу найти общие закономерности для самых, казалось, различных видов оперативных вмешательств. В определенное число точных схем таких вмешательств оказалось возможным «уложить» неограниченное количество самых различных форм искажений и изъянов кожи не только лица, но и других частей человеческого тела.

Поверхность человеческого тела, лица человека мягка и упруга. Это своеобразная комбинация выпуклостей и вогнутостей, округлых линий и выступов. А. А. Лимберг условно расчленяет эту поверхность на геометрически правильные фигуры. Он видит эту поверхность стереометрически представленной в плоскостях, конусах, тетраэдрах. Произвести пластическую операцию на поверхности тела — значит изменить сочетание и соотношение этих фигур, например, создав на плоскости конус, восстановить таким образом крылья и кончик носа.

Математический метод помогает точно планировать эти изменения и перемещения, производить их экономично, с наименьшей затратой материала — живых тканей человека.

Хирурги заготовляли иногда огромные кожные лоскуты, чтобы закрыть небольшой изъян. Точно рассчитанные операции Лимберга ювелирны по своей технике, их травматичность для организма сведена к минимуму, они не оставляют на коже грубых рубцов. Пластическая хирургия в его руках получает полное право называться хирургией эстетической.

Но если методами математического расчета можно анализировать и планировать любую, даже самую сложную пластическую операцию, то не пора ли перестать рассматривать пластическую хирургию как искусство избранных? Конечно, говорит Лимберг,— на основе объективного метода можно каждого хирурга научить этому делу, как учат инженеров и архитекторов на основе математических расчетов строить мосты, дома и дороги.

В дни Великой Отечественной войны А. А. Лимберг стал обучать своему методу десятки врачей. Математика пугала их лишь на первых порах. При ближайшем знакомстве оказалось, что азов, преподанных в средней школе, вполне достаточно, чтобы усвоить теорию Лимберга.

Таблица и модели, виденные мною в его кабинете, — это и были учебные пособия для врачей, которые Лимберг изготовил собственноручно. Позже я видел, как врачи сидели над ними, закрывая и раскрывая углы, перемещая конусы, анализируя схемы своих будущих операций.

В те же дни блокады города Ленина ученый проводил холодные ночи над своими заметками, формулами и историями болезней, приводил их в стройную систему и готовил труд, суливший новое будущее пластической хирургии, открывавший ей дорогу из операционных столичных институтов в любую больницу необъятной нашей Родины.

Книга А. А. Лимберга «Математические основы местной пластики на поверхности человеческого тела» невелика — в ней всего около 200 страниц. Но в ней конденсирован мощный творческий заряд. Она подготовлена 90 предшествующими научными трудами того же автора, и каждый из них пронизан одной идеей — сделать предельно простым и доступным то, что пряталось до сих пор за семью печатями жреческих мудростей и тайн.

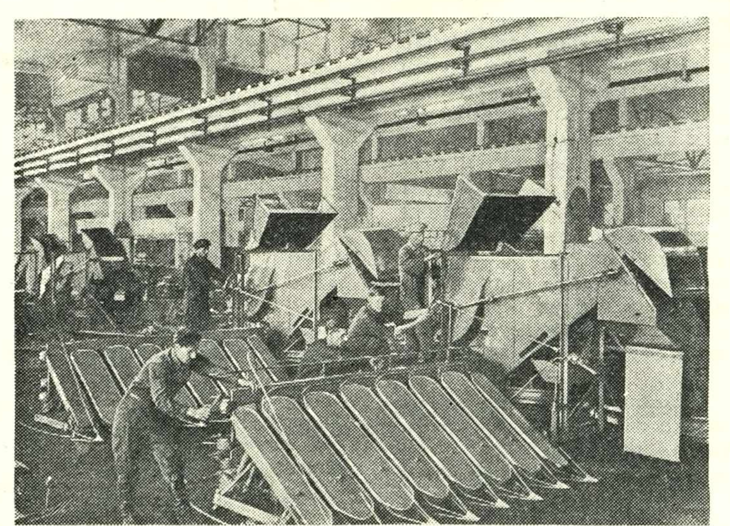
Ученый упростил сложную проблему свободной пересадки кожи для замещения дефектов слизистых оболочек рта, век или носа. Он доказал на огромном числе операций биологическую оправданность свободных пересадок хряща в восстановительной хирургии лица, ввел новый, рациональный способ пересадки кости в челюсть. Имя талантливого хирурга упоминается в любой главе каждого труда, посвященного новейшим достижениям хирургической пластики.

А. А. Лимберг говорит и пишет коротко, как бы всегда спеша вернуться к своему делу, к ожидающим его живым людям, больным или ученикам. Он методичен и упорен: одного летчика, жестоко пострадавшего в сгоревшем самолете, Лимберг продержал в своей клинике два года и сделал ему 32 операции. Но летчик покинул Лимберга, получив заново то, чего его лишило несчастье, — свое лицо.

Лимберг обаятельно прост и скромен. Он не знал, куда деваться, когда на научной конференции хирургов один из докладчиков назвал его вдохновенным художником, и смутился, когда другой уподобил его холодному аналитику.

Теория А. А. Лимберга получила общее признание. Его книга увенчана Сталинской премией. И каждый знает, что не холодный расчет математика, а творческое вдохновение ученого-патриота породило этот замечательный труд.

ЛЬНОУБОРОЧНЫЙ КОМБАЙН



Ленинградский завод имени М. И. Калинина выпустил первую партию льноуборочных комбайнов «ЛК-7» конструкции лауреатов Сталинской премии М. И. Шлыкова, А. С. Маята и А. С. Моисеева. Подобных машин нет ни в одной стране мира.

Льнокомбайн производит одновременно теребление льна, очесывание головок и вязку соломки в снопы. Машина обладает высокой производительностью. Работая на прицепе у трактора, она может за час убрать лен с площади в один гектар. Это равносильно работе 60 человек в течение дня.

БЫТ И НРАВЫ ЗА РУБЕЖОМ

(По столбцам иностранной печати)

Рисунки Л. Смехова

НАХОДЧИВЫЙ МЭР



Существует старый анекдот о девочке из аристократической семьи, которая, узнав, что бедняки голодают, потому что не имеют хлеба, воскликнула: «Так они же могут есть пряники!»

Мэр города Кройдон, в Англии, мистер Эрнст Тэрнер по части советов неимущим — точная копия этого ребенка.

Корреспондент «Дейли уоркер» сообщает:

«Эрнст Тэрнер посоветовал бездомным семьям, живущим в страшной скученности в муниципальных «жилищных центрах», чтобы они лучше убирали помещения и сделали их более уютными.

Ящики из-под апельсинов, используемые в качестве мебели, сказал мэр, следует покрывать кусками материи; на полах следует постлать ковры, на стенах повесить зеркала».

Сию глубокомысленную рекомендацию кройдонский мэр сделал на заседании городского совета, когда делегация бездомных заявила протест против повышения платы за койки, достигшей 2 фунтов 7 шиллингов 10 пенсов в неделю со взрослых. Представитель этой делегации Барк заявил, что «в одном из «центров» 25 семей спят в погребе, разделенном кусками дерюги» и что эти помещения можно сравнить только с худшим типом знаменитых работных домов диккенсовских времен.

На последнее обвинение мэр ответил, что он лично посетит погреб и что специальная комиссия «расследует жалобы».

После трехчасовых изысканий на месте мэр высмеял обвинения как «преувеличенные». Что же касается специальной комиссии, то ее созыв был отсрочен на три недели...

Сообщение о находчивом мэре газета озаглавила: «Как создать уют, будучи бездомным». Ирония, скрытая в этих словах, довольно метко характеризует положение вещей.

ДЕЛО О ПАТОКЕ



После провозглашения «независимости» Индии жизнь для народных масс этой страны отнюдь не улучшилась. Голод, нищета, болезни попрежнему остаются уделом трудящихся. Вопреки громким словам лидеров Индийского конгресса — партии, взявшей в свои руки бразды правления, — реальных мер для улучшения положения масс не принимается. Больше того, многочисленные факты свидетельствуют о том, что зачастую конгрессистские лидеры, особенно провинциальные, непрочь нажиться на нищете народа.

Индийская газета «Пиплс эйдж» публикует сенсационный материал, разоблачающий спекулятивные махинации видных правительственных и конгрессистских чиновников провинции Бихар. Газета цитирует следующую выдержку из материалов местной печати:

«Когда бы конгрессистский министр или лидер ни проезжал мимо, народ старается разглядеть, не нагружен ли его автомобиль бутылями с патокой и не выпачкан ли его дорогой костюм патокой».

«Пиплс эйдж» рассказывает, чтó скрывается за этим необычным сообщением.

Оказывается, в Бихаре всем известно, что некоторые лидеры конгресса и правительственные чиновники спекулируют патокой. Они захватили все разрешения на покупку дешевого продукта, ценой ¼ рупии за бутыль, получили прибыль в 900 процентов и «заработали» сотни тысяч рупий на всей сделке.

«Кто пострадал от этой спекуляции? — спрашивает газета.— Купцы? Разумеется, нет. Купцы, в свою очередь, продали патоку уже по 7½ рупий и ограбили народ. То, что стоило конгрессистским лидерам по ¼ рупии, обошлось народу по 7½ рупий за бутыль. Народ платил для того, чтобы разбухли карманы «лидеров».

Бихарский скандал стал настолько широко известен, что центральное правительство вынуждено было расследовать дело. Провинциальные лидеры встревожились. Они спешно «арестовали» крупного купца Рамжи Лал, которому в свое время сбыли патоки на 125 тысяч рупий и который держал в руках все компрометирующие документы. Обещав этому жулику всякие блага в виде правительственных контрактов, они добились от него заявления, обеляющего правительственных лиц. Все это было обусловлено на свидании арестованного купца с одним из министров провинциального правительства. Затем Рамжи Лал перевели в маленькую тюрьму в отдаленной части провинции. Там ему предъявили пустячное обвинение «в нарушении доверия» и... выпустили на волю.

Таким образом, «центральная» «комиссия по расследованию» осталась без свидетелей, без уличающих документов. Впрочем, как замечает в заключение газета, большинство населения убеждено, что единственная цель этой комиссии состоит только в том, «чтобы оправдать виновных».

Дело о патоке — маленькая, но яркая деталь, показывающая, что индийскому народу живется отнюдь не сладко.

РАЗВЛЕЧЕНИЕ ГЕРЦОГА МАЛЬБОРО



Газета «Дейли мирор» с восхищением описывает сценку из светской жизни в Англии. Участниками ее были далеко не последние представители английской аристократии. Достаточно сказать, что возглавляла собравшееся общество младшая дочь короля принцесса Маргарита, а «героем» дня был человек с громким и старинным титулом герцога Мальборо.

«Принцесса Маргарита,— пишет газета,— и 130 других юных представителей света наблюдали с восхищением, как ягодки малины взлетали к потолку и падали вниз — прямо в раскрытый рот герцога Мальборо.

Герцог, удовлетворенный высокой оценкой его искусства, всякий раз доставал из цилиндра новую ягоду и метал ее к высокому потолку столовой своего Бленхеймского дворца.

Еще одно попадание в мишень, новые требования гостей — и герцог взял полную пригоршню малины и стал метать одну ягоду за другой. Его открытый рот ни разу не промахнулся — и пятидесятилетний герцог был поистине счастлив.

Все это происходило на званом ужине, данном герцогом и герцогиней в честь принцессы Маргариты».

Репортер великосветской хроники в «Дейли мирор», разумеется, не мог пропустить случая расписать такое выдающееся событие и взял интервью у самой герцогини Мальборо. Герцогиня, весьма гордая ловкостью своего мужа, поведала, что последний постоянно занимается фокусом с малиной и совершает его очень часто «иногда за обеденным столом, а перед гостями — постоянно».

Герцогиня не забыла подчеркнуть, что высота их столовой вдвое превышает высоту обыкновенной комнаты. Тем поразительней, что сиятельный фокусник редко делает промах!

Для полноты картины следует добавить, что восторженному описанию сего высокопоучительного зрелища отведено три четверти столбца в газете, под заголовком которой красуется постоянный девиз: «Вперед с народом».

ХАНЖИ ИЗ БОСТОНА



Поток бессмысленной и зачастую непристойной голливудской стряпни беспрепятственно заливает американские экраны, благополучно минуя плотину цензуры. Совершенно иначе ведет себя цензура, когда речь идет о кинокартинах, снятых по произведениям классиков. В этих случаях цензоры вырезают целые сцены, уродуя признанные шедевры мировой литературы. В частности такая судьба постигла в Америке шекспировского «Гамлета». Английская картина, снятая по бессмертной трагедии режиссером Лоуренсом Оливьером, встречена в штыки «блюстителями нравов» в Бостоне, слывущем самым «просвещенным» городом Соединенных Штатов Америки.

Корреспондент агентства Рейтер сообщает из Бостона:

«Цензоры, контролирующие воскресные киносеансы в штате Массачузетс, потребовали ряда «вычеркиваний» из картины Лоуренса Оливьера «Гамлет» (по Шекспиру). Мистер Бернард Мак Лафлин из полицейской инспекции штата протестовал против шекспировских выражений.

Киноцензоры города Бостона разрешили показывать фильм только в будние дни».

Р. МОРАН

Небывалая сенсация

Рисунки И. Семенова

Фельетон

Евгений СЕРГЕЕВ



Эрнест Дж. Пейдж, редактор большой ежедневной газеты «Американ сан», был явно не в духе. Пройдоха Систер — его секретарь и стенографистка — уловила приближение бури с точностью безупречного барометра. Прислушиваясь к рычащему басу своего шефа, она, словно при игре в бридж, мысленно составляла различные комбинации. «Ссора с очередной любовницей? — думала она. — Но в таком случае — на октаву ниже и с большими паузами! Крупные потери на бирже? При этих обстоятельствах — тончайший голосок и без перерыва, словно щенок на морозе... Значит, не иначе, как служебные неприятности», — безапелляционно решила Систер, и рука ее непроизвольно потянулась к телефону.

— Хэлло, Гастон, — пропела она, — вас вызывает шеф.

Систер оглянулась на массивную дверь, осторожно положила трубку и злорадно захихикала. Уж кто-кто, а она умела позабавиться при любой ситуации. Занятно будет посмотреть, как этот противный гордец и насмешник Джон, пытающийся всегда иметь собственное мнение, пулей вылетит из кабинета свирепого Пейджа.

Резкий звонок мгновенно стер с тонких губ Систер ехидную улыбку. Она метнулась от стола, оставляя за собой волну запаха модных духов «Я вся твоя».

— Виски! — прорычал шеф, глядя на Систер с явно выраженным отвращением. — Виски и Вульфа Грэя, провались вы в преисподнюю!

...Когда Грэй — король репортеров и гроза всех девчонок в радиусе 5 миль — вошел своей вихляющей походкой в кабинет Пейджа, бутылка была уже наполовину пуста. Нос Вульфа, который, казалось, всегда жил абсолютно независимо от его обладателя, вздрогнул несколько раз, но вскоре успокоился.

— Наконец-то вы явились, Грэй, — сказал Пейдж, отодвигая от себя сифон с содовой. — Какого чорта вас нужно искать по всему Нью-Йорку? Может быть, решили баллотироваться в губернаторы? — и из-под верхней губы Пейджа показались платиновые клыки.

— В случае успеха я непременно закрою вашу тошнотворную газету, — отпарировал Вульф. — В ней столько же крупных новостей, сколько живых в морге.

— Вот это мужской разговор, — неожиданно обрадовался Пейдж. — Газета без сенсации — самолет без мотора. Она необходима мне, вам, всей редакции, да и не только ей... Не позже чем вчера вечером наш друг Генри Куглас довольно прозрачно намекнул мне, что заводы его фирмы могли бы производить больше. Предложение, видите ли, превышает спрос. Босс от этого сам не свой. И я его понимаю. Но не могу же я открыто рекламировать его знаменитые «Ку-48»!

Пейдж плеснул в стакан виски и подвинул бутылку к Грэю.

— Слушайте, Вульф, — продолжал он после большого глотка, — нужна сенсация. И не какая-нибудь паршивая утка, вроде прокламаций красных на пляжах Калифорнии или убийства неграми сопливой бэби из благородного семейства, а нечто совершенно грандиозное. Дайте мне денька на два, на три настоящую сенсацию, и я переверну мир!

— Вроде летающих дисков, не так ли? — ответил Грэй, и нос его непроизвольно дернулся кверху.

— Вот, вот! — подпрыгнул Пейдж. — Но еще градусов на двадцать покрепче. Думайте, Вульф, думайте! Мы должны помочь Кугласу, нам нужно удвоить тираж. Наконец, вам пора получить пачку акций нашей солидной, беспристрастной и объективной газеты, пропади она пропадом. Как вы на этот счет?

— Откровенность за откровенность, мой шеф, — и нос Грэя как бы описал полукруг. — Я предпочитаю чистоган. Кто-то великий сказал: «Бедняк в удаче — с ним дружат враги»...

— Ну, ну, без нахальства, Вульф, — и Пейдж пододвинул бутылку ближе к себе. — Подумаешь, он брезгует акциями. Можно подумать, что у вас уже есть идея.

— А почему бы и нет? — ухмыльнулся Грэй, разваливаясь в кресле. — Я вынашивал ее долгими, бессонными ночами. Но прежде всего — мои условия. На расходы — 25 тысяч, гонорар — 10 долларов строчка, в случае успешного окончания бума — сувенир. Меня устроит... ну, хотя бы ваш голубой «Крейслер».

— Довольно! — взревел Пейдж. — Либо выкладывайте, в чем дело, либо убирайтесь к дьяволу в зубы. Какая идиотская мысль взбрела в вашу куриную голову? На кладбище не торгуются!

— Значит, мужской разговор продолжается, — проворно ответил Грэй. — Считаю, что сделка совершена. Так вот слушайте, шеф, — и репортер подсел поближе к редактору...

Как ни льнула Систер к двери кабинета, она при всей своей проницательности не уловила смысла дальнейшего разговора, она так и не смогла связать воедино отдельные фразы, вроде: «Логическое завершение... Авторитетная комиссия... Госдепартамент обсуждает... Связь круглые сутки...» Разочарованная вернулась она к своему столу.

Когда Джон Гастон — способный, но презираемый Пейджем в силу своих либеральных убеждений журналист — вошел в приемную редактора, глазам его предстало невиданное зрелище. Волкодав Пейдж не только провожал Грэя до входной двери, но даже — о боги! — обнял его на прощанье. История газеты такого еще не знала. Джон пытался было незаметно скрыться, но редактор во-время оглянулся и величественным жестом подозвал его к себе.

— Вы все еще за большевиков, — сказал он, ухмыляясь. — Скоро все простаки вроде вас раз и навсегда поймут, что это не та лошадка, на которую можно ставить.

— Простите, мистер Пейдж, — возразил Джон, — я неизменно стою только за Америку...

— Хорошо, хорошо, — досадливо поморщился редактор, — все мы за Америку, но, спрашиваю я вас, за какую?

— Вот именно! — живо возразил репортер. — Кто во что верует?

— Я пока твердо убежден в одном, — обрезал Пейдж, — в таких сотрудниках мы не очень нуждаемся. Зарубите это себе на носу, — и редактор проследовал в свой кабинет, а Систер ядовито улыбнулась, глядя на сутулую спину Джона.

Прошло два дня. За это время Грэй успел уверить всех своих коллег в том, что он летит в Абиссинию с визитом к негусу. Вот почему, когда его самолет приземлился на аэродроме во Франкфурте на Майне, столь известного журналиста никто не встречал. Соблюдая особую осторожность, Вульф предъявил дежурному по аэропорту офицеру зональный пропуск на имя коммерсанта Стенли Пэна, быстро выполнил все формальности и растворился в вечерних сумерках, окутавших город.

Миновало еще три дня, и мир был потрясен небывалой вестью, по сравнению с которой все крупнейшие новости, порожденные двадцатым веком, казались жалким лепетом младенца. Нет нужды пояснять, что первой ударила в звонкие колокола сенсации газета Эрнеста Дж. Пейджа. В то незабываемое воскресное утро она вышла двойным тиражом и буквы ее аншлагов напоминали телеграфные столбы, сомкнувшиеся вдруг в плотную шеренгу.

«Железный занавес стал реальным фактом!» — вопил первый огромный заголовок.

«Стальная стена высотою в десять метров выросла вдоль границы Восточной Германии с Бизонией», — дополнял его второй заголовок, чуть поменьше.

Вслед за этим через страницу шло полдюжины зловещих вопросительных знаков, каждый из которых покоился на короткой хлесткой фразе:

«Что замышляют большевики?

Агрессия или полная изоляция?

Как это отразится на нашей стратегии?

Сколько же у них сталеплавильных заводов?

Знал ли об этом Уоллес?

Что предпримет Государственный департамент?»





Заключал первую полосу газеты большой фотоснимок. На фоне высокой гладкой стены стоял Вульф Грэй. Лицо его выражало нечто среднее между тревогой и озабоченностью, правая рука сжимала вечную ручку. Казалось, что он собирается пронзить ею загадочную стену и только желание подробно информировать читателей удерживает его от немедленной атаки.

На следующих полосах огорошенный читатель находил подробный отчет короля репортеров, изобилующий многоточиями, восклицательными и вопросительными знаками, междометиями и прочими атрибутами опытного взломщика человеческого спокойствия. Существо телеграфной повести Грэя сводилось к следующему: соблюдая полную тайну, большевики изготовили в глубине России миллионы толстых стальных плит особой, доселе неизвестной прочности. Благодаря остроумной конфигурации плиты эти соединяются между собой наглухо так же плотно, как и с помощью сварки. Укладка плит вдоль границы началась на днях, и работы идут в таком темпе, что через одну—две недели все будет завершено. Ему, Вульфу Грэю, удалось наблюдать за этой грандиозной операцией на просеке глухого леса, западнее Лейпцига, с помощью сверхмощного бинокля. Ночью, рискуя жизнью, но стремясь быть точным до конца, он, Грэй, подполз к стене, а его спутник — фотограф Булл,— мысленно попрощавшись с этим светом, сделал пару ярких вспышек и сфотографировал сооружение циклопов...

Так начался грандиознейший бум, отмеченный впоследствии в анналах газеты «Америкен сан» как «великая удача Вульфа Грэя». Спустя несколько часов после залпа, данного Пейджем, на улицах всех городов страны появились экстренные выпуски других крупных газет. Стремясь развить и углубить ошеломляющую новость, они, не ограничиваясь перепечаткой сообщения Грэя, сопровождали его блицинтервью, карикатурами, полными пафоса воззваниями к своему правительству, «обязанному наконец пресечь козни большевиков».

Лондонский корреспондент одной из вашингтонских газет умудрился пробраться к старине — «Бульдогу». Размахивая сигарой, величиною с дубинку полицейского, тот заявил, что цивилизованный мир уже в конвульсиях и пора трубить боевой сбор.

Режиссер нашумевшего фильма «Железный занавес», обнаруженный пронырливым репортером в спальне новой «звезды» Голливуда, Мери Кейт, поделился своими планами экстренной постановки. Это будет вторая серия фильма под заголовком «Стальная стена».

— Кульминационная сцена,— заявил кинорежиссер,— рисуется мне так: на фоне серого занавеса сто герлс исполняют воинственный танец живота, а большевики, окружившие их, точат ножи и подкручивают усы.

Глава компании универмагов и монополист в галантерейной промышленности, известный под кличкой «Толстый Стиф», в ответ на телефонный звонок из редакции сказал: «На какую бы стену ни пришлось лезть нашим славным парням, подтяжки моей фирмы выдержат все, а в этом — половина успеха неизбежного похода по ту сторону».

Вечером к мощному газетному хору присоединились многочисленные голоса радиопередачи «Крик предпринимателя». В какие-нибудь четверть часа эфир был забит радиоволнами, как бочка сельдями. Специалист по русскому вопросу Ян Полуянович Семихвостов призывал русских не отгораживаться от всего цивилизованного мира, советовал прорубить в стене дверь для мирных переговоров и, как бы между прочим, рассказывал о новых бронебойных снарядах, испытанных недавно в штате Мичиган. Снаряды эти, по его словам, проходили через двухметровую толщу стали так же легко, как нож сквозь масло.

В соседней студии в это время выступал специалист по немецкому вопросу Отто фон Брамсболь. Его энергичная речь сводилась к доказательству той простой истины, что только те немцы — немцы, а также гуманисты и демократы, кто объединится под славными знаменами Бизонии, где их ждут стабильная валюта и первоклассное оружие для грядущего похода на Восток. Бронебойные же снаряды, проверенные в Мичигане, по словам Брамсболя, пробивают четырехметровую плиту стали и летят еще после этого 120—150 километров.

Наутро прогрессивная газета «Д. К.», что стопроцентными американцами расшифровывалось, как «Дом красных», а безответственными элементами из лагеря Уоллеса,— как «Долой клевету», взяла сенсацию Пейджа—Грэя под сомнение. Она убедительно доказывала нерациональность строительства, якобы предпринятого большевиками, призывала сохранить юмор и осторожнее относиться к различным антисоветским измышлениям. Через несколько часов рослые парни из патриотического союза «Свобода слова прежде всего» наглядно доказали редактору газеты, что есть еще юмор в Америке. Они выбили в окнах редакции все стекла, облили редактора с головы до ног красными чернилами и пронесли его в таком виде по Бродвею на широкой стальной плите.

Глазея на это забавное зрелище, торговцы газетами с еще бóльшим рвением кричали:

— Новые разоблачения Вульфа Грэя! За железной стеной весь день гремит канонада! Авторитетная комиссия подтверждает правдивость информации короля репортеров! Депутат Роджерс требует экстренного созыва конгресса!

В небе в это время кружился над центром города сверкающий дирижабль. С помощью струи черного дыма он искусно выводил гигантские слова: «Кто кушает сэндвичи «Стальная стена», тому нестрашны никакие преграды».

В газете «Америкен сан» в этот день была помещена передовая статья самого Пейджа. Озаглавил ее автор кратко и выразительно: «Пора кончать!» Статья начиналась напоминанием о пророческой речи в Фултоне, затем следовал перечень интриг большевизма и красочно описывалось ангельское долготерпение дяди Сама, и, наконец, пресловутая «стальная стена» поднималась, так сказать, на принципиальную высоту. «Все дело в том,— предостерегал Пейдж,— чтобы в удобную минуту бросить на нас из-за этой непроницаемой ограды 500—600 коммунистических дивизий и мгновенно превратить Старый и Новый Свет в яичный порошок. Вот почему большевики не опровергают сообщение нашей газеты!»

Попытку объяснить появление «стены» желанием Советов обезопасить страну и спокойно заняться развитием своего хозяйства Пейдж с негодованием отвергал. «Если бы это было так,—восклицал он,— достаточно было отменить монополию внешней торговли и пригласить сотню—две концессионеров».

Заканчивалась статья тремя знаменитыми «в» — вооружаться, выступать, вторгаться!

Это было пламенное произведение обеспокоенного, но бесстрашного гражданина. И только очень искушенные люди нашли в ней, равно как и в комментарии известного стратега-генерала интендантской службы в отставке Хейдемара, работающего консультантом у Пейджа, две—три фразы, имеющие своей целью биржевые курсы. За одну из них: «При наличии этой проклятой стены решающую роль, понятно, сыграют наши самолеты» — Пейджа тепло поблагодарил его шеф и рекламодатель авиапромышленник Генри Куглас.

Благодарность эта не была преждевременной: в тот же день курс акций самолетостроительных фирм прыгнул вверх на 8—10 пунктов. На следующие сутки он напоминал ртутный столбик термометра под лучами африканского солнца. Безустали играя на повышение, Куглас одновременно скупал с помощью армии своих агентов акции танкостроительных заводов, ибо владельцы их, так сказать, уткнулись лбами в стальную стену и потеряли на этом сотни миллионов долларов.

Между тем неутомимый и вездесущий Вульф Грэй безустали подливал масло в бушующий огонь сенсации. Днем и ночью гудели телетайпы редакции, выбивая все новые и новые телеграммы. Поток показаний «очевидцев», новых наблюдений и впечатлений, фотографий и зарисовок был настолько могуч и стремителен, что все остальные события в мире отступили на десятый план.

Вполне понятно, что при такой ситуации увольнение Джона Гастона из числа сотрудников «Америкен сан» осталось совершенно незамеченным. Пейдж разделался с ним после того как Джон попытался сунуть в газету заметку о Роджерсе, настаивавшем на созыве конгресса. Вздорный мальчишка хотел высмеять почтенного депутата, вице-председателя стального картеля, и за что? За чисто деловую телеграмму в Москву с предложением поставок стальных плит «франко граница, 65 центов килограмм». Вот к чему приводит этих сосунков неуменье отличить политику от коммерции и неуважение к бизнесу. Редактор махнул своей мощной дланью — и Джона смахнуло, словно комара со щеки.

Какова же была ярость Пейджа, когда спустя три дня этот ублюдок Гастон нанес ему ответный удар на страницах газеты «Д. К.». Видимо, окончательно снюхавшись с красными, Джон вылетел по следам Грэя в Германию и одним уколом булавки выпустил весь воздух из разноцветного шара, надутого королем репортеров.

Телеграмма Джона была озаглавлена одним только словом: «Блеф». В ней сообщалось, что вся деятельность Грэя действительно протекала возле большой стальной стены, но стена эта ограждает... большой американский полигон, где днем и ночью идут испытания различного оружия. В подтверждение этого Гастон передал по бильдаппарату снимок стальной плиты.

К счастью для Пейджа, все до одного его многочисленные коллеги не опубликовали в своих газетах эту идиотскую телеграмму. Просто они мгновенно забыли о «стальной стене» и наутро занялись другой очень важной темой. Дело в том, что газета «Америкен стар», связанная дружескими



узами с королем танков Генри Бэдлом, ошарашила своих читателей новой сенсацией: большевики спешно готовились к броску из Северной Кореи в Южную, и «решающую роль в отражении этой неминуемой атаки, несомненно, должны были сыграть наши танки».

Что до Вульфа Грэя, то он вскоре вернулся на родину и уехал отдыхать в Калифорнию на голубом «Крейслере». Прощаясь с Пейджем, он обещал ему предложить через месяц новую, далеко идущую идею.

Смотр летающих моделей

Фото О. Кнорринга

На широком летнем поле Подольского аэроклуба под Москвой собрались авиамоделисты, съехавшиеся сюда из разных городов страны. Их более трехсот. В воздухе беспрерывный рокот бензиновых моторчиков. А на крыльях тяжелых самолетов и по краям огромного поля тысячи ребятишек. Они сбежались со всех окрестных деревень. Как зачарованные, следят они за полетами моделей.

Тбилисский школьник Парунакян в 1923 году установил первый всесоюзный рекорд. Тогда его модель пролетела девятнадцать с половиной метров. В 1947 году модель, сконструированная москвичом Сергеем Маликом, пролетела 210 километров 620 метров.



Начальник ДОСАВ Герой Советского Союза генерал-лейтенант Н. П. Каманин выступает на слете.

Участник слета М. Васильченко (Москва). Его модель гидро-бензомоторного самолета пролетела 58 километров, что является мировым рекордом. Слева — юный авиамоделист Женя Левинский. ↓

↑ Запуск модели гидро-утки с бензиновым мотором

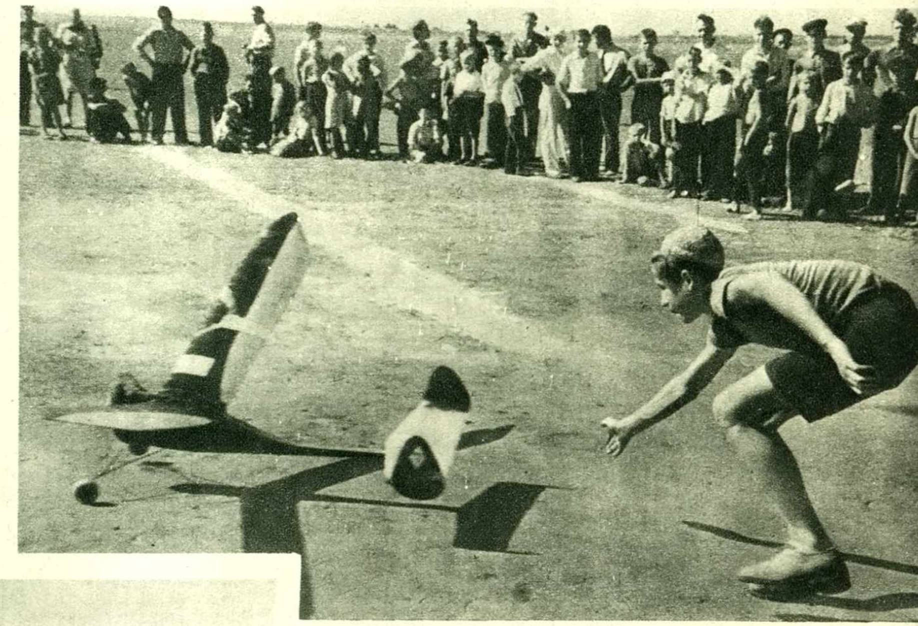
← Вслед за летящей моделью...

Зрители из окрестных деревень. ↓







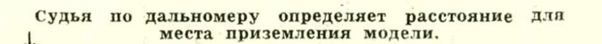


↑ На командном пункте. Начальник летной части самолетов сопровождения капитан-инженер А. Г. Паняев (справа) говорит по радио с самолетом, сопровождающим модель в воздухе. Рядом моделисты Харри Аарэлайд и Эдуард Щекатурин.

Запуск гидромодели с резиновым мотором.

Одна из моделей Георгия Любушкина продержалась в воздухе более трех часов, другая — поднялась на высоту более 4 тысяч метров.

В нынешнем году впервые на сборе были представлены и модели с реактивными двигателями. Подобных достижений нет у зарубежных моделистов.



Судья по дальномеру определяет расстояние для места приземления модели.
↓

Суворовцы-моделисты Володя Вознюк, Толя Шабанов и Герман Гаврилов (Сталинград). ↑

Запуск модели с бензомотором.

Нигде в мире авиамоделизм не развивался так стремительно и успешно, как в нашей стране. Сейчас авиамодельным спортом занимается около полумиллиона юношей. Из их среды выросло много смелых летчиков, талантливых конструкторов. И кто знает, сколько новых Яковлевых и Покрышкиных даст нам эта армия любителей авиамодельного спорта!

Бывший моделист Герой Советского Союза летчик капитан В. А. Карпов и юный моделист Володя Мирошниченко.
↓





Три романа И. Гончарова

В однотомник Гончарова, выпущенный Гослитиздатом, вошли три произведения, составляющие важнейшую часть всего литературного наследия писателя: «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв».

Хотя романы эти не связаны между собою сюжетно и в каждом из них ставилась и решалась художником своя особая задача, сам он рассматривал их как части одного большого эпического полотна, как отдельные томы трилогии, посвященной изображению дореформенной России. «В сущности,— указывал Гончаров,— это одно огромное здание, одно зеркало, где в миниатюре отразились три эпохи старой жизни...»

Медленно возводилось это здание. Каждый из романов отделен от другого десятью годами.

«Обыкновенная история» была одним из первых русских романов, в котором освещались социально-психологические темы. Современная критика приветствовала блестящий опыт молодого писателя как лучшее достижение реалистической прозы со времени появления «Мертвых душ».

Белинский, которому Гончаров прочитал свой роман еще до напечатания, был в восторге от него. В одном из писем великий критик так характеризовал «Обыкновенную историю»: «Повесть Гончарова произвела в Питере фурор... успех неслыханный... Действительно, талант замечательный. Мне кажется, что его особенность заключается в совершенном отсутствии литературщины... читая его, думаешь, что не читаешь, а слушаешь мастерской изустный рассказ. А какую пользу принесет повесть обществу! Какой она страшный удар романтизму, мечтательности, сентиментальности и провинциализму».

Ко времени выхода в свет «Обыкновенной истории» Гончаров уже работал над отдельными частями своего второго романа, «Обломов».

Когда в 1849 году в «Литературном сборнике» Некрасова был напечатан эпизод из этого романа, озаглавленный «Сон Обломова», то в «Современнике» о нем писали как о произведении великолепном в художественном отношении, полном жизненной правды и силы. И хотя до конца романа было еще очень далеко, уже в этом отрывке Гончаров с исключительным мастерством показал социальную среду, воспитавшую и сформировавшую главного героя его романа. С необыкновенной детальностью и художнической зоркостью рисовал он патриархальную русскую усадьбу 20—30-х годов прошлого века, застойное существование ее обитателей, их коренные свойства, привычки и представления.

Изображением безмятежного прозябания Обломовки и обломовцев писатель давал ключ «к разгадке многих явлений тогдашней русской жизни» (Добролюбов) и выносил тем самым приговор всему социальному укладу самодержавно - крепостнической России.

Лишь спустя десять лет после опубликования «Сна Обломова» появился весь роман в целом. Успех его превзошел все ожидания.

«Обломов»,— сообщал Гончаров в письме Льховскому,—произвел такое действие, какого ни вы, ни я не ожидали. Добролюбов написал в «Современнике» отличную статью, где очень полно и широко разобрал обломовщину...»

Раскрывая общественно-политический смысл эпопеи, Добролюбов отмечал, что «в ней сказалось новое слово нашего общественного развития, произнесенное ярко и твердо, без отчаяния и без ребяческих надежд, но с полным сознанием истины».

«Обломов» остался капитальнейшим произведением Гончарова.

Последний роман его — «Обрыв» — вышел в свет в 1869 году. В нем, говоря словами автора, отразились «состояние брожения, борьба старого с новым», столкновение людей патриархального склада с представителями молодого поколения, которые утратили «веру в старую правду, сомневаются в ней, напряженно ищут выхода».

Роман вышел из-под пера Гончарова не совсем таким, каким он рисовался писателю первоначально. По свидетельству самого автора, в первом задуманном варианте романа «Вера, увлеченная героем, следует после на его призыв за ним, бросив свое гнездо, пробирается через всю Сибирь к нему... Вместо нигилиста Волохова, каким он вышел в печати,— указывал Гончаров,— у меня тогда был намечен в романе сосланный под надзор полиции, по неблагонадежности, вольнодумец...»

Изменения, какие претерпел затем первоначальный вариант, значительно ослабили общественный смысл романа. Образ Марка Волохова вышел искаженным и был истолкован передовой критикой, как клевета на революционную молодежь. Неудача постигла автора не только в изображении Марка Волохова. Ряд других персонажей романа — и прежде всего противопоставленный Волохову Тушин — вышли бледными, схематичными.

Однако при всех этих недостатках роман остается ярким образцом классической прозы второй половины прошлого века.

Н. БОГОСЛОВСКИЙ

И. А. Гончаров. Избранные произведения. Под редакцией Н. К. Пиксанова и А. Г. Цейтлина. Гослитиздат. 1948. 742 стр. Цена 24 руб. Тираж 100 000.

«Королевская кровь»

Сколько бы мы ни слышали и ни читали о расовой дискриминации в Соединенных Штатах, нам, советским людям, очень трудно представить себе реально ее уродливую сущность. И, читая новый роман Синклера Льюиса, в котором рассказана горестная история человека, ставшего объектом злобной травли только потому, что один из его отдаленных предков оказался негром, беспрестанно ловишь себя на мысли: «Неужели это возможно? Неужели такие вещи происходят сейчас, когда мир ценой величайших усилий и жертв покончил с главным очагом нацистской заразы?»

Однако у нас нет никаких оснований не верить Синклеру Льюису. Мы читали немало его романов и знаем, что среди них наряду с сатирическими были и такие, в которых он склонен был видеть окружающую его действительность скорее в розовых, чем в мрачных тонах. И если его книга проникнута гневом и горечью, значит, у писателя было для этого больше чем достаточно оснований. Пестро размалеванные «демократические» декорации не помешали ему увидеть и показать, что узаконенный в Америке режим национального угнетения есть одно из проявлений фашизма и что от железнодорожных вагонов «только для белых» и «судов линча» не так уж далеко до Освенцима и Треблинки.

Следуя за героем «Королевской крови» Нийлом Кингсбладом по тернистому пути, на который он добровольно вступил, мы устанавливаем это с полной очевидностью.

Его историю можно рассказать в двух словах.

Это — ничем не примечательный американец, побывавший на войне и вернувшийся в родной город, к жене и дочери, чтобы скоротать свой век в уютном маленьком доме, преуспевая на службе, не задумываясь над социальными проблемами, ни с кем не враждуя и, в сущности, ни к чему не стремясь. Катастрофа вторгается в его жизнь внезапно и застает его совершенно неподготовленным. Он никогда не задумывался над тем, как живут его «цветные» сограждане и каким непроходимым барьером они отделены от тех, которые именуют себя «белыми». И когда в результате чистой случайности он узнает, что сам он «цветной»,— протест возникает в нем совершенно стихийно. Потеряв работу, изгнанный из привычной среды, он превращается в яростного врага той самой системы, которая еще так недавно не вызывала в нем никаких протестов.

Нельзя сказать, что Синклер Льюис дает в своем романе исчерпывающий и глубокий анализ причин, порождающих в Соединенных Штатах расизм. Он не объясняет — он только свидетельствует. Но в его романе так верно и резко изображены тупые, дикие и злобные обыватели, ополчившиеся против Нийла Кингсблада, так убедительно показаны их мысли, слова и дела, что выводы напрашиваются сами собой. Читателю ясно: эти люди и их ненависть к неграм, причины которой неясны им самим, порождены системой, их воспитавшей. И трагедия здесь не только в том, что многие из этих людей уже отравлены расистским ядом и склонны считать себя солью земли по одному тому, что среди их предков не было негров или китайцев, а в том, что условия, в которых все они живут, делают их до крайности восприимчивыми к этому яду.

Однако, повторяем, все эти выводы читателю приходится делать самому, потому что в романе они отсутствуют. Нийл Кингсблад на том жизненном этапе, который изображен Синклером Льюисом, ведет не наступательную, а оборонительную борьбу. Он лишь отстаивает свое право на существование, защищает себя и своих близких от произвола и насилия, еще далекий от сознания, как закономерна вражда между ним и его противниками и как далеко ему предстоит зайти в борьбе против них. Но на жизненном перекрестке, где автор расстается со своим героем, тот не может избрать другой дороги, кроме открытой борьбы с режимом, сделавшим его, ветерана второй мировой войны, отверженным и бесправным.

Характерно, что «Королевская кровь», вышедшая в Америке в 1947 году, сразу же была встречена в штыки эстетствующими американскими критиками. По мнению этих защитников «чистого искусства», роман неинтересен, неизобретателен, бледен и свидетельствует о том, что автор его «исписался».

Достаточно вспомнить творческий путь Синклера Льюиса, чтобы понять, какая это глупая ложь. Взволнованные страницы его новой книги,— пожалуй, самое сильное из того, что написано им. Если же эта книга (впрочем, как и «Гидеон Плениш») и отличается от ранних романов Синклера Льюиса, с которыми сравнивают ее некоторые американские критики, то только тем, что она правдивее, смелее и резче. А эти свойства никогда не умаляли достоинств литературного произведения. Что же касается внешней занимательности, которую так высоко ценят нынешние противники Синклера Льюиса, то она нисколько не пострадала в новом его романе.

Что ни говори, а жизнь всегда интереснее вымысла. И рассказ о том, как рыжеволосый и белолицый банковский служащий, благонамеренный житель маленького американского городка, роясь в старых документах, обнаружил, что один из его предков был негр, как он не счел для себя возможным умолчать об этом своем открытии, какие ужасающие последствия для него и для его семьи это повлекло за собой, как в этих испытаниях он утратил старых друзей и обрел новых и как он вместе с ними отважно ринулся в борьбу против целого города,— этот рассказ, при всей своей безыскусственности, чрезвычайно увлекателен.

И тысячу раз прав Говард Фаст, который писал о «Королевской крови»:

«К чорту тех, кто говорит, что роман написан плохо! Когда человек хочет срубить дерево, он берет в руки не перочинный нож, а топор и замахивается не пальцами, а всей рукой, с плеча. Покажите мне другого американского писателя, который умеет пользоваться сатирой с такой уничтожающей силой, как Льюис».

Г. МУНБЛИТ

Синклер Льюис «Королевская кровь». Роман. Перевод с английского М. Абкиной. «Новый мир» №№ 4, 5 и 7 за 1948 год.

НА ВЫСТАВКЕ Н. Н. ХОХРЯКОВА

Незадолго до войны вышли в свет воспоминания известного русского художника А. Рылова. Значительное место отведено в них образу Николая Николаевича Хохрякова, любимого ученика И. Шишкина.

Из этих воспоминаний встает перед нами образ скромного русского мастера, постоянно жившего в городе Вятке (ныне — Киров). Отмеченный незаурядным талантом, трудолюбивый, прекрасно владевший кистью и в особенности карандашом, Хохряков широко известен у себя на родине. Стены Кировского художественного музея увешаны его произведениями.

В Москве и в других городах Хохрякова знают мало. Разве что по картине «Пасмурный день», принадлежащей Государственной Третьяковской галлерее.

Н. Н. Хохряков родился в 1857 году. Умер он двадцать лет назад. Недавно в выставочных залах Союза советских художников СССР открылась выставка его произведений.

Живопись и рисунки Хохрякова полны особой гармонической красоты. А. Рылов чудесно понял Николая Николаевича. Вот как он отзывался о его работах:

«...Смотрю его картины — содержание их такое: комната, в открытое окно лезет ветка яблони, вся в цвету; то же окно уже с зреющими яблоками, а вот окно затянуто морозными узорами или вид из другого окна — за забором видна идущая в гору улица с полукаменными домами, кривыми заборами и колокольней. Этот вид зимою или летом, или садик осенью, когда все желто. А вот «Октябрь»: листья облетели, березы оголились. Очень хорошая картина...»

Когда осматриваешь выставку произведений Н. Н. Хохрякова, вспоминаются слова А. И. Куинджи: «Это второй Федор Васильев».



Н. Н. Хохряков. «Тишина».

ФИЛЬМ О ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ АКТЕРЕ

Фото Н. Боханова



М. М. Тарханов в роли Собакевича, о котором он говорит: «Тяжелый, большой, ну как медведь, и глаз у него какой-то необыкновенный, как сквозь призму».



Градоначальник Градобоев («Горячее сердце»): «У! Сколько законов у нас... спаси и помилуй... много».

Незадолго до смерти Михаил Михайлович Тарханов говорил, что он счастлив от сознания того, что он передает свой огромный опыт молодому поколению советских актеров. Он мечтал о новых, разнообразных формах творческого воспитания молодежи. Он отдавал много времени и сил своим ученикам, стремясь раскрыть им все «секреты» своего великолепного мастерства.

Прошло то время, когда искусство актера было недолговечно и воспоминания об ушедшем актере сохранялись только в памяти современников и в немногочисленных, не всегда точных описаниях мемуаристов и театроведов.

Советская кинематография намерена сделать искусство выдающихся театральных деятелей бессмертным.

Начало этому положено фильмом «Мастера МХАТ». Два года назад зрители видели на экране И. М. Москвина в роли царя Федора («Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого) и В. И. Качалова в роли барона («На дне» М. Горького) в спектаклях Художественного театра.

Второй фильм этого цикла — «Искусство актера» («Три роли народного артиста СССР Михаила Михайловича Тарханова») — вышел в свет после смерти Тарханова и увековечил его искусство.

М. М. Тарханов был подлинно народным артистом, замечательным художником, выдающимся педагогом, крупным общественным деятелем. Он показан в фильме ярко и разнообразно.

Тарханов навсегда останется в памяти зрителей не только как виртуозный мастер сцены, не только как актер необычайной глубины чувств и мыслей. Он прежде всего русский художник, его искусство национально и потому общечеловечно. Он был мудр в своем замечательном творчестве, поэтому его образы реальны, конкретны и в то же время обобщены до философской высоты.

На экране ученица Тарханова, молодая актриса Чувашского театра. В руках у нее фото любимого учителя с надписью: «Быть сегодня актрисой—большая цель. Горячие сердца Зои Космодемьянской и ей подобных куда сложнее и поэтичней «горячих сердец» героинь Островского. Тарханов».

Чувашский театр возник из студии Государственного института театрального искусства (ГИТИС) — студии, воспитанной М. М. Тархановым. Фильм как бы инсценирует урок студии. Тарханов беседует с учениками и на отрывках из собственных ролей анализирует творческий процесс актера.

— Это не так просто,— говорит он ученикам,— объяснить труд и работу, которая заключается в мастерстве актера. Ведь оно кажется таким легким, доступным. Но если в самом деле было бы все просто, что же... появилось бы очень много книг о том, как стать или сделаться актером, да еще хорошим,— и вдруг он сокрушенно добавляет:—Я считаю, что это... все это очень трудно. Очень трудно.

Тарханов рассказывает о своей работе с К. С. Станиславским над образом градоначальника Градобоева в пьесе А. Н. Островского «Горячее сердце». Мы видим на экране, как артист пробует различные гримы, разные парики. Идет «примерка к образу», поиски единственно верного, единственно возможного решения.

И вот Градобоев готов.

На экране сцена из 1-го акта «Горячего сердца». И не только те счастливцы, которым довелось видеть Тарханова в мхатовском спектакле,— теперь все могут посмотреть того самого Градобоева, которого написал Островский. Тарханов изображает Градобоева тучным, грязным, страшным в своей обыденности стариком, который «неизвестно о чем думает». Это вполне реальный образ ненавистного «темного царства».

«Мне очень хотелось сыграть Собакевича («Мертвые души»), этого медведя средней величины,—говорит Тарханов,— и я начал вспоминать, как медведь ведет себя в разных случаях...»

На экране Собакевич — М. М. Тарханов и Чичиков — В. О. Топорков. Сцена торга. Киноаппарат помогает зрителю увидеть еще больше, чем он видит в спектакле театра. Вот крупным планом показаны цепкие, неуклюжие и вороватые руки Собакевича, вот его огромная, нелепая нога, отдавившая щегольски обутую ногу Чичикова. Вот на первом плане этот «медведь средней величины; один глаз, обращенный к собеседнику, спит, а другой — сторожит».



Булочник Семенов («В людях» по М. Горькому): — Спросит меня сам господь бог: «Василий Семенович, сейчас же говорите, в чем вы грешны?»



— Михаил Михайлович, а какая у вас самая любимая роль?
— Самая любимая? Очень трудно сказать. Я в своей жизни сыграл 850 ролей.

Одна из любимых ролей Тарханова — булочник Семенов из повести М. Горького «В людях».

— В пристальном наблюдении за жизнью,— говорит М. Тарханов,— в глубоком проникновении в обстановку того лица, которое так ярко описано Горьким, мне удалось разглядеть особенность этого горьковского героя и так верно, что Алексей Максимович, посмотрев на меня в этой роли, спросил:

— Вы были знакомы с ним?

— Нет!

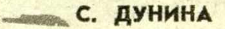
— А он был именно такой, только рубаха у него была подлиннее.

Дело, начатое сценаристом С. Владимирским и режиссером В. Юреневым, нужно продолжить, регулярно создавая фильмы о лучших мастерах советского театра — драмы, оперы, балета. С каким огромным интересом зритель встретит фильмы, посвященные замечательным артистам советского театра!

В конце фильма зритель видит стоящего на трибуне депутата Московского Совета М. М. Тарханова и слышит его слова:

«Мы живем в счастливой стране, где созданы все условия для свободного развития сил, способностей и талантов нашего народа. И я испытываю громаднейшее чувство благодарности нашей партии за то, что она и науку и искусство сделала достоянием всего народа!»

Навеки будут сохранены на экране образ и творчество Михаила Михайловича Тарханова — актера, педагога, патриота Советской страны.

 С. ДУНИНА

Первое знакомство

С. ОРЛОВ

Фото А. Гладштейна

Выступая с творческим отчетом перед общественностью советской столицы, месяц провел в Москве Киевский театр русской драмы, носящий имя Леси Украинки — классика украинской литературы.

Театр этот особенно вырос за последнее десятилетие, связанное с художественным руководством ученика Станиславского К. Хохлова.

В Москве театр показал только некоторые из своих постановок. Не все они были одинаково приняты зрителем. Трактовка «Каменного властелина», поэтической драмы Леси Украинки, вызвала существенные возражения критики. Дробность и расплывчатость инсценировки романа А. Толстого «Хождение по мукам» исказили не только содержание, но и высокую идейную направленность этого выдающегося произведения. Из современных пьес наибольший успех имел «Закон чести» А. Штейна, из классических — «Живой труп» Льва Толстого.

Киевский театр — это прежде всего театр актера.

Гастрольный репертуар не дал возможности проявить себя популярному на Украине С. Петрову, и только в эпизодических ролях пришлось увидеть острого в своей характерности В. Халатова.

В «Доходном месте» М. Белоусов был Жадовым, подлинно молодым и наивным, и это многое объяснило в сложном характере героя одной из наиболее жестоких в обличении «темного царства» комедий Островского.

Сценическая тема, наиболее удающаяся О. Смирновой,— нравственная чистота ее юных героинь. Такова Даша в «Хождении по мукам», такова Лиза в «Детях солнца» Горького. М. Стрелкову многие из зрителей помнят по кинофильмам. Это она скиталась по морям в «Детях капитана Гранта», это над ее приключениями смеялись в «Веселых ребятах». Из исполненных ролей удалась ей Лиза Протасова в «Живом трупе». Хороша актриса и в роли жены профессора Добротворского в «Законе чести».

Случается, что актер становится прокурором либо адвокатом своих образов. Ю. Лавров стремится защищать своих героев даже тогда, когда они этого не заслуживают. Так, в «Законе чести» Лавров слишком поспешно амнистирует политического слепца профессора Добротворского, недостаточно выделяя то нравственно-преступное, что было в его поведении.

В лице М. Высоцкого театр имеет комедийного актера умных характеристик, сочных деталей.

* * *

Успех Киевского театра в Москве тесно связан с успехом ведущего его актера М. Романова. Из семи показанных театром пьес он выступил в шести. До Киева Романов служил в Ленинграде, в Академической драме — бывшем Александринском театре. В Киеве он играет двенадцать лет. За немногими, вероятно, исключениями московские театралы его не знали.

Уже в «Каменном властелине», которым киевляне открыли гастроли, привлек он внимание благородством сценической манеры, скупостью рисунка, творческой целеустремленностью.

— Крепкий актер,— говорили о Романове зрители.

В «Законе чести» на сцену вышел академик Верейский — человек уже старый, но волевой, предельно уверенный в своей силе, в своей правде, в том, что он говорит и что делает. И сразу же то, о чем он говорил, и то, что он делал, стало необыкновенно важным. Хотелось быть ближе к этому человеку потому, что, как это бывает в большом театральном искусстве, уже не актер Романов, а только Верейский был перед нами.

С трибуны общественного суда Верейский обвиняет друга своего, профессора Добротворского, за то, что тот нарушил святой закон чести советского человека, за то, что тот низменно поклонялся чужеземцам, что дал себя оплести врагам своего народа, клятым врагам светлого будущего человечества — хищникам по воспитанию, грабителям по убеждению. Именем великих русских ученых, обокраденных иностранцами, Верейский произносил беспощадный приговор предателям советской гордости, советской чести.

И тут какая-то особая атмосфера создалась в зале Малого театра. Атмосфера эта перерастала восприятие обычного спектакля: чувствовалось, что Верейский говорит от имени миллионов, что это от нашего имени он обвиняет.

Да, это весь наш народ обкрадывали в течение веков алчные соседи.

Зал неистово рукоплескал Верейскому-Романову за то, что он сказал правду, за то, что ударил по холеным щекам врага, что называется «во весь румянец лица».

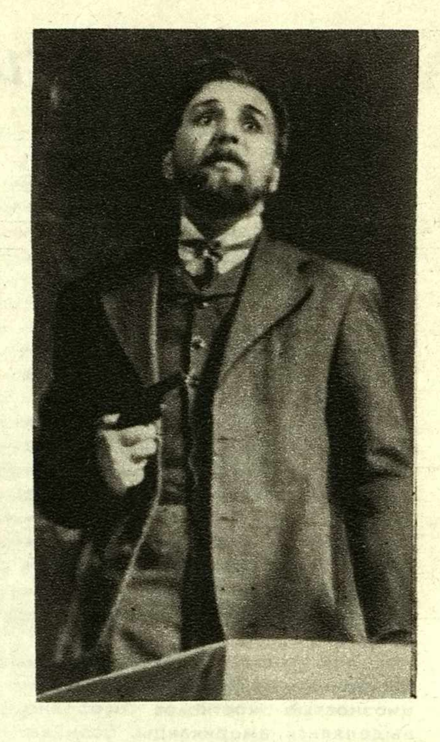
После постановки «Закона чести» стало ясно: Романов — больше чем «крепкий актер»,— это актер насквозь современный, актер с широким политическим кругозором.

Михаил Федорович Романов рассказывает о своей жизни.

В театр он явился из самодеятельного кружка ленинградского завода. Юношей-добровольцем пошел в Красную Армию бить Юденича.

— Хотел стать военным, человеком с ружьем, а вот стал им только на сцене в иных спектаклях,— поясняет он со своей обычной, чуть тронутой застенчивостью улыбкой.— Мои учителя? Ю. М. Юрьев, с которым я играл в Александринском и многому от него научился. Потом И. Н. Певцов. Он объяснил мне не только, как надо играть, но и как надо жить, чтобы иметь право носить звание актера. Певцов учил меня тому, что на сцену нужно идти, как на подвиг. «Актер должен иметь свое душевное накопление,—говорил мне Певцов.— Не будет такого накопления, то есть богатства идей, наблюдений, жизненных знаний,— наступят душевная опустошенность, духовное банкротство актера». Кем я был в начале своего пути? Средненьким исполнителем бездумных комедийных ролей. И остался бы я таким навсегда, если бы партийность нашего искусства не привела меня к сознанию того, что без мысли, без уменья всесторонне анализировать характер, без философского обобщения нет и быть не может правдивого сценического образа. Вы спрашиваете, какова моя любимая роль? Скажу: я ищу роли, где я могу слушать мысли, ощутить биение сердца моего современника, хочу говорить о его счастье, о его победах, хочу жить на сцене среди той светлой радости, которой дышит моя страна.

«Каменный властелин» Леси Украинки в постановке Киевского театра русской драмы. Донна Анна — заслуженная артистка УССР М. Стрелкова, Командор — народный артист УССР М. Романов.



Сцена из второго действия пьесы Л. Толстого «Живой труп». В роли Феди Протасова — народный артист УССР М. Романов.



Сцена из первого действия пьесы А. Штейна «Закон чести». Слева — народный артист УССР Ю. Лавров в роли профессора Добротворского, справа — М. Романов в роли академика Верейского.



М. Романов в роли Павла Протасова из пьесы М. Горького «Дети солнца».

На кинофестивале в Чехословакии

За последние годы международные кинофестивали стали традицией в Западной Европе. Обычно они организуются на модных курортах, и главная их цель — привлечь туда как можно больше богатых туристов.

На фестивале происходят торговые сделки по картинам, а премии создают нужную рекламу.

Кинофестиваль в Марианских Лазнях был непохож на обычные фестивали, хотя внешне все как бы предвещало традиционную киновыставку. Этот фестиваль тоже проходил в одном из лучших курортов Европы. Ему предшествовала большая реклама; гостиницы приготовились к приему туристов.

Среди празднично одетой толпы приезжих яркостью и претенциозностью костюмов особенно выделялись американцы. Если вы встречали мужчину, у которого на чудовищно ярком галстуке написаны названия разных городов мира или на рубашке изображены женские головки или доллары, вы безошибочно могли узнать в нем американца.

Однако первое же решение комитета фестиваля показало ошибочность внешних впечатлений.

Фестиваль проводился под лозунгом «За нового, лучшего человека, за лучшее человеческое общество!» Исходя из этого лозунга, жюри фестиваля, которое, кстати сказать, тоже вопреки традиции состояло только из чешских кинематографистов, провело предварительный отбор фильмов. Тут-то и произошло первое поражение американской и европейской буржуазной кинематографии. Из массы доставленных ею фильмов большинство было отвергнуто жюри. Эти картины, представляющие «энциклопедию преступлений и эротики», не имели ничего общего с лозунгом фестиваля.

Но даже и те фильмы, что были пропущены на фестиваль, изобиловали убийствами, патологическими извращениями и проявлениями низменных страстей. На экране беспрерывно мелькали обезумевшие глаза, потные лица, дрожащие руки, ножи, револьверы, бутылки с ядами и предельно обнаженные люди. В этом садистском безумии выстрел в сердце считается, видимо, слишком легким видом смерти. Стреляют главным образом в живот. И после этого очередная жертва мучительно долго умирает.

Участники фестиваля и зрители справедливо отвергли эти фильмы ужаса и морального разложения.

Отличительной особенностью этого фестиваля было установление двух принципиальных политических премий: «премии Мира» и «премии Труда». Из самого названия ясно, как далеки были патологические с формалистскими вывихами фильмы буржуазных фирм от критериев, выдвинутых жюри. И хотя представитель американского кино, выступивший с поражающей развязностью и высокомерием, декларировал, что «от Нью-Йорка до Праги очень близко», и всячески предлагал «деловое сотрудничество» и «обмен идеалами», исход фестиваля убедительно показал, как чуждо современной Чехословакии буржуазное эрзацискусство.



Город Злин, где происходил первый Международный кинофестиваль трудящихся. На переднем плане — памятник бойцам Советской Армии.

Во второй половине июля в Чехословакии проходили два фестиваля. В курортном городе Марианские Лазни в честь 50-летия чехословацкого фильма был организован третий Международный кинофестиваль. В рабочем городе Злине был устроен первый Международный кинофестиваль трудящихся.

На обоих кинофестивалях присутствовала советская делегация. В нее входили: народные артисты СССР И. Пырьев и Н. Черкасов, заслуженный деятель искусств М. Ромм, заслуженные артисты республики М. Ладынина и О. Жаков.

Советской кинематографии присуждены на фестивале в Марианских Лазнях две из трех главных равноценных премий: «премия Мира» за фильм «Русский вопрос» и «премия Труда» — за фильм «Сказание о земле Сибирской».

Кроме двух основных советской кинематографией получены еще четыре международных премии.

Оптимистические, жизнеутверждающие, политически острые, зовущие к труду, творчеству и борьбе за лучшие идеалы, фильмы советских художников встречали восторженный прием зрителей молодой Чехословакии, представителей новой демократии.

На просмотрах фильмов «Песнь тайги» (так называлась там картина «Сказание о земле Сибирской»), «Русский вопрос», «Третий удар», «Пирогов», «Жизнь в цитадели» зал фестивального кинотеатра был переполнен.

Одну из трех главных премий, «Хрустальный глобус», получила польская картина «Освенцим». Вся пресса отмечала бесспорное влияние советского киноискусства на это сильное и волнующее произведение. И действительно, фильм «Освенцим» является примером плодотворного творческого содружества двух киноискусств: режиссер Ванда Якубовская приезжала со своим сценарием в Москву, советовалась здесь с нашими киноработниками; снимал картину советский оператор Б. Монастырский, в картине играют два советских актера.

На путь народного реалистического искусства стала и венгерская кинематография.

На кинофестивале была показана новая чехословацкая картина «Белая тьма» режиссера Чапа. В этом фильме, удостоенном национальной премии, рассказывается о боевой дружбе народов Чехословакии и СССР. Одну из главных ролей в фильме исполняет советский артист Б. Андреев.

Огромное впечатление произвел на меня фестиваль трудящихся в Злине.

Злин — это крупный промышленный центр, где расположены фабрики «Батя». Около 60 тысяч жителей Злина так или иначе связано с этим огромным национализированным предприятием. Для просмотров картин был использован естественный горный амфитеатр, окружающий город. Двадцать тысяч рабочих, крестьян, учащейся молодежи заполняли этот своеобразный летний кинотеатр. Интерес к фестивалю был так велик, что люди приходили за десятки километров, привозили с собой детей в колясках, приносили одеяла, пищу и, расположившись на земле, ждали демонстрации картин. Фильмы показывались на огромном экране.

Сильный свет прожекторов освещал портреты товарища Сталина и президента Чехословацкой республики Клемента Готвальда, здания города и лес, окружающий этот горный амфитеатр. По радио передавались народные песни.

Реакция зрителей была точна и убедительна. Английский фильм «Сам себе палач» был жестоко освистан, а жюри фестиваля, которое состояло из 260 представителей заводов, шахт, городов и деревень, потребовало запрещения этого фильма. Когда же шли советские картины, то рукоплескания двадцатитысячного «зала» бесконечно прерывали просмотр.

Вначале буржуазные делегации, приехавшие в Марианские Лазни, относились к злинскому фестивалю без большого интереса. Но затем это мероприятие приняло такой размах и приобрело такое политическое звучание, что в Злин переехали представители дипломатического мира, делегации, журналисты и фоторепортеры.

И в Злине советская кинематография одержала блестящую победу: из четырех премий три были присуждены советским картинам «Сказание о земле Сибирской», «Русский вопрос» и «Третий удар».

Лично мне выпала большая честь получить впервые установленную награду — «Золотую медаль фестиваля трудящихся Чехословакии». С благодарностью принял я эту почетную награду, присужденную мне трудящимися города Злина за, как это было сформулировано жюри фестиваля, политическую режиссуру. Этой высокой оценки удостоились фильмы «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Человек № 217» и «Русский вопрос».

Таковы радостные итоги для нас, представителей советского киноискусства.

М. РОММ



Советская делегация на кинофестивале в Марианских Лазнях: И. Пырьев, О. Жаков, М. Ромм, М. Ладынина и Н. Черкасов.



Тульская традиция

Вс. ДАЙРЕДЖИЕВ,
мастер спорта

Издавна славится Тула своими велосипедистами, выросшими на первом в России треке.

Пятьдесят один год назад на месте теперешнего красавца-трека была узкая бетонная дорожка с низкими виражами. Вместо просторных трибун стояла неудобная и маловместительная двухэтажная беседка. Но уже тогда начинала зарождаться слава целой плеяды первоклассных спортсменов. Из поколения в поколение здесь передавалась любовь к велосипедному спорту. Не раз приезжали сюда иностранцы в погоне за легкими победами и терпели сокрушительные поражения.

За пятьдесят лет своего существования этот лучший велосипедный стадион страны видел всех русских светил — от москвича Бутылкина и одессита Уточкина до Игоря Ипполитова и Вениамина Батаена. И поныне туляки — Зоя Дьяконова и Михаил Пушкин — с честью отстаивают полувековую спортивную славу своего города.

* * *

За три недели до первенства СССР здесь собрались все сильнейшие велосипедисты страны.

Сверху трек похож на огромное блюдо. Днем от бетонных дорожек несло нестерпимым жаром, и поэтому тренировки проводились перед вечером.

Тульские болельщики, от стариков, помнящих выступления на треке знаменитого Уточкина, до десятилетних мальчишек, все свободное время проводили на трибунах.

Новичку, впервые попавшему на трек во время тренировки, трудно разобраться в происходящем. Велосипедисты носятся по кругу в несколько рядов, то и дело обгоняя друг друга. Одни идут в равномерном темпе, другие делают броски, и все это сливается в сплошную движущуюся массу, будто перед глазами кружится трехрядная карусель.

Но опытный глаз многолетнего болельщика сразу выхватывает из этого «перпетуум мобиле» самое яркое, захватывающее — то, ради чего он пришел сюда.

На трибунах ни на секунду не умолкают споры.

— Ну, этот только в будний день силен. В праздник его не увидишь,— говорит о комто один из стариков.

Терминология этих зрителей и тонкое знание характерных черт любого из мастеров настолько точны, что может показаться, будто перед вами опытные тренеры по велосипеду. Вот на треке появляются грузный и всегда удивительно спокойный минчанин Борис Большаков и атлетически сложенный, с тонкой талией и широкими плечами, общий любимец Игорь Ипполитов. Внимание болельщиков приковывается к ним. У всех в памяти прошлогодний заезд в полуфинале первенства СССР, когда Ипполитов едва не был выведен из борьбы этим «шоссейником» Большаковым, вдруг переродившимся в спринтера.

Зрители уже успели заметить, что Игорь не пропускает ни одного броска Большакова.

— Хитер Игорь, сразу двух зайцев убивает! Бориса испытывает и себя приучает к затяжному финишу на колесе!

— Еще бы! Большаков в резвости Батаену чуть уступает.

Несколько кругов, разогреваясь, Большаков и Ипполитов проезжают спокойно, будто накапливая силы, но каждый раз, когда группа подходит к отметке «200 метров», трибуны замолкают: там ждут броска, чтобы поймать на секундомер время гонщиков.

Большаков внезапно резко уходит на вираж и оттуда, встав с седла, во всю мочь бурно несется вниз, вдоль красной линии. Ипполитов плотно на колесе, словно на буксире, проносится по прямой и виражу и при выходе на финишную прямую пытается обойти лидера. Но так и приходит на колесо сзади.

— Вот тебе и на! — зашумели сразу несколько голосов.— Вот тебе и шоссейник! Игорек-то ничего не смог сделать. Сколько они прошли-то?

— У меня двенадцать и пять!

— Двенадцать и шесть!

— Здорово!

И сразу зажужжали, как пчелы в улье, одни, потирая от удовольствия руки, предсказывая победу малоизвестному на треке «шоссейнику», другие заявляя, что Батаен все равно свое возьмет. И когда на треке появляется Батаен, болельщики, вытянув шеи, подаются вперед, как пехотинцы из окопов, следящие за воздушным боем. Стрелки секундомеров, вздрагивая, бегут по циферблатам.

Только один секундомер остался безучастным. Этот старый секундомер, заводящийся ключом, был зажат в стариковской руке с распухшими, подагрическими суставами: две женщины, сидевшие рядом со старым болельщиком и засыпавшие его разными вопросами, отвлекали его внимание, и он не успел пустить секундомер. А Батаен тем временем, пройдя по самой нижней красной линии, проскочил финиш.

Сидящие на трибунах подались к тем, у кого были секундомеры:

— Сколько?

— Что-то больно здорово,— недоверчиво и с восхищением произносит один из секундометристов.— Двенадцать и две!

— У меня двенадцать и четыре!

— А у меня даже ровно двенадцать!

— Ну это ты зевнул!

Кто-то вынимает лупу и в нее разглядывает циферблат. Большинство секундомеров показали 12,2 секунды.

— Ну и здоров же, а? На две десятых выше рекорда!

— Для рекорда разгон-то нужно брать низом, а не сверху,—многозначительно подмигнув, замечает бравый мужчина с окладистой полуседой бородой.

— Все равно здорово! Ох, и битва же будет!

И нужно было видеть, с какой нежностью смотрел сейчас на своего любимца Батаена 55-летний переплетчик Николай Кузьмич Пузанов.

На Пузанова косятся за привязанность к москвичу, усматривая в этом измену тульским велосипедистам. Но он невозмутим:

— Не за кого в Туле стало болеть. Перевелись у нас спринтеры. Был силен «Митрич», болел за него, а теперь болею за Батаена. Что вам легче было бы, если бы я болел за Ипполитова?

Это и есть «профессиональные» болельщики. Их две группы. К первой относятся бывшие спортсмены, такие, как знаменитый Константин Суханов, чемпион СССР в гонках за лидером. Но наиболее многолюдна вторая группа любителей велоспорта. Почти все свободное время проведя на треке, переживая все перипетии борьбы вравную с гонщиками, они сами крупными спортсменами не стали. Здесь и представители тульской интеллигенции — врачи Степан Федосеевич Суетин и лучший в городе стоматолог Николай Евгеньевич Соболев, сын одного из зачинателей общества тульских велосипедистов, построившего этот трек. И сын Николая Евгеньевича — студент третьего курса мединститута. И старые рабочие, такие, как переплетчик Н. К. Пузанов, 46 лет проработавший в типографии газеты «Коммунар».

Десятилетним мальчишкой Пузанов впервые был послан на трек продавать программы и с тех пор не пропустил ни одного соревнования, оставаясь верным своим фаворитам в дни побед и в минуты тяжелых поражений.

Старые оружейники Павел Петрович Ермаков и 78-летний Михаил Тимофеевич Петров с первого дня существования трека привязались к нему на всю жизнь.

Знаменитые тульские болельщики. Справа налево: К. В. Суханов, М. Т. Петров, А. А. Бердников, П. П. Ермаков наблюдают за тренировкой гонщиков.

Все они тонкие знатоки велосипедной езды. Для тульских болельщиков нет большего огорчения, когда крупные соревнования происходят не на их треке.

Когда в 1939 году первенство СССР проводилось в Симферополе, Пузанов собрался в отпуск и отправился туда.

— Тысячу рублей денег истратил,— рассказывает Николай Кузьмич,— измотался в дороге, но зато гонки видел. И какие гонки! Рассказать невозможно. И теперь дух захватывает. Я, ведь, бывал на всех первенствах — и в Грозном и в Ленинграде. А в Москву мы целыми грузовиками ездили. В 1924 году, когда впервые выиграл первенство СССР Дмитрий Соловьев, туляков среди зрителей было больше, чем москвичей. Суханов в финале падал два раза, проиграл два круга Козлову, а к финишу оказался на пять кругов впереди ближайшего конкурента!..

На трибуну быстрым шагом поднимался небольшого роста пожилой человек с живыми черными глазами. Это и есть Суханов, знаменитый гонщик. Коренной туляк, всю свою жизнь проработавший на оружейном заводе токарем, он о гонке, которая была 24 года тому назад, говорит с таким жаром, будто только что слез с велосипеда и еще не успел успокоить дыхания:

— После падения я проиграл больше двух кругов и когда отыграл их, а потом стал обходить противников, земляки мои так неистовствовали, что я думал — сломают трибуны. Слез с машины, начали меня качать, целовать, как с ума все посходили!

Он закончил рассказ, заулыбался, и на его смуглом морщинистом лбу,— видимо, от волнения — выступили крупные капли пота. Разговор перешел на других знаменитых туляков, и доктор Соболев, изредка бросавший реплики, вспомнил о семье Соловьевых:

— Много было у нас хороших гонщиков, и Георгий Соловьев относится к ним, но таких, как Дмитрий Соловьев, у нас, пожалуй, никто не помнит. Подобным ему рывком с места не обладал вообще ни один велосипедист. Поверите ли, рули и шатуны ломал, бывало! Из иногородцев у него в самом блеске его славы выигрывал только москвич Алексей Куприянов. Зато их встречи и были самым ярким зрелищем за все существование трека.

— Ну да, а Батаен с Ипполитовым? — вставил кто-то.

— Эти — другое. Они еще ни разу не выступали в одинаковой спортивной форме. Один



Семья велосипедистов. Слева направо: Аркадий, Дмитрий, Георгий, Вячеслав и Эдуард Соловьевы.

Фото Н. Туранова и И. Князева.

из них всегда все-таки сильнее другого. А те оба были равны, и уж тут кто кого перехитрит. Куприянов был разнообразней в тактике. Своим бурным темпом он умел предупреждать мгновенный бросок Соловьева. Бывало, появится в городе афиша всего в три слова: такого-то числа и громадными буквами: «Куприянов — Соловьев». Два дня соревнуются, и оба дня яблоку негде упасть, заборы ломала публика.

Но и в современной Туле интерес к велосипеду не меньший. За много дней до первенства страны все билеты на стадион были проданы. За день до первого старта в комнату к бывшему туляку Шелешневу вошел старик. Гонщик много раз видел его на стадионе во время тренировок и при посещении завода, но так и не узнал фамилии.

Старик извинился, что беспокоит в такой день, и с мольбой в голосе спросил:

— Товарищ Шелешнев, говорят — на два дня перенесли начало гонок, верно это?

— По-моему, нет, это над вами кто-то пошутил.

— Ну, слава богу, а то я и без того совсем изведся. Поверишь, уже две ночи не сплю: все думаю, кто выиграет. Как, по-вашему, наша Зоя выиграет?..

* * *

И вот, наконец, наступил день открытия первенства. С утра обновленный и украшенный флагами всех обществ стадион ждал гостей. Одетые в лучшие платья, как в самый большой праздник, шли туляки в парк, где расположен велотрек.

У ворот — толпа, не протолкнешься. К пяти часам трибуны полны. У заборов в четыре — пять рядов расположились зрители. Столетние березы и липы, окаймляющие трек, обвешаны людьми, как яблони в урожайный год плодами. Один смельчак залез на самую вершину березы.

Первые два дня соревнований — самые интересные. Разыгрывается классическая гонка на один километр. Только за нее чемпиону дается золотая медаль, и атмосфера к финалу накаляется до предела. Уже отгремели аплодисменты туляку Вячеславу Соловьеву, младшему из династии Соловьевых, попавшему в финал. Теперь все ждут развязки.

Большинство знатоков уверены, что за первое место снова борьба будет между Ипполитовым и Батаеном.

Взволнованный, с горящими глазами сидел в кругу старых друзей Николай Кузьмич Пузанов. Он уверен в победе Батаена, но волнуется, как всегда, перед большим спортивным событием.

— Ну, как, Николай Кузьмич, не боишься проиграть пари, а?

— Нет, не боюсь. Уж больно верный парень.

Когда же на пьедестале встали победитель гонки Ипполитов, занявший второе место Большаков и третье — Батаен, осунувшийся, бледный Пузанов один в этой буре оваций был безучастным зрителем.

Однако в течение последних дней и на его долю выпало счастье: его любимец завоевал трижды звание чемпиона. И Николай Кузьмич с восхищением заявил:

— Нет, все-таки наши, теперешние, ярче старых гонщиков, огня в них больше! Ездят смелей, стиль другой, молодцы!

СПОРТИВНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Накануне легкоатлетического чемпионата. Борьба за золотые медали чемпионов. Будут ли рекорды!

Сегодня легкоатлеты мечтают об одном: пусть бюро погоды предскажет на всю неделю солнечные и безветренные дни для города Харькова, и пусть на сей раз природа посчитается с метеорологическими прогнозами! Тогда начинающийся 5 сентября в Харькове легкоатлетический чемпионат страны, бесспорно, впишет новые славные страницы в историю советского спорта.

Давно известно, что спортсмен не может поддерживать наилучшую форму на протяжении всего сезона. Горе тому, кто слишком рано достигнет зенита своих сил! К самому важному соревнованию — первенству страны — он придет уже усталым. Искусство тренера как раз и состоит в том, чтобы к чемпионату страны его питомец сохранил все свои силы и свежесть.

Наши лучшие спортсмены уже давно используют тактику наращивания сил, и на протяжении сезона мы наблюдаем неуклонный рост их результатов. Так, Николай Каракулов, проигравший весной бег на 100 метров молодому спринтеру Санадзе, в июле установил новый всесоюзный рекорд, пробежав дистанцию за 10,4 секунды. Кто станет новым чемпионом страны? Вероятно, Каракулов. Но Головкин, Санадзе и Кароев окажут ему жестокое сопротивление.

Еще ожесточеннее будет борьба в женском спринте. Две динамовки — москвичка Евгения Сеченова и Зоя Духович из Ростова — пробежали сто метров в 11,9 секунды, повторив всесоюзный рекорд. Между прочим, именно с этим результатом голландка Бланкерс Коен выиграла золотую медаль на олимпиаде в Лондоне.

Можно думать, что Сеченова и Духович ещё не сказали своего решающего слова в этом сезоне. В прошлом году они поделили золотые медали. Москвичка сохранила первенство в беге на 100 метров, ростовчанка завоевала звание чемпиона на 200 метров.

Но вряд ли дело ограничится единоборством этих двух выдающихся спортсменок. К ним вплотную приблизились молодежь: Н. Русенко из «Большевика» (Москва), З. Носкова из рижского общества «Трудовые резервы», Мальшина из московского «Динамо» и многие другие, кто еще не перешагнул заветный 12-секундный рубеж, но уже близко к нему подошел.

Сколько интереснейших спортивных стычек увидят харьковчане! Перед их глазами пройдет схватка двух выдающихся метателей, «двух Александров» — киевлянина Канаки и ленинградца Шехтеля. Оба бросают молот за 55 метров и попеременно улучшают рекордный результат.

Соперничество В. Фокиной, Е. Гокиели и Адаменко, пробегающих 80 метров с барьерами в 11,6—11,9 секунды, обещает новый рекорд, так же как выступление способного молодого барьериста Тимофея Лунева из Минска, успевшего уже повторить рекорд страны в беге на 400 метров с барьерами (54 секунды). Степанчонок, Анисимов и Буланчик уже не раз пробегали 110 метров с барьерами резвее 15 секунд.

Высота 155 сантиметров, еще так недавно бывшая пределом, стала теперь заурядным результатом для наших молодых легкоатлеток, прыгающих в высоту. И от Александры Чудиной, чемпиона страны, следует ждать новых успехов.

Людмила Анокина и Клавдия Маючая — две знаменитых метательницы копья, давно перешагнувшие отметку официального мирового рекорда,— снова встретятся в борьбе за звание чемпиона. Но теперь к ним присоединилась еще и Наташа Дятлова.

Попрежнему не имеют равноценных соперниц метательницы Нина Думбадзе и Татьяна Севрюкова. Истинное наслаждение наблюдать удивительную гармоничность и совершенство движений этих нигде в мире не превзойденных метательниц!

Десятиборье — венец легкой атлетики. Здесь чемпиону страны 1947 года В. Волкову угрожает серьезная опасность со стороны эстонца Хейно Липпа, который в августе установил новый всесоюзный рекорд, набрав 7584 очка. Выдающийся результат!

Впрочем, новых рекордов страны можно ждать почти в любом виде легкой атлетики. Предстоит ожесточенная борьба за звание чемпионов.

А. ВИТ

Почему мы так говорим

БОЧКА

На Руси в течение долгих веков мерой сыпучих тел была кадь (отсюда наши слова «кадка», «кадушка»). О кади упоминает еще «Русская правда». В кади помещалось примерно 14 пудов ржи, и делилась она на 2 половника, или 4 четверти (еще и в наше время говорят: «Задать лошадям четверть овса»), или 8 осьмин.

Чтобы продавцы не могли злоупотреблять мерой, подрезая кадь и уменьшая ее емкость, по бокам кадь стали оковывать железом. Отсюда и ее другие названия: «оков» или «бочка» — от слова «бок».

КРУГЛЫЕ ПЯТЕРКИ

Иногда спрашивают: «Почему пятерки круглые?» Здесь круглый не имеет отношения к кругу, а означает полный.

Мы говорим: круглый сирота, круглый год, круглый дурак.

Понятия круглоты и законченности, завершенности, передаются одним и тем же словом не только в этих случаях. В. Даль приводит ныне исчезнувшее из нашего языка слово «облый», означавшее и круглый и полный: облые дрова — кругляки, обель — полный раб. Характерно, что и по-хорватски обель значит и круглый и полный.

И. УРАЗОВ

Мастер-препаратор

В Московском зоологическом саду произошел несчастный случай: бегемот нечаянно придавил насмерть ногой двухдневного детеныша. Препаратору Зоологического музея при Московском университете Павлу Сергеевичу Николаеву поручили тогда сделать для музея чучело маленького бегемота. Павел Сергеевич взялся за работу. Сначала он сделал манекен. Затем натянул на этот каркас шкуру, подвергшуюся предварительному дублению, и придал всей фигуре типичную позу. Когда была сделана последняя деталь — вставлены стеклянные глаза,— бегемот выглядел, как живой. Даже профессор Мантейфель, строгий критик, похвалил искусство мастера.

Сорок восемь лет изготовляет чучела препаратор Зоологического музея П. С. Николаев. В его небольшой мастерской настоящий зоосад из чучел. Кого только тут нет! Орлы, змеи, рыбы, пеликаны, лебедь, черепаха, лисица, крокодил, кенгуру. Принесли для починки чучела: редкой птицы — марабу; волка, которому надо исправить сломанный зуб и вставить новый глаз; цапли—для ремонта ноги. В углу стоит «мишка», а на рабочем столе лежит самое маленькое изделие — крошечное чучело мышонка в два сантиметра величиной, которое может поместиться в спичечной коробке.



П. С. Николаев в зале Зоологического музея устанавливает чучело бегемота.

— Вот он, мой зоосад,— говорит Павел Сергеевич, показывая своих зверей.—Только клеток нет, и кормить моих питомцев не надо,— шутит мастер.— До революции работал в частной торговой фирме. Занятие там было бессмысленное. Придет замоскворецкая купчиха, и делай ей чучело из издохшей канарейки. Заказывали барыньки чучела своих покойных кошек. Сейчас мы работаем для зоологических музеев, университетов, техникумов, школ. Часто в наш университетский зоомузей приезжают экскурсии, и мне, старику, приятно, что мой труд приносит пользу, помогает людям познавать животный мир...

Гр. МЕРЛИНСКИЙ



П. С. Николаев в мастерской Зоологического музея Московского университета делает чучело кенгуру.

Фото А. Строева

КАК УСТРОИТЬ ФОТОЛАБОРАТОРИЮ

Работа со светочувствительными фотографическими материалами требует полной темноты или специального освещения, не действующего на светочувствительную эмульсию.

По этой причине у каждого фотолюбителя рано или поздно возникает потребность в оборудовании хотя бы небольшой фотолаборатории.

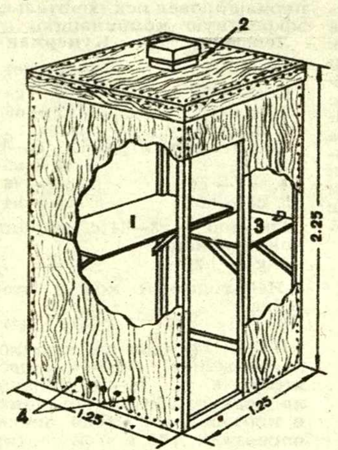
Для устройства такой лаборатории пригодно любое чистое и теплое помещение: кладовая, ванная или угол в жилой комнате.

Лабораторию-кабину можно также построить самому из фанеры, картона или другого светонепроницаемого материала. Объем ее должен быть не менее $3\frac{1}{2}$ кубических метров; такой кубатуре отвечает кабина площадью $1{,}25 \times 1{,}25$ метра и высотой 2,25 метра.

Для постройки кабины можно отгородить в комнате угол, но лучше сделать кабину наподобие шкафа, чтобы в случае надобности ее можно было бы перенести в другое место.

Кабина состоит из четырех стен и потолка, изготовленных в виде рам, обшитых фанерой (см. рис. 1). Для рам пригодны рейки квадратного сечения $4\frac{1}{2} \times 4\frac{1}{2}$ сантиметра, а для обшивки — любая фанера, картон и т. п. Дверь кабины делают выдвижной или обычного типа — на поворотных петлях. В крыше кабины устраивают вытяжное вентиляционное отверстие со светозащитным колпаком.

Как видно из нашего рисунка, в кабине свободно умещается рабочий стол размером 50×125 сантиметров и столик для увеличителя размером 40×50 сантиметров. Оба они сделаны в виде полок на подпорках, причем столик для увеличителя лучше сделать на петлях. Размеры столов позволяют производить все необходимые работы, включая увеличение формата до 40×50 сантиметров.



1. РАБОЧИЙ СТОЛ
2. ВЫТЯЖНАЯ ТРУБА
3. СТОЛИК ДЛЯ УВЕЛИЧЕНИЯ
4. ВЕНТИЛЯЦИОННЫЕ ОТВЕРСТИЯ

Рис. 1.

Построив кабину, надо проверить ее полную светонепроницаемость. Обнаруженные просветы должны быть тщательно заклеены черной бумагой.

В лаборатории лучше всего пользоваться электрическим светом. В зависимости от своей спектральной чувствительности (цветочувствительности) различные фотоматериалы требуют для их обработки различного освещения: желтого, оранжевого или красного. С этой целью в фотолабораториях применяются фонари с специальными светофильтрами. Любителю вполне достаточно иметь двухоконный фонарь с оранжевым и красным стеклами.

Наиболее удобны подвесные фонари. Один из них показан на рис. 2. Фонарь разделен внутренней перегородкой на две части. Не обязательно применять очень густые светофильтры. Свет может быть достаточно ярким и в то же время спектрально надежным. Каждый светофильтр нужно проверить опытным путем, т. е. произвести при нем проявление и убедиться в том, что он отвечает своему назначению.

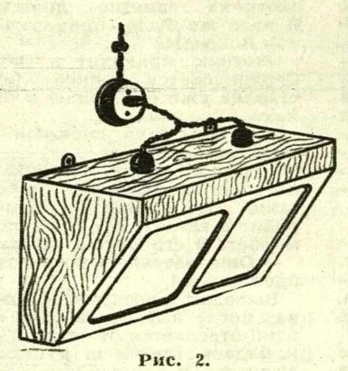


Рис. 2.

Кроме цветных источников света надо иметь обыкновенный белый, не слишком яркий свет (лампочку мощностью до 60 ватт). Наконец, в лаборатории необходимы по меньшей мере две штепсельные розетки — для включения увеличителя и копировального станка.

Чтобы обеспечить поступление в лабораторию свежего воздуха, в нижней части одной из стенок делают несколько небольших отверстий, а перед ними укрепляют щиток, заслоняющий наружный свет.

Надо позаботиться и об отоплении лаборатории. Все фотолабораторные процессы требуют температуры 18—20°С. Лучшим отоплением является центральное, водяное. Если имеется голландское отопление, то топка печи не должна находиться в самой лаборатории. Ни в коем случае нельзя пользоваться времянками или электроплитками: они крайне опасны в пожарном отношении, так как фотопленка легко воспламеняется и горит очень бурным пламенем.

Очень удобен стол, приведенный на рис. 3. Стол представляет собой совершенно законченную лабораторию — остается лишь поместить его в кабину. Размеры стола невелики: высота—90 сантиметров, длина — 100 сантиметров, ширина—45 сантиметров. Снабжен он высокой спинкой, на которой слева размещены двухоконный фонарь и полочка, а справа— бак для воды и подвесной станок для сушки негативов. Под баком в столе имеется водосточная раковина с крышкой, а под раковиной — сливное ведро. Левая нижняя часть стола также использована для полок. В столе имеются два выдвижных ящика для хранения фотобумаги, кассет, светофильтров и других принадлежностей. Вверху, посредине спинки, укреплено бра с белой лампочкой, выключатель которой находится рядом с фонарем.

В числе лабораторного оборудования необходимо иметь увеличитель.

Для контактной печати рекомендуется копировальный станок. Он представляет собой ящик, на крышке которого укреплена копировальная рамка. Внутри ящика, как это видно на рис. 4, помещены две лампочки: оранжевая и белая. При включении станка в электросеть оранжевая лампочка загорается, белая же включается только на время печати с помощью выключателя, укрепленного на боковой стенке ящика. Между лампочками и рамкой помещается матовое стекло.

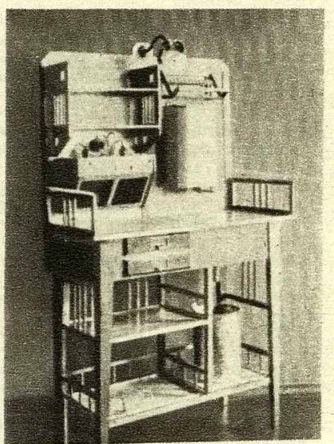


Рис. 3.

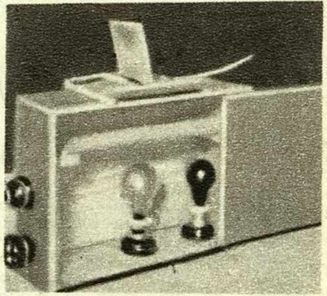


Рис. 4.

Из лабораторной посуды прежде всего необходимы кюветы (ванночки). Любителю обычно вполне достаточно иметь три — четыре кюветы формата 13×18 сантиметров и три — формата 24×30 сантиметров. Хранить фоторастворы можно в обыкновенных бутылках, химические вещества следует держать в широкогорлых банках с притертыми пробками. Для отмеривания и фильтрования жидкостей нужны мензурка и воронка. Надо также иметь бачок для проявления пленки «ФЭД» или широкой роликовой пленки — в зависимости от фотокамеры, которой пользуется любитель. Если камера пластиночная, то вместо таких бачков необходим бак для промывки негативов. Чтобы приготовлять фотографические растворы, следует приобрести весы с разновесом, а для измерения температуры растворов — термометр.

Сушат стеклянные негативы на станочках-козелках, а пленки — с помощью обыкновенных бельевых зажимов. Такие же зажимы применяются и для отпечатков. С целью получения на отпечатках хорошего глянца понадобятся для накатки зеркальное стекло и резиновый валик.

Нам остается еще напомнить, что во избежание порчи снимков лабораторию необходимо содержать в чистоте, после работы убирать, часто смахивать пыль, не оставлять на столе остатков пролитых растворов. Кюветы и другую посуду после употребления надо тщательно ополаскивать. Работать следует только чистыми руками.

Д. БУНИМОВИЧ

ИЗ БЛОКНОТА ОХОТНИКА

«ПО ПЕРУ»

Августовское утро. Теплое, тихое, ясное.

Солнце торопливо поднимается ввысь. Торопится и охотник; незачем ему спешить, да ноги сами несут вперед. Кончились обширные колхозные поля, впереди мелколесье, а еще дальше плотная стена леса... Вот и заветные места. Между кустов высокая, сочная трава, обильно увлажненная росой. На полянах кочки, покрытые сочной черникой, рубиновой костяникой и начинающей алеть брусникой. Здесь непременно должны быть тетерева.

Пес сразу приступает к исполнению своих обязанностей. Оказывается, он не забыл их за долгое время безделья. По всем правилам ведет поиск. То скроется за кустами, то снова мелькнет на полянке и все время поглядывает на хозяина. У одной кочки задержался дольше обычного и, кивнув головой, как бы поясняет:

— Гляди... Это их работа.

Охотник послушно подходит и внимательно смотрит. Доказательства налицо: склюнутые ягоды, сбитая роса. Тетерева, как видно, снялись недавно.

Пес становится спокойнее и старается держаться на виду. Работает отлично. Вот его грациозная поступь замедляется. И вдруг собака замирает в неподвижной позе. Голова вытянута, вытянут и хвост с длинной бахромой. Охотник тоже не дышит. Учащенно стучит сердце.

— Тр-р-р...

Выводок! Серенькие птички с писком разлетаются в разные стороны. Тревожно квохчет матка.

Выстрел! Другой!

Но ни одна из птиц не изменяет своего, еще не уверенного полета. Звучно и как бы призывно кричит тетерка, что-то приказывая на своем тетеревином языке птенцам.

Собака укоризненно смотрит на хозяина, закладывающего новые патроны. Руки охотника заметно дрожат. И надо же было «промазать»!

— Вперед!

Охотник приходит в себя. Сердце бьется ровнее, двустволка уже не дрожит в руках.

А кругом тихо, спокойно и торжественно.

Чудесное утро благоухает и пьянит лесными ароматами. От ярких цветов рябит в глазах. Пес снова замирает. В его глазах приказ:

— Они здесь... Смотри, не промахнись!

Выводок в воздухе. На этот раз после выстрелов одна из птиц отделяется от остальных и падает где-то за кустами. Минута — и первый трофей у ног охотника. И пес снова бросается в поиск.

Через короткое время пес начинает горячиться, нервничать, направление держит к большому густому кусту. Охотник настораживается, он знает: это неспроста. Так и есть. Старый черныш не выдерживает стойки и ракетой с треском взмывает ввысь.

Дуплет!

А крупная черная птица на крыле. Полет быстрый и уверенный. Хитер старый косач. Несколько секунд — и он скрывается из поля зрения.

Разгоряченному псу хочется броситься вслед, но энергичный окрик его останавливает. Нет никакого смысла преследовать птицу; нескоро она приземлится.

А солнце уже высоко поднялось в небе и начинает припекать. На полянах роса исчезла, она еще поблескивает только в густой чаще, где попрежнему сыро и прохладно.

Заметно, что четвероногий друг начинает сдавать, тяжело дышит и рад каждой мочажинке, чтобы полакать хотя и теплой, но все же освежающей воды. И охотник то и дело прикладывает фляжку к губам, но она уже почти пуста.

На большой поляне неожиданно срывается выводок. На виду каждая птица. Хорошо различима матка. Она гораздо крупнее молодых, ее полет увереннее...

Красивый дуплет — и пара цыплят почти одновременно падает в густую траву.

Трофеи в сетке. Охота удалась на славу.

А солнце греет невыносимо, на ногах вместо сапог будто свинец. Пора кончать.

Усталые, но довольные бредут по пыльной дороге неразлучные друзья.

С. МИНАЕВ

ШАШКИ

под редакцией мастера **Г. Я. Торчинского**

И. Куперман и Л. Хейф — победители первенства Москвы 1948 года

Первенство Москвы 1948 года привлекло рекордное для последних лет количество участников. В четвертьфинальных турнирах соревновались 84 шашиста (7 групп по 12 человек в каждой) — преимущественно молодежь, впервые участвующая в первенстве столицы. Два победителя от каждой группы и 34 кандидата в мастера и перворазрядника составили четыре полуфинальных турнира по 12 человек. Отборочный характер этих турниров придал им особую остроту—только первые и вторые места в группе давали право на участие в финальном соревновании с мастерами.

Многочисленные зрители явились свидетелями напряженной и интересной борьбы. С первых же туров лидерство захватил мастер Хейф, и только на финише его нагнал трехкратный чемпион СССР Куперман. Имея по 9 очков из 13 возможных, они возглавили турнирную таблицу. Набрав по 8 очков, третье и четвертое места поделили мастер Романов и перворазрядник Кузнецов, завоевавший в этом турнире звание кандидата в мастера и право участия в полуфинале первенства СССР. Мастера Верете, Вилкомир и Косогов, кандидат в мастера Шенкер и перворазрядник Мардер набрали по 6½ очков. Мардер также завоевал звание кандидата в мастера и право на участие в полуфинале первенства СССР. Десятое и одиннадцатое места поделили кандидаты в мастера Иванов и Купцов — по 5½ очков. Мастер Глезер и кандидат в мастера Левинсон оказались на двенадцатом и тринадцатом местах. Замкнул турнирную таблицу перворазрядник Рагозин. Турнир изобиловал интересными партиями и показал дальнейший рост мастерства шашистов столицы.

Ниже приводится самая короткая партия турнира, в которой чемпион СССР И. Куперман провел исключительно эффектную комбинацию.

Левенсон (белые)	**Куперман** (черные)
1. c3 — d4	d6 — c5
2. b2 — c3	e7 — d6
3. g3 — f4	. . .

Часто здесь играют 3. c3—b4

3. . . .	f6 — g5
4. h2 — g3	g7 — f6
5. c1 — b2	g5 — h4

Грозило 6. g3—h4 с неприятной связной.

6. g1 — h2	. . .

Необходимый ход в этом дебюте.

6. . . .	d8 — e7 (!?)

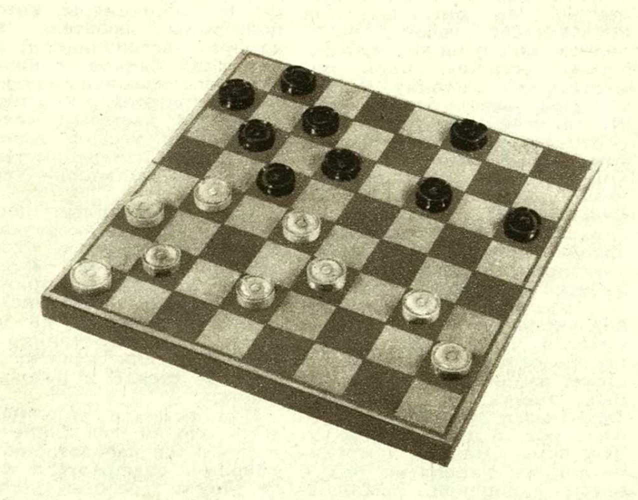
Новое, но едва ли солидное продложение. Обычно здесь играют 6. . . . f8 — e7. Попытка черных сбить противника с проторенных путей вполне оправдала себя в этой партии.

7. f4 — e5	d6 : f4
8. g3 : g7	h8 : f6
9. c3 — b4	e7 — d6
10. f2 — g3?	. . .

Сразу проигрывает, так как в распоряжении черных оказывается возможность провести исключительно эффектную комбинацию, выигрывающую партию. Следовало продолжать 10. b2—c3 с обоюдоострой игрой.

10. . . .	h4 : f2
11. e1 : g3	f6 — e5!!
12. d4 : f6	f8 — e7!
13. f6 : d8	c5 — d4!!
14. e3 : e7	b6 — a5

15. d8 : b6 a5:c3:e1:h4:d8:a5 и белые сдались.



Положение после 11-го хода белых.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» И. Пильчман (Внуково)

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Русский изобретатель. 4. Зубной врач. 7. Геометрический термин. 9. Камень. 11. Торговая слобода. 15. Птица. 17. Произведение Лермонтова. 18. Русский дипломат. 19. Болезненное явление. 22. Капельница. 23. Цветок. 24. Музыкальный инструмент. 25. Художественное произведение. 27. Ядовитое насекомое. 30. Слог писателя. 32. Рыба. 33. Персонаж из романа Л. Толстого. 35. Дерево. 39. Профессия. 41. Отборные войска. 43. Мужское имя. 45. Шалун. 46. Открытая галлерея. 47. Герой произведения Горького. 48. Механизм для поднятия якоря. 50. Художественное украшение. 52. Змея. 53. Великан. 56. Римский историк. 59. Геометрический термин. 61. Изнеженный человек. 62. Прежнее название Ворошиловграда.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Вид искусства. 2. Продукт питания. 3. Пашня. 4. Наполеоновский маршал. 5. Мертвое тело. 6. Водоросль. 7. Хлебное изделие. 8. Королевский указ. 9. Приговор. 10. Река в Америке. 12. Вид папирос. 13. Английский писатель. 14. Русский артист. 16. Музей в Ленинграде. 20. Мера веса. 21. Река в СССР. 25. Город в СССР. 26. Кушанье. 28. Рыболовная снасть. 29. Женское имя. 31. Неизвестное. 34. Меткое выражение. 36. Патронаж. 37. Город в СССР. 38. Хлев. 40. Американский политический деятель. 42. Недоразвившийся орган. 43. Спортсмен. 44. Древнегреческий историк. 49. Драгоценный камень. 51. Город во Франции. 54. Птица. 55. Роман Золя. 57. Птица. 58. Языческий божок. 59. Остров в Караибском море. 60. Город в СССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 35

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Соликамск. 10. Остракизм. 11. Абрис. 12. Жилет. 13. Енот. 14. Марш. 15. Трест. 16. Кварц. 18. Конденсат. 21. Адлер. 25. Агава. 27. Сопло. 28. Антон. 30. Турне. 32. Архимед. 33. Кретон. 34. Индиго. 35. Полонез. 37. Капри. 39. Индри. 42. Моток. 43. Вобла. 45. Колит. 46. Аппретура. 49. Уксус. 52. Сюита. 54. Реал. 55. Елка. 56. Гаити. 57. Озноб. 58. Фенацетин. 59. Авторитет.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Шрифт. 2. Макет. 3. Пословица. 4. Балет. 5. Груша. 6. Извещение. 8. Катон. 9. Брикет. 10. Осмос. 17. Рант. 19. Осада. 20. Аспид. 22. Двор. 23. Пантомима. 24. Потенциал. 26. Архалук. 27. Симонов. 29. Норка. 31. Нагар. 35. Потоп. 36. Забор. 37. Калорифер. 38. Пари. 40. Дрок. 41. Иммунитет. 44. Пенсне. 47. Пилон. 48. Учеба. 50. Артек. 51. Бажов. 53. Аванс. 56. Глина.

ОТВЕТ НА ЗАДАЧУ

«Что это такое?» (№ 34)

1. Огурец. 2. Луковица. 3. Грибы. 4. Капуста (в разрезе). 5. Огурец (в разрезе). 6. Морковь (в разрезе). 7. Луковица. 8. Хлеб.

Главный редактор — А. СУРКОВ. **Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.** Оформление И. УРАЗОВА

А — 06623 Подписано к печати 31/VIII 1948 г. 5½ печ. л. Изд. № 637. Тираж 244 000. Заказ № 1814. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
3% ВНУТРЕННИЙ ВЫИГРЫШНЫЙ ЗАЕМ

ТАБЛИЦА ЧЕТВЕРТОГО ТИРАЖА ВЫИГРЫШЕЙ

Тираж состоялся 30 июля 1948 года в гор. Москве

В 4-м ТИРАЖЕ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО 3% ВНУТРЕННЕГО ВЫИГРЫШНОГО ЗАЙМА ВЫИГРЫШИ ВЫПАЛИ НА СЛЕДУЮЩИЕ НОМЕРА СЕРИЙ И ОБЛИГАЦИЙ:

№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях
000177	13*)	10.000
000763	09*)	5.000
001415	35*)	5.000
001763	48*)	10.000
002286	1—50	400
003274	03*)	5.000
003589	1—50	400
003766	1—50	400
003911	15*)	5.000
004688	1—50	400
005480	1—50	400
006787	13*)	5.000
006973	1—50	400
007888	1—50	400
008355	02*)	5.000
008496	25*)	5.000
008502	1—50	400
008614	43*)	25.000
009139	10*)	5.000
009609	10*)	5.000
010322	02*)	5.000
011891	36*)	10.000
012014	17*)	25.000
012427	01*)	25.000
012606	06*)	5.000
012854	08*)	5.000
012946	1—50	1.000
013168	01*)	10.000
014571	1—50	400
014592	1—50	400
014807	1—50	400
015063	43*)	5.000
015423	13*)	5.000
016948	31*)	5.000
017362	28*)	10.000
018799	1—50	400
019123	42*)	10.000
020253	35*)	10.000
023168	1—50	400
023449	1—50	400
023750	1—50	400
025212	09*)	5.000
025435	1—50	1.000
025485	17*)	5.000
025508	05*)	5.000
026091	27*)	5.000
028053	02*)	10.000
028179	1—50	1.000
028332	12*)	5.000
028356	1—50	400
028876	06*)	5.000
029046	1—50	400
029348	48*)	5.000
029731	45*)	5.000
031052	1—50	400
031347	43*)	5.000
031811	50*)	5.000
032357	1—50	400
033843	44*)	5.000
035893	1—50	1.000
035999	1—50	400
037205	05*)	5.000
037519	18*)	5.000
038526	1—50	400
040924	09*)	5.000
041255	22*)	5.000
042941	42*)	10.000
043088	1—50	400
043330	46*)	5.000
043752	1—50	400
044675	46*)	5.000
045093	1—50	400
046130	11*)	5.000
046706	1—50	400
046884	44*)	5.000
046927	39*)	10.000
046950	16*)	5.000
047831	29*)	10.000
047852	12*)	5.000
048162	34*)	5.000
048481	01*)	5.000
049502	42*)	5.000
049577	36*)	10.000
049852	1—50	1.000
050928	34*)	5.000
051656	39*)	5.000
053375	22*)	5.000
054064	1—50	400
055353	1—50	400
056871	19*)	5.000
057398	02*)	5.000
058010	11*)	5.000
058343	1—50	400
059080	1—50	400
059807	32*)	5.000
060349	28*)	5.000
060837	1—50	1.000
061864	26*)	10.000
062115	39*)	10.000
063068	06*)	5.000
063598	06*)	5.000
063807	14*)	10.000
064169	47*)	5.000
064390	1—50	400
066662	18*)	10.000
067206	11*)	5.000
067749	05*)	5.000
068124	27*)	5.000
070212	1—50	400
070674	1—50	1.000
071073	35*)	50.000
071372	1—50	400
071830	45*)	5.000
072220	25*)	10.000
072346	1—50	1.000
072434	44*)	25.000
072723	49*)	10.000
072826	30*)	50.000
073345	17*)	10.000
074046	1—50	400
075207	1—50	1.000
075660	42*)	25.000
075888	1—50	400
075936	1—50	400
076697	41*)	5.000
077751	01*)	10.000
078822	44*)	10.000
079674	33*)	10.000
080245	42*)	5.000
080413	1—50	400
081083	20*)	5.000
081104	10*)	5.000
081673	1—50	400
082034	50*)	10.000
082579	1—50	400
083159	33*)	5.000
083660	1—50	400
084347	1—50	400
084425	1—50	1.000
084695	16*)	5.000
084841	1—50	400
085884	1—50	400
086899	1—50	400
087027	1—50	1.000
087859	46*)	5.000
087945	15*)	5.000
088247	43*)	5.000
088672	1—50	1.000
090162	1—50	400
090258	26*)	5.000
090354	41*)	5.000
090519	08*)	5.000
090956	18*)	5.000
091516	37*)	10.000
091900	38*)	5.000
092071	37*)	5.000
092290	26*)	5.000
092573	1—50	1.000
092689	22*)	5.000
094382	03*)	5.000
094827	23*)	5.000
095646	02*)	5.000
095722	14*)	5.000
095900	05*)	5.000
097264	46*)	5.000
097323	43*)	5.000
098193	02*)	10.000
098722	09*)	5.000
098858	12*)	5.000
099066	1—50	1.000

*) На остальные 49 номеров облигаций этой серии выпали выигрыши по 400 рублей.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСТРУДСБЕРКАСС И ГОСКРЕДИТА.



На реке Десне (Брянская область). Фотоэтюд А. Гостева

Цена
3 руб